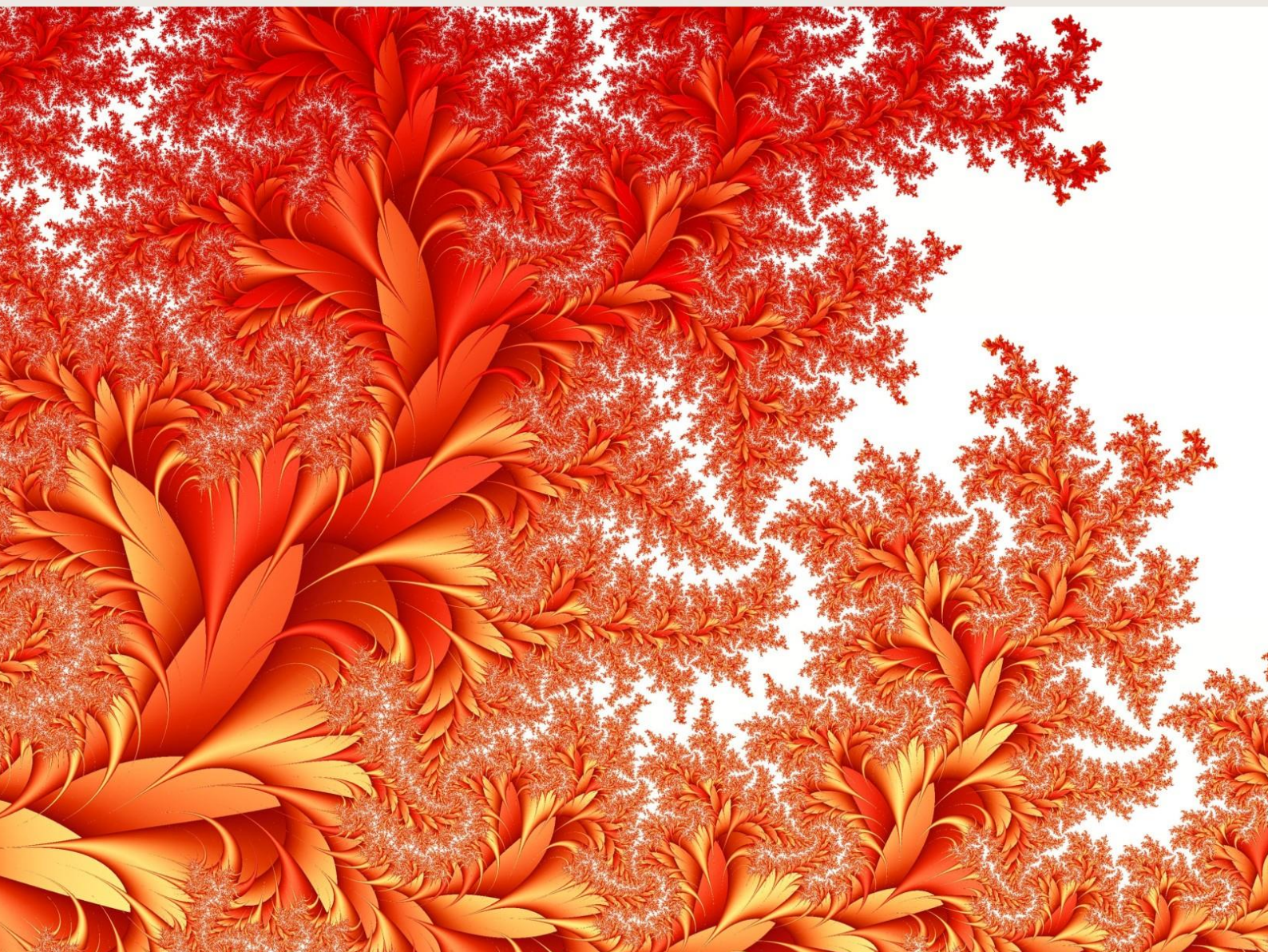

Россия и Азия

№ 4 (13), 2020

russia-asia.org

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 4 (13), 2020 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>

E-mail редакции: red@russia-asia.org

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета Российского университета дружбы народов, директор Центра Азиатских исследований РУДН, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов, директор Центра Арабских исследований РУДН, г. Москва, Россия.

Андреева Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Дамнянович Весна — PhD (экономика), профессор Белградского университета, г. Белград, Сербия.

Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры прикладной экономики Центра управления отраслями промышленности экономического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», г. Москва, Россия.

Малашенкова Ольга Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра международных экономических отношений, г. Минск, Республика Беларусь.

Муха Денис Викторович — кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом инновационной политики ГНУ «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси», г. Минск, Республика Беларусь.

Неновски Николай Ненов — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюль Верна, г. Амьен, Франция.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, профессор кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель Китайского университета уголовной полиции, г. Шэньян, провинция Ляонин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий.

Содержание**РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ****Родионова И. А.**

Позиции Азии в мировой индустрии 6

Бедрина Е. Б., Альристим Мохаммед Хуссейн Ассим.

Причины и факторы ресурсной зависимости Ирака и ее последствия 16

Красноярова Б. А., Кротов А. В., Лыткина А. В.

К юбилею Туркестано-Сибирской железной дороги: история строительства и развития, современное состояние и проблемы 24

Потоцкая Т. И.

Правовой статус Каспийского моря: экономико-географические аспекты 36

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ****Шкваря Л. В.**

Внешняя торговля России в XXI веке: особенности, проблемы и перспективы 46

Хайруллин Т. Р.

Дерадикализация исламизма в Арабском мире: опыт сопоставительного анализа, процессы и перспективы 64

Филькевич И. А.

Особенности поддержки национальной экономики в странах ЕАЭС в условиях коронавируса 73

Шахигуллин А. С.

Особенности туристического сектора Социалистической Республики Вьетнам на современном этапе 81

ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ**Меденников В. И., Бутрова Е. В.**

Методологические основы применения результатов проекта «Цифровая Земля» для решения задач народного хозяйства 95

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**Кокуйцева Т. В.**

О Межвузовской научно-практической конференции «Глобальная нестабильность и цифровые технологии: реалии XXI века» 102

Все статьи журнала «Россия и Азия» за 2017–2020 гг.

104

Content

DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Rodionova I. A.

Asia's position in the global industry 6

Bedrina E. B., Alristim Mohammed Hussein Assim

Causes and factors of Iraq's resource dependence and its consequences 16

Krasnoyarova B. A., Krotov A. V., Lytkina A. V.

To the anniversary of the Turkestan-Siberian railway: the history of construction and development, current state and problems 24

Pototskaya T. I.

The legal status of the Caspian Sea: economic and geographical aspects 36

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Shkvarya L. V.

Russian foreign trade in the XXI century: features, problems and prospects 46

Khayrullin T. R.

Deradicalization of Islamism in the Arab world: experience of comparative analysis, processes and prospects 64

Filkevich I. A.

Features of support for the national economy in the EAEU countries in the context of coronavirus 73

Shakhigulin A. S.

Specificities of the tourism sector of the Socialist Republic of Vietnam at the present stage 81

INNOVATION AND TECHNOLOGY

Medennikov V. I., Butrova E. V.

95

Methodological basis for applying the results of the Digital Earth project to solve the problems of the national economy

SCIENTIFIC LIFE

Kokuytseva T. V.

About the Interuniversity scientific and practical conference «Global instability and digital technologies: realities of the XXI century» 102

All articles of the journal "Russia and Asia" in 2017–2020

104

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ / DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Позиции Азии в мировой индустрии

Ирина Александровна Родионова¹

В статье анализируются изменения в пространственной структуре промышленности мира на региональном уровне в динамике в период с 1950 по 2018 гг. Расчеты проводились автором на основе официальных источников информации ЮНИДО, Научного фонда США и др. Структурные сдвиги произошли как в добывающей, так и в обрабатывающей промышленности. Анализ показал, что в настоящее время рейтинг наиболее промышленно развитых регионов мира возглавляет не Северная Америка и не Европа, а Азия. При этом на позицию лидера мировой индустрии вышел Китай. Каким образом будет изменяться глобальный «индустриальный ландшафт» в условиях перехода к цифровой экономике и в связи с пандемией по коронавирусу COVID-19 — покажет время. Но, учитывая темпы и особенности развития современного Китая и других азиатских стран, по-нашему глубокому убеждению, данный регион лишь укрепит свои лидерские позиции.

Ключевые слова: *Азия, промышленность, индустриализация, индустриальный ландшафт, региональные сдвиги в размещении промышленности.*

JEL коды: C49, F29, O14.

Введение

Основными характеристиками современной мировой экономики остаются неравномерность экономического развития регионов и стран, в том числе в сфере производства и потребления, в сфере использования информационных технологий («цифровой разрыв») и других областях, которыми определяется социально-экономический прогресс современного общества. В настоящее время уровень развития науки, наукоемких отраслей, мирового рынка технологий создает основу динамичного экономического развития, выступает фактором формирования центров силы.

К азиатскому региону относятся свыше 40 государств с общим числом жителей около 70% мирового населения. Среди них такие гиганты, как Китай и Индия. В группу мировых лидеров по числу жителей входят также Индонезия, Пакистан, Бангладеш и Япония. При этом, согласно экономико-географической типологии, только 2 государства относят к группе экономически высокоразвитых — Япония и Израиль. Остальные же страны относят к категории развивающихся (включая Китай). Население стран Азии быстро растет. Быстрыми

¹ Родионова Ирина Александровна — доктор экономических наук, профессор, академик Российской Академии Естествознания (РАЕ). Москва, Россия.

темпами увеличиваются в связи с этим, а также с непрерывным экономическим развитием этих государств, объемы производства и потребления всех видов продукции в странах Азии.

Эксперты ЮНИДО, ученые разных стран мира утверждают, что структурные сдвиги в мировой индустрии служат главным катализатором темпов роста современного глобального и регионального развития (Industrial Development Report, 2016; UNIDO. Competitive Industrial Performance Report, 2019).

Цель исследования — проанализировать и охарактеризовать изменение удельных весов крупных регионов в общемировом производстве той или иной промышленной продукции в условиях перехода к постиндустриальной экономике в динамике с середины XX в., и выявить позиции Азии в мировой индустрии.

Методика исследования

Исследование промышленности мира отличается рядом важных методологических особенностей. Принципиальным моментом представляется анализ структурных сдвигов в отраслевой, организационной и пространственной структурах промышленности мира. Глобальная система промышленности формируется при сложном взаимодействии факторов и соподчиненном размещении на территории стран и регионов производственных мощностей многих отраслей и разного рода производственно-территориальных сочетаний.

В проведенном исследовании по ряду видов продукции ведущих отраслей промышленности в динамике сопоставлялись статистические данные об объемах производства в странах и регионах за «ключевые» десятилетия: 1950, 1960, 1970, 1980, 1990, 2000, 2010 гг., которые представляются наиболее удобными для анализа. Эти данные представлены в докладах и аналитических отчетах различных международных организаций, ТНК и промышленных ассоциаций. Выполненные расчеты и анализ данных позволили выявить структурные сдвиги в пространственной организации мировой индустрии на уровне крупных регионов (Родионова, 2010; Родионова, Шувалова, 2014; Rodionova, 2014; Rodionova et al., 2016; Rodionova et al., 2017; Родионова, Кокуйцева, 2018). Но в настоящей статье автором будут представлены для сопоставления лишь данные по удельному весу регионов в глобальной промышленности в 1950 и 2018 гг.

Анализировались также статистические данные по объемам производства продукции всей обрабатывающей промышленности и продукции высокотехнологичных отраслей в динамике за период с 2001 по 2018 гг. на основе статистических данных международной базы ЮНИДО (Industrial Statistics Database, 2020) и Научного фонда США (Science and Engineering Indicators, 2018 и 2020).

Исследование структурных сдвигов в промышленности мира проводилось на уровне семи географических регионов: Это: 1) Северная Америка (США, Канада, Мексика); 2) Центральная и Южная Америка; 3) Зарубежная Европа (Западная и Восточная Европа, исключая республики СНГ); 4) СССР / СНГ; 5) Азия; 6) Африка; 7) Австралия и Океания. При этом зафиксирована жесткая географическая привязка страны к тому или иному географическому региону. Так, к региону Северной Америки были отнесены 3 государства (США, Канада, Мексика). А остальные американские государства включены в состав единого региона: Центральная и Южная Америка. С 1950 г. по 1990 г. анализировались данные по индустриальному развитию СССР. После 1990 г. рассчитывались суммарные статистические данные по странам Содружества Независимых Государств (СНГ).

Отметим, что по странам и регионам мира сопоставлялась информация о промышленном производстве в отдельных отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности в натуральных показателях: по объему или весу произведенной продукции (в зависимости от рассматриваемой отрасли) в динамике с 1950 по 2018 гг. Достоверность сопоставлений производства важнейших продуктов в натуральном выражении по их объему или весу вполне надежна. Но для сопоставления данных по странам и регионам-лидерам мировой индустрии использовались данные в стоимостных показателях из статистических баз данных ЮНИДО (в ценах 2010 и 2015 г.) и Научного фонда США (в текущих ценах).

Результаты исследования

Динамика доли регионов в мировом объеме производства продукции обрабатывающей промышленности мира

Отметим, что в 2019 г. на суммарную долю 15-ти стран-лидеров мировой индустрии приходилось (согласно данным ЮНИДО) около 80% мирового производства продукции (в стоимостных показателях в текущих ценах 2015 г. — *manufacturing value added, at constant 2015 prices in US\$*) (Industrial Statistics Database, 2020). Иными словами, по-прежнему очень высок уровень концентрации промышленного производства на индустриальной карте мира. Результаты анализа фиксируют стремительные темпы промышленного развития Китая (в 2019 г. это 1-е место в мире — около 30% мирового промышленного производства). Эта страна уже опередила по данному показателю как бывшего лидера США (около 20%), так и Японию, Германию и другие страны. На 5-й позиции ныне находится Индия, на 6-й позиции — Республика Корея (которая уступила по объему производства продукции обрабатывающей промышленности Индии свое прежнее 5-е место по итогам 2005 и 2010 гг.). Россия в 2019 г. занимала 13-ю позицию в мире (Industrial Statistics Database, 2020).

При этом важно отметить, что данные о производстве валовой добавленной стоимости в расчете на душу населения (*manufacturing value added per capita, at constant 2015 prices in US\$*) очень сильно различаются даже в странах-лидерах мировой индустрии (Китай — 2864 долл., США — 6858 долл., Япония — 7645 долл., Германия — 8980 долл., Индия — 315 долл., Республика Корея — 8252 долл., 2019 г.). В России данный показатель даже ниже среднемирового уровня (1227 долл.). Это свидетельствует, в том числе, и о том, какую именно продукцию производят страны с точки зрения применяемых технологий (низко-, средне- или дорогостоящую высокотехнологичную).

Интерес с точки зрения выявления сдвигов в пространственной организации мировой промышленности с начала 2000-х гг. представляют данные Научного фонда США (в текущих ценах). Проведенные расчеты показали, что уже в 2016 г. Китай вышел на 1-е место в обрабатывающей промышленности мира (28,6% мирового объема), опередив США (19,5%), Японию (7,2%) и Германию (5,8%) (Рассчитано по: Science and Engineering Indicators, 2018). Иными словами, эти данные не противоречат оценке экспертов ЮНИДО (Industrial Development., 2016; Industrial Statistics Database, 2020).

Таким образом, нами зафиксировано, что сдвиги происходили в направлении с Запада на Восток, т. е. в сторону азиатского региона, в том числе — под влиянием трансфера технологий, развития технопарковых структур и др. (Соловьёва, 2013). Во всех регионах мира отмечен рост стоимостных показателей выпуска промышленной продукции, но темпы

промышленного роста регионов существенно различались. В результате постепенно теряли свои позиции Северная Америка и Европа и очень быстро росла доля Азии в мировой обрабатывающей промышленности (табл. 1).

Таблица 1.

Динамика доли регионов в мировом производстве продукции обрабатывающей промышленности, 2001–2016 гг. (%)

Регион	2001	2004	2008	2012	2016
Северная Америка	33,4	28,6	22,9	21,1	22,5
Центральная и Южная Америка	4,1	3,8	6,0	6,2	4,0
Европа	29,3	33,1	32,6	24,4	22,5
Африка	0,9	1,0	1,1	1,2	1,0
Азия	31,4	32,2	36,3	46,0	49,1
Австралия и остальная Океания	0,9	1,3	1,1	1,1	0,9

Источник: рассчитано по: Science and Engineering Indicators, 2018.

Ныне именно Азия, серьезно изменив мировой индустриальный ландшафт, доминирует в мировой индустрии. Доля Азии в выпуске продукции обрабатывающей промышленности мира (около 50%) даже превышает суммарный показатель стран Европы и Северной Америки (табл. 1). Вне всякого сомнения, такой прогресс обеспечен быстрым экономическим развитием Китая, Индии, а также азиатских НИС (Республика Корея, Сингапур, Тайвань, Малайзия, Таиланд, Индонезия и др.), но при сокращающемся значении Японии.

Стоит обратить внимание и на тот факт, что производство наукоемкой и высокотехнологичной продукции также перемещается в страны азиатского региона — 45% в 2016 г. (рассчитано по: Science and Engineering Indicators, 2018), как вследствие размещения там производственных мощностей крупнейших ТНК западных стран, так и вследствие развития их собственной национальной индустрии. Доля Североамериканского региона в мировом выпуске промышленной продукции снизилась, а европейского региона по-прежнему составляет около 20% (табл. 2).

Таблица 2.

Динамика доли регионов в мировом производстве
Высокотехнологичной продукции, 2001–2016 гг. (%)

Регион	2001	2004	2008	2012	2016
Северная Америка	41,2	36,7	33,4	31,9	32,6
Центральная и Южная Америка	1,8	1,4	2,1	2,1	1,3
Европа	20,7	24,7	25,8	21,3	19,9
Африка	0,2	0,3	0,3	0,4	0,4
Азия	35,7	36,5	37,9	43,6	45,3
Австралия и остальная Океания	0,3	0,3	0,5	0,7	0,5

Источник: рассчитано по: Science and Engineering Indicators, 2018.

И это происходит, в первую очередь, за счет увеличения удельного веса Китая в производстве высокотехнологичной продукции (рост удельного веса с 6 до 23,5% только за период 2001–2016 гг.). Но важно подчеркнуть следующий факт. Мировым лидером в

выпуске высокотехнологичных товаров остаются по-прежнему США (30% мирового производства). Однако эту страну быстрыми темпами догоняет Китай. Далее, за этими двумя лидерами следуют: Япония, Германия, Тайвань, Республика Корея, Швейцария, Великобритания, Ирландия, Франция (Science and Engineering Indicators, 2018).

Безусловно, значение наукоемких отраслей и высоких технологий для экономического роста и развития многообразно. В них материализуются результаты НИОКР, они же определяют дальнейший спрос на научные исследования и тем самым способствуют развитию фундаментальной науки. Технологии формируют базу предложения материально-вещественных и информационных новшеств для всех без исключения отраслей хозяйства.

Экспертами ОЭСР (*Organization for Economic Co-operation and Development — OECD*) предложена новая классификация отраслей промышленности по степени интенсивности применения результатов НИОКР (*classification of industries by R&D intensity*), а Научным фондом США представлены статистические данные (Science and Engineering Indicators, 2020). Поэтому мы имели возможность продолжить сопоставление удельного веса регионов и государств в производстве продукции разных отраслей мировой индустрии. Так, ныне экспертами выделяются следующие категории отраслей по степени использования НИОКР (*R&D Intensity Category*): 1) *High R&D intensity*; 2) *Medium-high R&D intensity*; 3) *Medium R&D intensity*; 4) *Medium-low R&D intensity*; 5) *Low R&D intensity*.

Нами также анализировалась статистическая база по сектору *KTI (knowledge and technology intensive)*. На долю производства продукции товаров и услуг данного сектора приходится, согласно оценке экспертов, около 11% мирового ВВП. В данный сектор объединены средне- и высокотехнологичные отрасли, отличающиеся высокой степенью интенсивности использования НИОКР (*KTI industries include high R&D intensive and medium-high R&D intensive industries based on a classification by the OECD*).

К высокотехнологичным отраслям с самой высокой степенью внедрения результатов НИОКР (*high R&D intensive industries*) отнесены: авиакосмическая отрасль, фармацевтика, производство компьютеров, электроники и оптики, наукоемкие услуги (*scientific R&D services*), программное обеспечение (*publishing, including software*). Средне-высокотехнологичные отрасли (*medium-high R&D intensive industries*) это: химическая промышленность (за исключением фармацевтики), производство электро- и других машин и оборудования, выпуск автомобилей, железнодорожных машин и военной техники, а также информационно-телекоммуникационные услуги (*IT services*). Выполненные автором расчеты представлены в нижеследующей таблице (табл. 3).

Таблица 3.

Динамика доли регионов в мировом производстве продукции *KTI*
(*Knowledge and Technology Intensive*), 2002–2018 гг. (%)

Регион	2002	2004	2008	2016	2018
Северная Америка	36,1	31,5	27,0	28,1	27,7
Центральная и Южная Америка	2,0	2,2	3,6	2,4	2,3
Европа	29,7	32,9	33,7	24,9	24,4
Азия	30,6	31,5	33,5	42,6	43,7
Африка	0,6	0,8	0,9	1,0	0,9
Австралия и остальная Океания	0,9	1,1	1,2	1,0	1,0

Источник: рассчитано по: Science and Engineering Indicators, 2020.

Как видим, доля стран азиатского региона выросла в данной категории продуктов и информационно-коммуникационных услуг с 30 до 44% за период с 2002 по 2018 гг. при сокращении доли стран Северной Америки и Европы. Лидируют же в производстве данной группы товаров и услуг следующие государства: США (25% мирового промышленного производства), Китай (24%), Япония (около 8%), Германия (7%), Республика Корея (около 4%), Франция, Великобритания, Индия, Италия, Тайвань (рассчитано по: Science and Engineering Indicators, 2020). При этом важно отметить, что только на 5 стран азиатского региона, входящих в десятку мировых лидеров, суммарно приходится 39% (из 43,7% общей доли региона Азия в мировом производстве). А в Китае производят свыше $\frac{1}{2}$ всей промышленной продукции азиатских стран. Следовательно, настолько в настоящее время велико значение этого государства и в регионе, и в мировой индустрии в целом.

Следует также охарактеризовать удельный вес стран Азии в производстве высокотехнологичной продукции, где с высокой интенсивностью используются наукоемкие разработки (*value added of high R&D intensive industries, by region, millions of current dollars*). Выполненные расчеты показали, что только за период с 2002 по 2018 гг. доля Азии (которая ныне лидирует по выпуску продукции данной группы высокотехнологичных товаров и услуг) увеличилась с 27% до 39%. При этом доля стран Северной Америки снизилась с 43% до 34% и несколько снизилась доля стран европейского региона (табл. 4).

Таблица 4.

Динамика доли регионов в мировом производстве высокотехнологичной продукции (*high R&D intensive industries*), 2002–2018 гг. (%)

Регион	2002	2004	2008	2016	2018
Северная Америка	42,8	38,5	35,5	34,8	34,1
Центральная и Южная Америка	1,6	1,6	2,4	1,9	1,9
Европа	26,6	29,1	30,5	23,6	23,2
Азия	27,5	28,9	29,4	37,5	38,7
Африка	0,5	0,6	0,7	0,8	0,7
Австралия и остальная Океания	1,0	1,3	1,5	1,4	1,4

Источник: рассчитано по: Science and Engineering Indicators, 2020.

Важно выделить рост доли непосредственно Китая. Доля этой страны увеличилась с 5,6% в 2002 г. до 20,6% к 2018 г. То есть и в производстве продукции этой группы товаров на Китай приходится более $\frac{1}{2}$ всего азиатского производства. А вот доля Японии сократилась с 12% до 4,5% мирового показателя (рассчитано по: Science and Engineering Indicators, 2020). Но одновременно в 2–3 раза вырос объем выпуска высокотехнологичной продукции практически во всех странах Азии — в т. ч. в Республике Корея, Индонезии, Таиланде, в государствах Персидского залива (Шкваря, Родин, 2020). В Китае в текущих ценах выпуск продукции вырос почти в 9 раз, в Индии — в 7 раз, а Катар — в 20 раз и во Вьетнаме — почти в 30 раз. И, хотя мировым лидером по-прежнему остаются США, но Китай и Япония занимают прочное 2-е и 3-е место в группе лидеров. И вновь в группе лидирующей десятки стран мы видим 4 азиатских государства (Китай, Япония, Республика Корея, Тайвань), на которые в совокупности приходится 32% мирового выпуска высокотехнологичных товаров и услуг (что соответствует удельному весу США и значительно превышает суммарную долю всех стран Европы).

Можно лишь добавить, что доля Азии в мировом экспорте продукции указанной категории (*high R&D intensive industries*) уже превышает 50%, так как многие азиатские государства производят подобного рода продукцию в основном на экспорт.

Динамика доли регионов в мировом объеме производства отдельных видов промышленной продукции

При сравнении объемов производства продукции отдельных отраслей промышленности в натуральных показателях в динамике за солидный промежуток времени (с 1950 г.) также отчетливо видно, в какой степени изменился удельный вес того или иного региона в общемировом производстве того или иного вида промышленной продукции (Родионова, 2010; Родионова, Шувалова, 2014; Rodionova, 2014; Rodionova et al., 2016; Rodionova et al., 2017). Выполненные расчеты показывают, что практически во всех добывающих отраслях мировой индустрии фиксируется сдвиг производственных мощностей в азиатский регион (табл. 5).

Таблица 5.

Динамика доли регионов в производстве продукции отдельных отраслей добывающей промышленности, 1950–2018 гг. (%)

Регион	Нефть		Природный газ		Бокситы		Железная руда	
	1950	2018	1950	2018	1950	2018	1950	2018
Зарубежная Европа	1,9	3,6	2,6	6,5	25,5	1,2	30,3	1,8
СССР/СНГ	7,3	15,8	3,1	21,5	6,4	3,4	15,7	8,1
Северная Америка	54,0	23,0	92,8	27,2	15,8	0,1	41,0	3,9
Центральная и Южная Америка	17,6	7,5	1,2	4,6	43,6	15,8	2,8	21,3
Азия	18,7	41,1	0,4	30,7	7,1	32,9	2,1	40,6
Африка	0,5	8,7	0	6,1	1,6	16,6	4,5	2,6
Австралия и остальная Океания	0	0,3	0	3,4	0,0	30,0	1,0	25,3

Источники: составлено по: Родионова, 2010; BP Statistical Review of World Energy, June 2019; Mineral Commodity Summaries, 2019.

В нефтяной промышленности мира Азия лидирует после открытия месторождений нефти в Персидском заливе. Доля региона Азия в добыче нефти в 2018 г. превысила 40% мирового объема (при сильном сокращении доли Северной Америки — с 54 до 23%). В добыче природного газа удельный вес Азии вырос с 1950 г. с 0,4 до 31%. В бокситодобывающей промышленности в 1950 г. лидером был регион Центральной и Южной Америки (почти 44%). К 2018 г. лидирующими регионами стали Азия (около 33% мировой добычи) и Австралия (30%) (Родионова, Силла, 2020). Доля стран Азии в добыче железной руды (в товарной массе) выросла за анализируемый период с 2 до 40% и т. д. (табл. 5).

Но и в отраслях обрабатывающей промышленности мира происходит серьезное перераспределение производства между крупными регионами, и также в пользу стран Азии (табл. 6).

Таблица 6.

Динамика доли регионов в производстве продукции отдельных отраслей обрабатывающей промышленности, 1950–2018 гг. (%)

	Производство электроэнергии		Выплавка первичного алюминия		Выплавка стали		Выпуск легковых автомобилей	
	1950	2018	1950	2018	1950	2018	1950	2018
Зарубежная Европа	31,1	15,3	52,5	8,1	31,9	9,9	13,7	22,9
СССР/СНГ	9,3	5,3	8,0	6,7	14,4	5,7	0,8	2,5
Северная Америка	47,7	20,5	28,5	8,2	48,1	6,6	85,5	7,1
Центральная и Южная Америка	2,2	4,9	1,6	2,5	0,5	2,7	0	3,8
Азия	6,9	48,1	5,5	68,0	4,1	74,1	0	62,8
Африка	1,6	3,2	0,7	3,0	0,4	0,8	0	1,0
Австралия и остальная Океания	1,3	1,5	3,2	3,6	0,5	0,3	0	0,2

Источник: составлено по: Родионова, 2010; BP Statistical Review of World Energy, June 2019; Mineral Commodity Summaries, 2019; World Steel in Figures, 2019; International Organization of Motor Vehicle Manufacturers, 2019.

Так, по показателю производства электроэнергии (около 50%, 2018 г.) Азиатский регион значительно опережает все другие регионы (ведь именно в этом регионе находятся самые густонаселенные страны мира — Китай и Индия) (Родионова, Шувалова, 2018). По объему выплавки стали доля Азии увеличилась в 1950–2018 гг. с 4 до 74%; по производству первичного алюминия — с 5,5 до 68%. По выпуску легковых автомобилей доля Азии выросла практически с нуля до 63% мирового производства; по производству минеральных удобрений — с 5 до 60%; по производству разного вида химических волокон с 8 до 83% и т.д. И доля этого региона в выпуске большинства видов промышленной продукции продолжает расти (Родионова, Шувалова, 2014; Rodionova, 2014; Rodionova, et al., 2017). Таким образом, все приведенные выше данные также подтверждают факт перераспределения промышленного производства между крупными регионами мира в пользу Азии.

Однако это не означает, что экономически высокоразвитые страны потеряли свои позиции в мировой индустрии. Для характеристики развития индустриального сектора этой группы государств используются термины «высокоразвитая постиндустриальная индустрия» («*Industrie 4.0*»), реиндустриализация. Причем реальное участие этой группы стран в производстве промышленной продукции в мире много выше, учитывая их участие в глобальных цепочках добавленной стоимости (за счет деятельности крупнейших ТНК мира) (Draper, 2013; Digital Transformation ..., 2017).

Заключение

Растет число жителей развивающихся стран, в первую очередь стран азиатского региона, и растут объемы производства и потребления продукции в этих государствах. Основное направление современного этапа развития процесса индустриализации в мире — это

сдвиг (перемещение) производства и потребления в Азию. Лидером мировой индустрии ныне является Китай.

Серьезным изменениям в отраслевой и территориальной структуре мирового хозяйства и мировой индустрии в целом способствует инновационное развитие и фрагментация промышленного производства на международном уровне, в первую очередь — за счет глобального расширения географии деятельности крупнейших ТНК.

Вне всякого сомнения, события прошедших месяцев 2020 г. в связи с глобальной эпидемией *COVID-19* серьезно повлияют на ход мировой истории и развитие экономики. Но в условиях цифровизации мировой экономики, как показали осознанные, серьезные и молниеносные действия Китая, Японии и других азиатских стран в борьбе с угрозой распространения коронавируса, можно лишь укрепиться во мнении, что в настоящее время лидерство Азии остается непререкаемым.

Список литературы

1. Родионова И. А. (2010) Мировая экономика: индустриальный сектор. М.: РУДН. [Rodionova I. A. (2010) World economy: for the industrial sector. M.: PFUR. (In Russia).]
2. Родионова И.°А., Шувалова О.°В. (2014) Мировая промышленность, международное производство и прямые иностранные инвестиции // Фундаментальные исследования. № 12 (часть 9). С. 1988–1992. [Rodionova I. A., Shuvalova O. V. (2014) World industry, international production and foreign direct investment // Fundamental research. No. 12 (part 9). Pp. 1988–1992. (In Russian).]
3. Родионова И.°А., Шувалова О.°В. (2018) Мировая энергетика: позиции стран БРИКС // Россия и Азия. № 4 (5). С. 16–32. [Rodionova I. A., Shuvalova O. V. (2018) Positions of the BRICS countries in the world energy // Russia & Asia. No. 4 (5). Pp. 16–32. (In Russian).]
4. Родионова И. А., Силла А. Б. (2020) Бокситодобывающая промышленность мира: азиатские приоритеты развития // Россия и Азия. № 1(10). С. 35–50. [Rodionova I. A., Silla°A.°B. (2020) Bauxite mining in the world: Asian development priorities // Russia & Asia. No. 1 (10). Pp. 35–50. (In Russian).]
5. Родионова И.°А., Кокуйцева Т.°В. (2018) Позиции стран азиатского региона методика анализа уровня индустриального развития стран мира // Россия и Азия. № 1 (2). С. 10–16. [Rodionova I.°А., Kokuytseva T.°V. (2018) Positions of the Asian region countries methodology for analyzing the level of industrial development of the world's strnan // Russia and Asia. No. 1 (2). Pp. 10-16. (In Russian).]
6. Соловьёва Ю.°В. (2013) Развитие технопарковых структур: мировой и отечественный опыт // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). № 11. С. 297–302. [Solov'eva Yu.°V. (2013) Development of Technopark structures: world and domestic experience // Mining information and analytical Bulletin (scientific and technical journal). No. 11. Pp. 297–302. (In Russian).]
7. Шкваря Л. В., Родин С. И. (2020) Цифровая экономика в ССАГПЗ: современное состояние и проблемы // Экономика и предпринимательство. № 2 (115). С. 188–191. [Shkvarya L. V., Rodin S. I. (2020) Digital economy in the GCC: current state and problems // Economics and entrepreneurship. No. 2 (115). Pp. 188–191. (In Russian).]
8. BP Statistical Review of World Energy (2019). URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/speeches/bp-statistical-review-of-world-energy-2018.html>
9. Digital Transformation Monitor Germany: Industry 4.0 (2017). URL: <https://ec.europa.eu/growth/tools-databases/dem/>
10. Draper P. (2013) The Shifting Geography of Global Value Chains: Implications for

Developing Countries, Trade Policy, and the G20. DOI: 10.7871/2291-4110.1005.

11. Industrial Development Report (2016). The Role of Technology and Innovation in Inclusive and Sustainable Industrial Development. Vienna. United Nations Industrial Development Organization, 2016.

12. Industrial Statistics Database (2020). UNIDO. INDSTAT4 URL: https://www.unido.org/data1/IndStatBrief/Basic_Information.cfm?print=no&tttype=C1&Country=SIN&Group=

13. International Organization of Motor Vehicle Manufacturers (OICA), 2019. URL: <http://www.oica.net>

14. Mineral Commodity Summaries (2019). U.S. Department of the Interior. U.S. Geological Survey. URL: https://prd-wret.s3-us-west-2.amazonaws.com/assets/palladium/production/atoms/files/mcs2019_all.pdf

15. Rodionova I. (2014) World industry in post-industrial society: tendencies and regional shifts // *Miscellanea Geographica — Regional Studies on Development*. Vol. 18, Iss. 1. P. 31–37.

16. Rodionova I., Kokuytseva T., Semenov A. (2016) Features of migration processes in different world industries in the second half of the XX century // *Journal of Applied Economic Sciences*. Vol. XI. Iss. 8 (46). Winter, 2016. Pp.1769–1780.

17. Rodionova I., Shuvalova O., Kokuytseva T. (2017) The balance of power in the world manufacturing industry. 10th Annual Conference of the EuroMed-Academy-of-Business — Global and national business theories and practice: bridging the past with the future. EuroMed Academy of Business Conference Book of Proceedings. September 13–15, Rome, Italy. Pp. 1500–1513.

18. Science and Engineering Indicators (2018). Appendix (tables 6). Two volumes. Arlington, VA: National Science Foundation, USA. URL: <http://nsf.gov>

19. Science and Engineering Indicators (2020). Arlington, VA: National Science Foundation, USA. URL: <http://nsf.gov>

20. UNIDO. Competitive Industrial Performance Report (2019). URL: <http://stat.unido.org/database/CIP%2019>

21. World Steel in Figures (2019). World Steel Association. URL: <http://www.worldsteel.org>

Asia's position in the global industry

Irina Aleksandrovna Rodionova

Doctor of Geography, Professor,

Academic of the Russian Academy of Natural Sciences (RAE)

Moscow, Russia

The article analyzes the changes in the spatial structure of the world industry at the regional level since 1950. The calculations were carried out on the basis of official sources of information from the World Bank, UNIDO, the US Science Foundation and others. A shift in industrial development towards developing countries is revealed in both mining and manufacturing industry. Currently, the ranking of the most industrialized regions of the world is headed by Asia. The world industry leader is China. Time will tell how the global "industrial landscape" will change in the context of the transition to the digital economy and in connection with the COVID-19 coronavirus pandemic. However, given the pace and peculiarities of the development of modern China and other Asian countries, we are deeply convinced that this region will only strengthen its position as a leader.

Keywords: *Asia, industry, manufacturing, industrialization, industrial landscape, regional shifts.*

JEL codes: *C49, F29, O14.*

Причины и факторы ресурсной зависимости Ирака и ее последствия

*Елена Борисовна Бедрина¹,
Альристим Мохаммед Хуссейн Ассим²*

Статья посвящена вопросам экономического развития Ирака, чья экономика в последнее время все больше и больше становится завязанной на мировом нефтяном рынке. В статье проводится анализ причин и факторов ресурсной зависимости страны. Авторы статьи полагают, что ресурсная зависимость — это сложное многоаспектное явление, которое связано не только с неэффективными институтами государственного управления, но и с особенностями исторического развития, природно-климатическим, географическим и международными аспектами. Ирак испытывает на себе крайне негативные последствия ресурсной зависимости, что, в условиях сохранения имеющейся специализации и модернизации энергетического сектора, усиливает необходимость поиска новых векторов развития. При этом особую роль играет урегулирование сохраняющихся внешнеполитических проблем и межэтнических разногласий.

Ключевые слова: ресурсная зависимость, рынок нефти, ресурсное проклятие, институты государственного управления, экономика Ирака

JEL коды: B22, F52, F63.

Введение

Актуальность исследования определяется важностью изучения такого феномена, как ресурсная зависимость, имеющего место в странах богатых природными ресурсами, и проявляющегося в их специализации на сырьевом экспорте и низкой диверсификации экономик, что негативно сказывается на экономическом развитии этих стран. В центре исследования находится экономика Ирака. Выбор данной страны обусловлен следующими причинами. Во-первых, в силу наличия стратегического интереса со стороны России в связи с общей специализацией и длительным периодом сотрудничества в экономической сфере. Во-вторых, показательностью данной страны с точки зрения ресурсной зависимости, присущей также и российской экономике. В-третьих, тем, что в настоящее время Ирак считается одним из основных конкурентов России на нефтяном рынке.

Целью исследования является определение особенностей ресурсной зависимости Ирака через выявления ее факторов. Важность выявления факторов ресурсной зависимости конкретной страны основывается на гипотезе о том, что их влияние на экономическое

¹ Бедрина Елена Борисовна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международной экономики и менеджмента Уральского федерального университета, г. Екатеринбург, Россия.

² Альристим Мохаммед Хуссейн Ассим — магистрант Уральского федерального университета, г. Майсан, Ирак.

развитие богатых природными ресурсами стран может сильно различаться и зависит от конкретных условий (Torvik, 2009). Понимая важность качества институтов государственного управления в вопросах появления и сохранения ресурсной зависимости стран, провоцирующей ряд негативных для национальной экономики последствий, авторы обосновывают, что, в случае Ирака, институты государственного управления являются лишь звеном в цепи различных обстоятельств, формирующих ресурсную зависимость и препятствующих выходу из нее. По мнению авторов, представление о ресурсной зависимости как о сложном многоаспектном явлении проливает свет на условия ее формирования, а значит, должно учитываться при разработке стратегических программ, направленных на экономические преобразования. Анализ конкретного эмпирического материала позволяет расширить представление о ресурсной зависимости стран и способствовать избеганию ошибок на пути ее преодоления.

Теоретический обзор

Ресурсная зависимость стран — это одна из наиболее востребованных тем исследований. В научной литературе данная тема была поднята после экономического спада в странах экспортеров энергоресурсов, наступившего в связи с падением цен на нефть на мировом рынке в конце 80-х — начале 90 гг. XX века. Вслед за Р. М. Аути (Auty, 1993), негативные последствия ресурсной зависимости стали называть «ресурсным проклятием». Среди негативных последствий ресурсной зависимости были отмечены: низкие темпы экономического роста, экономическая нестабильность, отсутствие диверсификации экономики и научно-технического прогресса, низкие инвестиции, в том числе и в человеческий капитал, рост бюрократии, коррупции, неравенства, внутренние и внешние конфликты и пр. Наиболее полный обзор причин и последствий ресурсного проклятия представлен в работе М. Росса «Политические аспекты “ресурсного проклятия”» (Ross, 2018. P. 200–223).

Несмотря на наличие описания различных факторов ресурсной зависимости, в экономической науке прочно укрепилось представление о том, что ресурсная зависимость стран, формируется, главным образом, в условиях слабых и неэффективных институтов государственного управления [Gelb, 1984; Полтерович, Попов, Тонис, 2007; Гуриев, Сонин, 2008; Ross, 2015; Venables, 2016]. С точки зрения данных исследователей, ресурсное изобилие при отсутствии государственной промышленной политики, направленной на диверсификацию экономики, провоцирует появление «некачественных» институтов и использование неэффективных, часто авторитарных, рычагов управления, направленных на построение рентоориентированной экономики. При этом природная рента либо разворовывается, либо тратится на подавление оппозиции и сохранение авторитарного режима, а ее присвоение ведет к росту неравенства и провоцирует внешние и внутренние конфликты. Однако нельзя не согласиться и с утверждением О. В. Поповой о наличии рисков использования теории «ресурсного проклятия» в идеологических целях (Попова, 2015. С. 37). В. Садовская и В. Шмат обращают внимание на чрезмерное выпячивание дефектов экономического развития стран ОПЕК в 1970–1980-е гг. в рамках концепции ресурсного проклятия, считая, что данная концепция ошибочна, так как строится на основе краткосрочных периодов (Садовская, Шмат, 2017. С. 32). Обзор противоположных точек

зрения на перспективы развития ресурсно зависимой страны представлен В. Русаковичем (2018).

В качестве подтверждения неоднозначности теоретических подходов можно привести примеры использования ресурсного богатства в целях повышения уровня жизни населения в условиях провозглашения независимости и попытки строительства арабского социализма. В частности, в Ираке, в соответствии с идеями Мишеля Афляка (Филиппов, 2010), после 1968 года был проведен ряд прогрессивных реформ, направленных на укрепление национальной независимости, рост арабского единства, урегулирования межэтнических разногласий, диверсификацию экономики и снижение неравенства. Были приняты законы: об автономии Курдистана, о пенсионном обеспечении и пр. В 1972–1975 гг. в стране была проведена национализация нефтяной отрасли с частичным сохранением иностранного участия. Доходы от продажи нефти вкладывались в развитие инфраструктуры, строительство школ, университетов, объектов здравоохранения. Как следствие, в 1970-е гг. на фоне благоприятной рыночной конъюнктуры на рынке нефти в стране наблюдался значительный рост доходов населения.

Конечно, качество государственных институтов имеет важное значение в вопросах преодоления ресурсной зависимости, но, с нашей точки зрения, проблема ресурсной зависимости связана не только с существованием «некачественных» институтов, она гораздо глубже, и кроется в исторических, географических и внешнеполитических условиях развития национальных экономик. В этом взгляде на понимание ресурсной зависимости мы солидарны с Н. Мукоямой, выделяющим исторический и международный аспекты в формировании ресурсной зависимости Бунья (Mukoyama, 2020), а также П. Луяла, который отметил важность залегания природных ресурсов (Lujala, 2010). Кроме того, на ресурсную зависимость могут повлиять и другие факторы, которые мы раскроем в своем исследовании.

Результаты исследования

Экономический рост Ирака

Долгое время считалось, что нефтяные богатства Ирака в сочетании с благоприятными природно-климатическими условиями, земельными и водными богатствами, а также выгодным географическим положением, будут служить залогом его процветания (Валиахметова, 2010, с. 178). С древних времен большие площади в Ираке были заняты финиковыми пальмами, а страну называли «столицей фиников». В стране активно развивалось сельское хозяйство, население выращивало ячмень, пшеницу, разводило коз и овец. Обладание большим культурно-историческим наследием могло бы способствовать развитию международного туризма.

Однако в настоящее время Ирак — типичная ресурсно зависимая страна, основными полезными ископаемыми которой остаются нефтяные и газовые ресурсы, месторождения которых протянулись с северо-запада на юго-восток страны. Ирак занимает 5-е место в мире по объему доказанных запасов нефти после Венесуэлы, Саудовской Аравии, Ирана и Канады, и 4-е место по объему ее добычи (после США, Саудовской Аравии и России). По данным Всемирного банка, нефтяной сектор Ирака в структуре промышленности составляет 70%, обеспечивает 85% государственных доходов и 80% валютных поступлений (World Bank

Open Data). Таким образом, национальное хозяйство всецело зависит от ситуации в нефтяном секторе, который обеспечивает экономическое развитие страны.

Как видно из рис. 1, показатель ВВП Ирака имеет высокую волатильность, что в целом свойственно для ресурсно зависимых стран. Однако резкие колебания в экономическом развитии страны слабо связаны с волатильностью цен на нефтяном рынке. В обрушении экономики страны значительную роль сыграл военно-политический фактор: сепаратистская война иракских курдов (1961–1975 гг.), в том числе военный конфликт на севере Ирака между курдами и правительством Ирака (1974 г.), Ирано-Иракская война за спорные территории (1980–1988 гг.), война в Персидском заливе (1990–1991 гг.), шиитское восстание (1991 г.), международные экономические санкции против Ирака (1990–2003 гг.), деятельность террористической организации ИГИЛ (организация, запрещенная в Российской Федерации) на территории страны (2013–2019 гг.) и пр.

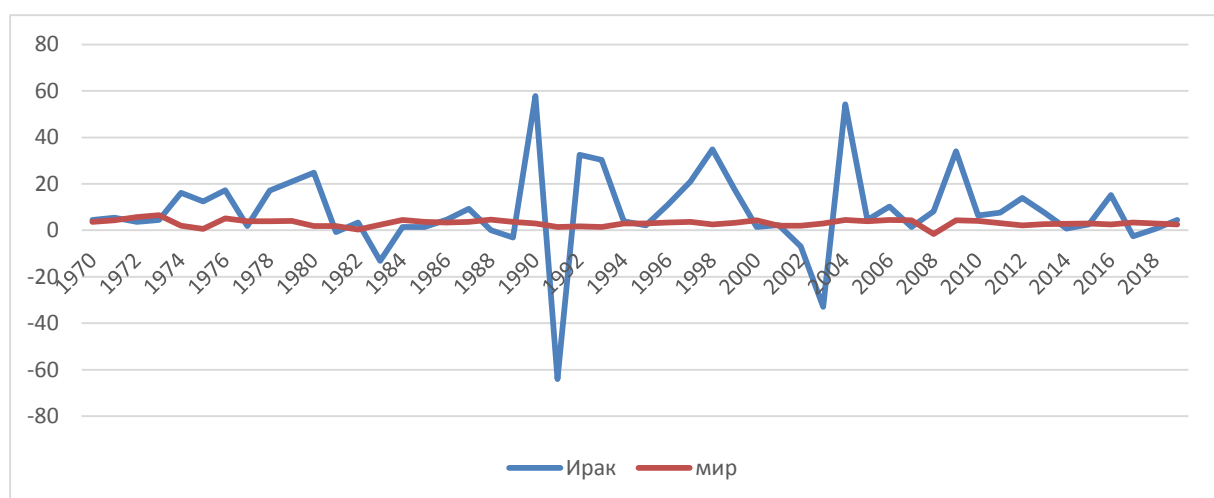

Рис. 1. Рост ВВП Ирака и мира в период в 1970-2019 гг., %

Источник: составлено авторами по World Bank Open Data.

Как видно из рис. 1 и табл. 1, несмотря на войны и политическую нестабильность, темпы экономического роста за десятилетние периоды оказались достаточно неплохими (выше средних показателей по миру) за исключением периода Ирано-Иракской войны, когда 10-летний показатель роста ВВП составил всего 2,82 %.

Таблица 1.

Усредненные показатели роста ВВП Ирака за десятилетние периоды в 1970–2019 гг., %

Период	Средние показатели	Min	Max
1970–1979	10,36	1,9 (1977)	20,9 (1979)
1980–1989	2,82	–13,1 (1983)	9,3 (1988)
1990–1999	14,71	–64,0 (1990)	34,9 (1998)
2000–2009	7,62	–33,0 (2003)	54,2 (2004)
2010–2019	5,64	–2,5 (2017)	15,2 (2016)

Источник: составлено авторами по World Bank Open Data.

Таким образом, темпы экономического роста Ирака имели высокую волатильность, но не были низкими, что не вписывается в классические постулаты теории «ресурсного проклятия». Напротив, в сравнении с усредненными мировыми показателями они оставались достаточно высокими.

Факторы и последствия ресурсной зависимости Ирака

Теперь попробуем разобраться с причинами ресурсной зависимости Ирака, выявив ее факторы. С нашей точки зрения, главным фактором, определившим основное направление экономической специализации страны, был *исторический*. Дело в том, что открытие и разработка нефтяных ресурсов в Ираке начинается еще в 1927 г., когда на севере страны в районе Киркук были обнаружены богатейшие запасы нефти. Заметим, что, в отличие от Нидерландов, добыча полезных ископаемых в Ираке началась в доиндустриальную эпоху. В связи с чем в экономике не могло наблюдаться такого негативного эффекта, как деиндустриализация, с которым нужно было бороться. *Открытие нефти (ресурсного богатства) до проведения индустриализации* выступает важным историческим фактором ресурсной зависимости Ирака, предопределяющего его дальнейшую судьбу. Дело в том, что стране, не имеющей необходимого производственного сектора, становится очень сложно изменить свою специализацию. Даже после приобретения формальной независимости от Великобритании в 1932 г. и революции 1958 г., в результате которой была провозглашена республика, страна не пыталась изменить свою ресурсную направленность, зато использовала доходы от нефтяного сектора для проведения социально-экономических реформ.

Важным обстоятельством выступает и нахождение Ирака в пятерке стран-инициаторов создания международного картеля ОПЕК (1960 г.), наряду с Ираном, Саудовской Аравией, Кувейтом и Венесуэлой, контролирующего 2/3 мировой нефтедобычи, а также участником соглашения ОПЕК+. *Наличие международного картельного соглашения*, несмотря на некоторые противоречия, создает его участникам выгодные условия на рынке нефти, а значит, также способствует сохранению их специализации.

Следующим, не менее важным, фактором является *особенность залегания природного ресурса и технология его добычи*. В случае Ирака данные особенности обеспечили нефтедобыче, себестоимость которой, по разным оценкам, составляет от 10 до 20 долларов за баррель, один из самых низких уровней в мире, что делает продажу данного ресурса достаточно выгодной, по крайней мере, в ближайшей перспективе, несмотря на некоторое падение мировых цен на рынке нефти. С другой стороны, простота нефтедобычи препятствует развитию научно-технического прогресса, как это происходит в странах, где простота добычи нефти не столь очевидна.

Еще одним фактором ресурсной зависимости является *этническая и религиозная неоднородность*, которая в условиях «тяги к распределению нефтяной ренты» создает внутренние конфликты (Aspinall, 2007; Hunziker, Cederman, 2012) и обрекает страну на «ресурсное проклятие». Северные территории Ирака населяют курды, которые на сегодняшний день остаются самой многочисленной нацией в мире, не имеющей собственного государства (Башер, Хошави Бабакар, 2018). Курдское региональное правительство контролирует северные месторождения Ирака и пытается экспортировать нефть без согласия Правительства Ирака.

Другой проблемой выступает противостояние шиитов и суннитов (Тихонова, 2011). Шииты и сунниты — две основные ветви ислама, представители которых конфликтуют уже на протяжении многих веков. Шииты населяют южные территории Ирака и составляют большинство населения страны. Сунниты населяют центральную часть Ирака к западу от

Багдада, так называемый «Суннитский треугольник», часть которого, как и территории Сирии, с 2013 по 2019 гг., контролировалась исламистской суннитской радикальной террористической организацией ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта — организация, запрещенная в Российской Федерации).

И, наконец, еще одним фактором ресурсной зависимости Ирака выступает *внешнеполитический фактор*. Богатая нефтью территория привлекательна для международного бизнеса, что находит отражение в иностранном присутствии третьих сторон в военных и межэтнических конфликтах. Кроме того, в качестве примера можно рассмотреть ситуацию с сокращением финиковых плантаций и производства другой сельскохозяйственной продукции из-за ограничения вводных ресурсов и засоления почвы в результате действий Турции и Ирака. В частности, Турция в рамках проекта электрификации Восточной Анталии построила плотину «Илису» и откачивает воду из Тигра, являющегося основным источником пресной воды в Ираке. Иран изменил русло реки Карун и построил 3 плотины на реке Кархе, что также ограничило поставки пресной воды в Ирак. В связи с этим ежегодно в Ираке происходит массовое разорение фермеров и сокращение сельскохозяйственного сектора, выводится из оборота 5% земли пригодной для сельскохозяйственной деятельности (Абеди, 2018).

Несмотря на наличие целого комплекса факторов ресурсной зависимости Ирака, реальная добыча нефти в стране отстает от потенциальной, инфраструктура нефтяной отрасли требует модернизации, военно-политическая нестабильность ограничивает приток иностранных инвестиций. Кроме того, при добыче нефти происходит сжигание попутного газа, который мог бы быть востребованным на мировом рынке.

Выводы

Таким образом, можно отметить, что Ирак остается ресурсно зависимой страной, имеет особый комплекс факторов формирования этой зависимости, поэтому анализируемая проблема требует комплексного решения. При этом важнейшим направлением остается урегулирование межэтнических и религиозных конфликтов и территориальных споров в стране, а также использование дипломатических рычагов и площадок международных организаций для решения конфликтных ситуаций. Конечно, в этом направлении решения проблемы большую роль играет позиционирование страны на мировом рынке, уровень ее демократизации, развитие человеческого капитала и академической мобильности.

Список литературы

1. Абеди Н. Б. (2018) Как улучшить экологию Ирака? // Инновационное развитие. № 1 (18). С. 74–75. [Abedi N. B. (2018) Kak uluchshit' jekologiju Iraka? // Innovacionnoe razvitie. No. 1 (18). Pp. 74–75. (In Russian).]
2. Башер М. А. Б. (2018) Интервью с представителем регионального правительства Иракского Курдистана и Демократической Партии Курдистана в России и странах СНГ, доктором экономических наук Хошави Бабаком // Россия и Азия. № 4 (5). С. 5–10. [Basher M. A. B. (2018) Interview with the representative of the regional government of Iraqi Kurdistan and the Democratic Party of Kurdistan in Russia and the CIS countries, Doctor of Economics Khoshavi Babakr // Rossiya i Azija. No. 4(5). Pp. 5–10. (In Russian).]

3. Валиахметова Н. Г. (2010) Иракская нефть в политике Великих держав на Ближнем Востоке (1932–1941). М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 444 с. [Valiahmetova N. G. (2010) Irakskaja neft' v politike Velikih derzhav na Blizhnem Vostoke (1932–1941). Moscow: Institut vostokovedenija RAN. 444 p. (In Russian).]
4. Гуриев С., Сонин К. (2008) Экономика «ресурсного проклятия» // Вопросы экономики. № 4. С. 61–74. [Guriev S., Sonin K. (2008) Ekonomika «resursnogo prokljatija» // Voprosy jekonomiki. No. 4. Pp. 61–74. (In Russian).]
5. Полтерович В., Попов В., Тонис А. (2007) Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. № 6. С. 4–27. [Polterovich V., Popov V., Tonis°A. (2007) Mehanizmy «resursnogo prokljatija» i jekonomicheskaja politika // Voprosy Ekonomiki. No. 6. Pp. 4–27. (In Russian).]
6. Попова О. В. (2015) Политические аспекты «ресурсного проклятия» // Вестник Санкт-Петербургского университета. № 2. С. 26–38. [Popova O. V. (2015) Politicheskie aspekty «resursnogo proklyatiya» // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. No. 2. Pp. 26–38. (In Russian).]
7. Русакович В. И. (2018) Ресурсное проклятие: вымысел или реалии XXI века (анализ научной литературы) // Россия и Азия. № 3(4). С. 73–78. [Rusakovich V. I. (2018) Resursnoe prokljatie: vymysel ili realii XXI veka (analiz nauchnoj literatury) // Rossiya i Azija. No. 3(4). Pp. 73–78. (In Russian).]
8. Садовская В. О., Шмат В. В. (2017) Парадокс «ресурсного проклятия»: межстрановой анализ // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. № 3. С. 25–35. [Sadovskaja V. O., Shmat V. V. (2017) Paradoks «resursnogo prokljatija»: mezhstranovyj analiz // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. Vol. 61. No. 3. Pp. 25–35. (In Russian).]
9. Тихонова Е. (2011) Сунниты и шииты Ирака: от «Ирака британского» к «Ираку американскому» // Россия и мусульманский мир. № 12. С. 120–133. [Tihonova E. (2011) Cunnity i shiity Iraka: ot «Iraka britanskogo» k «Iraku amerikanskomu» // Rossiya i musul'manskij mir. No. 12. Pp. 120–133. (In Russian).]
10. Филиппов А. А. (2010) Концепция «вечного арабского послания» в идеологии М. Афляка // Минбар. Исламские исследования. Т. 3. № 1. С. 144–151. [Filippov A. A. (2010) Konceptcija «vechnogo arabskogo poslanija» v ideologii M. Afljaka // Minbar. Islamskie issledovanija. Vol. 3. No. 1. Pp. 144–151. (In Russian).]
11. Aspinall E. (2007). The Construction of Grievance: Natural Resources and Identity in a Separatist Conflict // Journal of Conflict Resolution. Vol. 51. No. 6. Pp. 950–972.
12. Auty R. M. (1993) Sustaining Development in the Mineral Economies: The Resource Curse. Thesis. London: Routledge, 86 p.
13. Gelb A. (1988) Oil Windfalls: Blessing or Curse? N.Y.: World Bank Research Publications, 369 p.
14. Hunziker P., Cederman L. (2012) No Extraction without Representation: Petroleum Production and Ethnonationalist Conflict. APSA 2012. Annual meeting paper. Zurich: ETH.
15. Lujala P. (2010) The Spoils of Nature: Armed Civil Conflict and Rebel Access to Natural Resources // Journal of Peace Research. Vol. 47. No. 1. Pp. 15–28.
16. Mukoyama N. (2020) Colonial origins of the resource curse: endogenous sovereignty and authoritarianism in Brunei // Democratization. No 27(2). Pp. 224–242.

17. Ross M. L. (2015) What have we learned about the resource curse? // Annual Review of Political Science. No. 18. Pp. 239–259.
18. Ross M. (2018) The Politics of the Resource Curse: A Review. Lancaster C., Walle°N. van de (eds.) Oxford Handbook of the Politics of Development. Oxford: Oxford University Press.
19. Torvik R. (2009) Why do some resource-abundant countries succeed while others do not? // Oxford Review of Economic Policy. Pp. 241–256.
20. Venables A. J. (2016) Using natural resources for development: Why has it proven so difficult? // Journal of Economic Perspectives. Vol. 30. No. 1. Pp. 161–184.
21. World Bank Open Data URL: <https://data.worldbank.org/>

Causes and factors of Iraq's resource dependence and its consequences

Elena Borisovna Bedrina

PhD in Economics, Associate Professor at the Department of International Economics and Management Ural Federal University, Ekaternburg, Russia.

Alristim Mohammed Hussein Assim,

Undergraduate student Ural Federal University, Maysan, Iraq.

This article is devoted to the economic development of Iraq. Recently Iraqi economy has become more and more dependent on the oil market. The article analyzes the causes and factors of the country's resource dependence. The authors of the article believe that the resource dependence is a complex multidimensional phenomenon associated not only with ineffective public administration institute, but also with historical, natural, geographical characteristics and climate-specific. Iraq has the negative consequences of the resource dependence, which increases the need to search for new vectors of development, while maintaining the characteristics and modernization of the energy sector. At the same time, the settlement of foreign policy problems and interethnic differences plays a special role.

Keywords: *resource dependence, oil market, resource curse, institutions of government, Iraqi economy.*

JEL codes: *B22, F52, F63.*

К юбилею Туркестано-Сибирской железной дороги: история строительства и развития, современное состояние и проблемы

*Бэлла Александровна Краснаярова¹,
Александр Викторович Кротов²,
Алина Владиславовна Лыткина³*

В статье анализируется процесс основания и эволюции одного из первых и наиболее значительных проектов Первой пятилетки СССР — Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиб), выделены этапы ее развития и дана характеристика ее современной роли в составе железных дорог Казахстана. Особое внимание уделено потенциалу развития Турксиба в рамках реализации китайской инициативы «Одна дорога — Один путь», его возрастающей роли и новому звучанию в случае реализации ряда предложенных авторами проектов.

Ключевые слова: железные дороги, внешнеторговый оборот, грузоперевозки, «сухой» порт Хоргос, Казахстан, Сибирь, китайская инициатива, «Одна дорога — один путь».

JEL коды: N75, F59.

Введение

Турксиб, или же Туркестано-Сибирская магистраль, — железная дорога, соединяющая Сибирь и Среднюю Азию, — была построена в 1927–1930 гг. «Дорога в новую жизнь» — так ее называли жители Казахстана в 1930-е гг. Она стала одной из главных и запоминающихся строек 1-й пятилетки СССР (История Туркестано-Сибирской железной дороги; История КЖД). Цель ее строительства — создание надежной транспортной артерии между Сибирью (Транссибирской магистралью) и регионами/республиками Средней Азии.

Немного истории

Идея строительства железнодорожной линии, которая связала бы Туркестан, Семиречье и Сибирь, родилась еще в 1886 г., когда городская Дума г. Верного (Алма-Аты) приняла решение создать комиссию, которая, собрав все данные о промышленности,

¹ Краснаярова Бэлла Александровна — доктор географических наук, профессор, заведующая лабораторией, Институт водных и экологических проблем СО РАН, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

² Кротов Александр Викторович — кандидат географических наук, доцент, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

³ Лыткина Алина Владиславовна — студентка, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

торговле и сельском хозяйстве региона, определила бы целесообразность строительства трассы. Предполагалось, что данная дорога усилит военное присутствие России в пограничном с Китаем регионе, а также существенно упростит вывоз хлопка из Туркестана в Сибирь и дешевого семиреченского и сибирского зерна — в Туркестан (История Туркестано-Сибирской железной дороги; История КЖД).

В процессе строительства и эксплуатации Турксиба можно выделить несколько этапов.

В период так называемого «нулевого этапа» — с первых лет XX в. до 1926 г. — были рассмотрены несколько вариантов трасс, проведены изыскательские работы и специальные статистико-экономические исследования, что нашло отражение в трудах комиссии по исследованию района Туркестано-Сибирской дороги. Была построена и сдана сначала во временную (1915 г.), а затем в постоянную (1917 г.) эксплуатацию Алтайская железная дорога от Новониколаевска (Новосибирск) до Семипалатинска. Параллельно строились и другие участки железных дорог, но реализация этих планов была прервана Октябрьской революцией и последующей Гражданской войной. И лишь 3 декабря 1926 г. на заседании Совета Труда и Оборона СССР было принято решение о строительстве Турксиба (Труды..., 1909).

Следующий этап связан со строительством и активной эксплуатацией железнодорожной магистрали. 1442 км рельсовой колеи должны были быть проложены через горные реки и хребты, степи и пустыни. Подготовка к строительству началась в апреле 1927 г., а уже 28 апреля 1930 г. на месте стыковки рельсов — станция Айна-Булак (Зеркальный Ручей) — был забит «Серебряный» костыль, на 8 месяцев раньше срока (Транссиб в цифрах и фактах).

При этом наряду с решением ряда экономических и социальных задач, строительство Турксиба, решало важную геополитическую задачу — «предотвращение проникновения западноевропейского капитализма в Сибирь». Предполагалось, что «железнодорожные подъездные пути ... подчинят влиянию дороги огромные пространства Китая...» (История КЖД). К числу таких подъездных путей относилась железная дорога Семипалатинск — Зайсан, которая должна была пройти от станции Чарской до китайской границы по долине реки Черный Иртыш. По этой трассе были проведены изыскания, но вместо железной дороги построили автодорогу Георгиевка — Зайсан — Майкапчагай.

Сквозное рабочее движение по Турксибу было открыто 1 мая 1930 г., но в постоянную эксплуатацию дорога принята 31 декабря 1930 г. В первые месяцы по Турксибу проходило 5 пар поездов в сутки.

На этом этапе грузовые перевозки по Турксибу удваивались каждые 5 лет. Но правительство считало, что эксплуатация Турксиба не соответствует основному замыслу строительства дороги, об этом в 1934 г. в докладе XVII съезду ВКП(б) говорил Куйбышев: «Турксиб должен был возить лес и хлеб в Среднюю Азию из Сибири, хлопок и фрукты — в Сибирь, но используется совершенно недостаточно» (Доклад товарища Куйбышева, 1934).

Развитие Турксиба на 3-м этапе — в военные и послевоенные годы — ознаменовалось резким падением перевозок (почти в полтора раза — с 8,7 млн тонн в 1940 г. до 5,9 млн тонн в 1945 г.). Однако строительство железной дороги и ее развитие не прекращалось, добавлялись новые ветки, направления и пути (рис. 1).

Так, «...в 1943 г. была введена в действие ветка Коксу — Талды-Курган с ответвлением на Текели. В 1953 г. до трассы Турксиба подтянулась железная дорога с севера

— из Караганды, а в 1956 г. началось строительство второго пути Турксиба — от Барнаула до Семипалатинска. В 1958 г. Туркестано-Сибирская железная дорога была объединена с Карагандинской железной дорогой в Казахскую железную дорогу» (История КЖД).

Рис. 1. Схема Турксиба с главными станциями.

Источник: Схема Туркестано-Сибирской железной дороги с главными станциями.

В 1960 г. — открыта ветка от ст. Актогай до станции Дружба на советско-китайской границе. Дружба с Китаем вскоре осталась позади, а эта ветка стала стратегическим коридором для перебрасывания вооружения к границе. И только в 1985 г. железная дорога была продлена на запад до ст. Саяк и на восток до г. Урумчи, и до настоящего времени остается важным звеном будущей трансазиатской железной дороги.

Четвертый этап развития Турксиба связан с созданием государственного унитарного предприятия «Казахстан Темир Жолы» (КТЖ), которое объединило все железные дороги Казахстана (Схема Казахских железных дорог). Часть путей Турксиба была разобрана, часть магистрали — законсервирована и/или закрыта, но были построены и новые железнодорожные ветки, более актуальные для современного независимого государства. В числе таких участков, которые потеряли свое бывшее значение, можно назвать железную дорогу от Барнаула на Семей и далее до бывшей столицы государства г. Алматы. Определенным свидетельством сказанного служит схема электрификации железных дорог Казахстана (рис. 2).

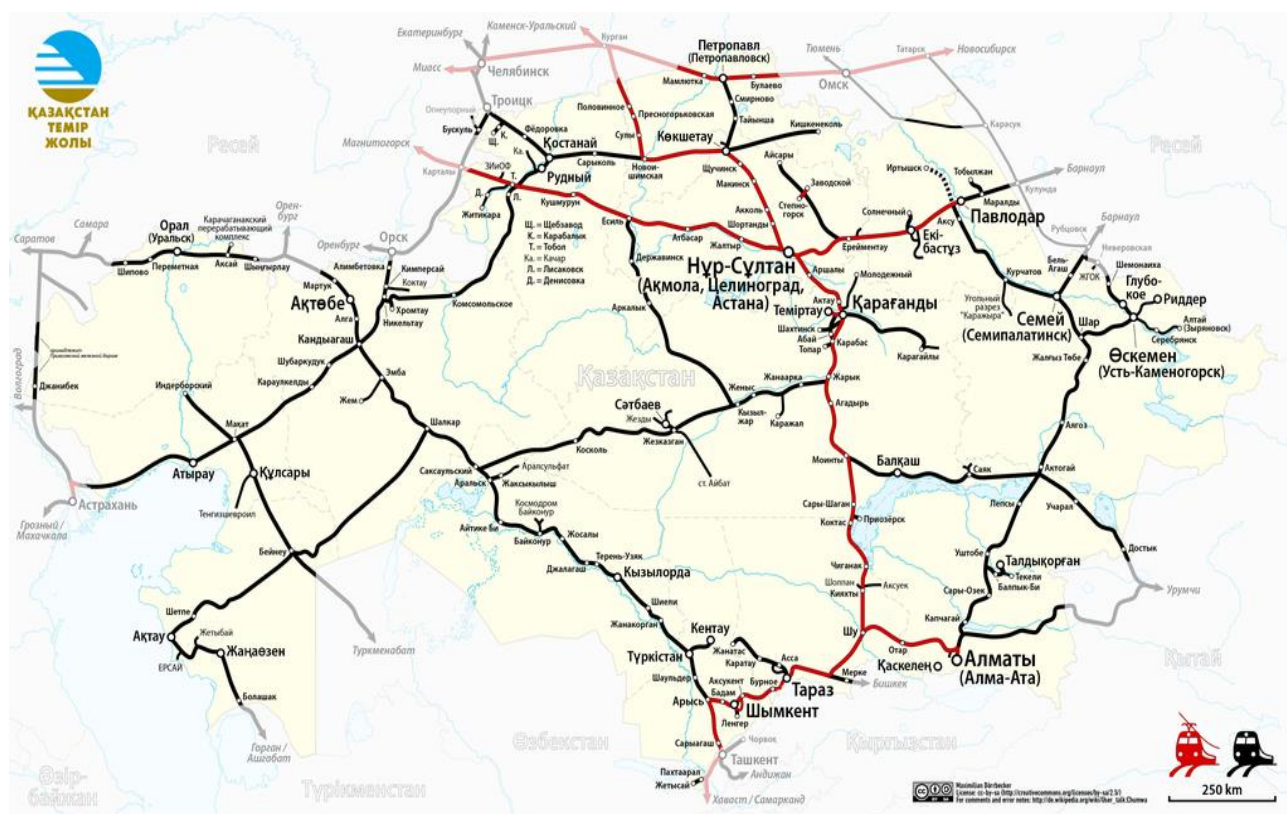

Рис. 2. Схема Казахских железных дорог.

Источник: Схема Казахских железных дорог.

На схеме четко просматривается, что наиболее значимыми и, соответственно, загруженными, являются железные дороги, пересекающие страну через новую столицу страны г. Нур-Султан (Казахстанские железные дороги). При этом важное экономическое значение сохранили часть Турксиба от г. Алматы на Ташкент и участок длиной около 20 км от ст. Актогай до ст. Дружба/Достык на бывшей советско-китайской границе.

Но развитие магистрали не прекратилось, и 18 июня 2001 г. сдана в постоянную эксплуатацию ветка Аксу — Конечная («казахстанский Турксиб»). Создание ЕАЭС «оживляет» бывший Турксиб. Растет грузо- и пассажирооборот между Сибирью и государствами Средней/Центральной Азии¹ (Красноярова, Кротов, 2020).

Стоит отметить, что Турксиб находится не только на территории Казахстана, но и Российской Федерации, пересекая территорию Алтайского края 2-мя путями — с севера на юго-запад (от Новосибирска до Рубцовска и далее на Семей/бывший Семипалатинск) и на северо-запад (от Барнаула через ст. Кулунда на Павлодар). В настоящее время на участке Барнаул — Рубцовск эксплуатируется одна колея. Это обстоятельство не мешает пассажирообороту и грузообороту между Россией и Казахстаном, хотя и существенно замедляет движение.

¹ Государства Средней Азии, Казахстан и рядом находящиеся территории все чаще называются регионом Центральная Азия. Однако авторам ближе термин Центральный Евразийский регион, куда входят территории 7 государств, непосредственно соприкасающиеся своими границами и имеющие плотные трансграничные связи с большими перспективными возможностями по их интенсификации (Красноярова, Кротов, 2020).

Турксиб сегодня и его связующая роль между Сибирью, Казахстаном и другими странами Центральной Азии

На данный момент Турксиб — это часть Компании «Казахские железные дороги», и практически невозможно вычленивать актуальную и точную информацию по данному участку дороги. Имеется лишь косвенная информация о работе КЖД и товаропотоках между, например, Сибирским федеральным округом (СФО) и Казахстаном, на основании которой можно сделать выводы о состоянии Турксиба.

По данным таможенной службы РФ, между Сибирским Федеральным округом (СФО) и Казахстаном активно ведется взаимная торговля, в частности, в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). На долю Казахстана приходится около 5% внешнеторгового оборота СФО (Итоги внешней торговли Сибирского федерального округа). И Турксиб в развитии экономических и интеграционных процессов играет далеко не последнюю роль. В ЕАЭС страны между собой активно взаимодействуют, стремясь улучшить условия перевозок, повысить конкурентоспособность железнодорожных маршрутов в евроазиатском сообщении по сравнению с альтернативными видами транспорта, увеличить грузопоток и пассажирооборот, развивать инфраструктуру и пр.

В товарной структуре экспорта СФО в Казахстан преобладают минеральные продукты (прежде всего, уголь каменный, кокс каменноугольный и нефтепродукты, концентраты цинковые и свинцовые, машиностроительная продукция — около 17%), продовольственные товары — также 17% (в основном, готовые продукты из зерна злаков, муки, какао и продукты из него, разные пищевые продукты, масличные семена и плоды, злаки, молочная продукция), металлы и изделия из них, химическая продукция (изделия из пластмасс, каучук, резина и изделия из них, продукты неорганической химии, удобрения и другие товары), древесина и целлюлозно-бумажные изделия (Итоги внешней торговли Сибирского федерального округа).

Таблица 1.

Итоги взаимной торговли по странам ЕАЭС в 2018–2019 гг.

Страна	Товарооборот			Экспорт			Импорт		
	Стоимость, млн долл.	Уд. вес, %	2019 г. в % к 2018 г.	Стоимость, млн долл.	Уд. вес, %	2019 г. в % к 2018 г.	Стоимость, млн долл.	Уд. вес, %	2019 г. в % к 2018 г.
Всего, в том числе	3376,3	100,0	115,6	2448,5	100,0	117,0	927,8	100,0	112,1
Казахстан	2226,8	66,0	107,1	1690,4	69,0	107,4	536,3	57,8	106,2
Беларусь	788,0	233	127,4	501,3	20,5	154,0	286,7	30,9	97,8
Кыргызстан	259,9	7,7	135,2	233,6	9,5	134,5	26,3	2,8	142,5
Армения	101,7	3,0	В 3,3 раза	23,2	0,9	116,0	78,5	8,5	В 7 раз

Источник: Сотрудничество в рамках Евразийского экономического союза.

Импорт из Казахстана в регионы СФО представлен, прежде всего, металлами и изделиями из них (прутки, прокат из нелегированной стали, изделия из черных металлов, алюминий, свинец и изделия из них), продовольственными товарами — до 20% (молочная продукция, овощи, кондитерские изделия, какао и продукты из него и из сахара, мясо, фрукты), минеральными продуктами (прежде всего, уголь каменный из Казахстана) (Итоги внешней торговли Сибирского федерального округа).

Рассматривая структуру внешнеторгового оборота по основным товарным группам, можно заметить, что лишь около 20% общих объемов относятся к продовольственным и иным грузам, которые перевозятся автомобильным и авиатранспортом, все остальные — минеральное топливо, продукция черной и цветной металлургии и т. п. продукция относится к крупногабаритным грузам, и перевозится преимущественно железнодорожным транспортом, используя в значительной мере возможности Турксиба, который не перестает выполнять свою основную функцию связующего звена между Сибирью и Казахстаном и другими странами Центральной Азии (Итоги внешней торговли Сибирского федерального округа).

«Казахские железные дороги» — это самый крупный работодатель в стране. По данным ежегодных отчетов об «Устойчивом развитии КЖД» (Устойчивое развитие КЖД, 2019) можно судить о ее развитии и постоянном росте главным образом грузоперевозок (табл. 2).

Таблица 2.

Основные показатели Казахской железной дороги / «Казахстан Темир Жолы» /
в 2016 и 2018 гг.

Наименование показателя	Ед-ца измерения	2016	2018	2018 г. в % к 2016 г.
Численность персонала	чел.	133393	135952	101,9
Длина железнодорожных путей	км	20506	21000	102,4
Перевезено пассажиров	млн чел	20,3	14,9	73,4
Перевезено грузов	млрд тонн	244,2	282,9	115,9

Источник: Сотрудничество в рамках Евразийского экономического союза.

А вот по темпам роста пассажироперевозок КЖД уступает в последние годы авиационному и автомобильному транспорту. Сокращение пассажирооборота на КЖД отмечается главным образом на поездах пригородного сообщения, в то же время выросло число поездов и пассажирооборот на скоростных маршрутах. Из приведенных отчетных данных, к сожалению, невозможно выделить роль Турксиба, но КЖД стремится развивать каждый участок железной дороги в своей стране, вводить в эксплуатацию новый модернизированный транспорт, ремонтировать железные дороги, создавать новые рабочие места, запускать новые маршруты, минимизировать негативное влияние на окружающую среду и пр.

Особенно активное развитие в последние годы отмечается в стратегическом для компании сегменте трансконтинентальных контейнерных перевозок из Европы в Китай, которые, например, в 2016 г. составили 105 тыс. контейнеров, превысив показатель предыдущего года практически в 2 раза, и продолжают расти. Растет и общее число контейнерных перевозок: в 2018 г. по сравнению с 2017 г. рост составил 55%, а число перевозок — 537,4 тыс. контейнеров. За этот же период на 22% выросли транзитные

перевозки. Казахские железные дороги все активнее включаются во внутриконтинентальные сети.

При этом особая активность отмечается в обслуживании центрально-азиатских грузопотоков. Для этого в 2010 г. было закончено строительство 10 тыс. км пути и объектов инфраструктуры на трассах «Жетыген — Коргас/Хоргос», соединяющей Казахстан и Китай, и «Узень — государственная граница с Туркменистаном», а в 2016 г. сдан в эксплуатацию «сухой порт» и инфраструктура на территории свободной экономической зоны «Хоргос — Восточные ворота», открывающая широкие возможности *гражданам Республики Казахстан и третьих стран для ведения бизнеса и проведения культурного досуга. Здесь предусмотрены условия для беспрепятственного и качественного обслуживания посетителей на современном контрольно-пропускном пункте, трафик которого позволяет проводить ускоренную процедуру прохождения пограничного и таможенного контроля (Устойчивое развитие КЖД, 2019).*

Кроме того, имеются специальные автотранспортные средства для перевозки грузов и посетителей. Специальная экономическая зона (СЭЗ) «Хоргос — Восточные ворота» с территорией, составляющей 5740 га, была создана для развития производства химической продукции, сталелитейной промышленности, продуктов питания, текстиля и других товаров для экспорта в другие страны. Она включает в себя индустриальную, селитебную зону, а также «сухой порт» (логистический бизнес). Все элементы СЭЗ: «Хоргос — Восточные ворота» совместно с Международным центром приграничного сотрудничества «Хоргос», железная дорога Жетыген — Хоргос и автомагистраль Западная Европа — Западный Китай создают реальные условия для формирования и функционирования современного логистического хаба. Ожидаемый грузооборот в 2020 г. может составить 12 млн тонн (Адилханулы, 2015), но... без учета COVID-19, который вносит существенные коррективы во все сферы мировой экономики.

На китайской части СЭЗ функционируют временная торговая площадка, торговый центр «Цзянь Юань», «Театральный центр этнографического парка ШОС» и «Международный туристический центр». В настоящее время в торговом центре «Цзянь Юань» в широком ассортименте представлены товары ежедневного пользования: одежда, обувь, посуда, мебель, электронная техника (телевизоры, ноутбуки, мобильные телефоны), детские игрушки, аксессуары для автомобилей и пр. (Адилханулы, 2015). На каждой из сторон центра планируется открытие новых торговых площадей, где ассортимент товаров будет сформирован на основании исследований казахстанских и китайских маркетологов (Менеджмент на транспорте, 2010).

Место Турксиба в условиях реализации китайской инициативы «Одна дорога — один путь»

Китайская инициатива «Одна дорога — один путь» является достаточно важной для Евразийских государств, да и мирового сообщества в целом, ведь с помощью данного глобального проекта можно будет связать множество стран, сформировать транспортные коридоры, обеспечить многим странам выход к морю, увеличить грузопоток, получить качественные дороги и пр. Данную инициативу уже начинают реализовывать. И, безусловно, Казахстану, которому принадлежит значительная часть Турксиба, выгодно участвовать в упоминаемом проекте. Тем более, что у Турксиба была построена отдельная ветка, которая

вела к границе с Китаем (Дружба) и вскоре продлена до города Урумчи. Так что часть Турксиба уже играет достаточно большую роль в данной инициативе. Названная ветка может связать Китай, Казахстан, который как раз и является связующим звеном, и Россию, и далее. Географическое положение Казахстана в рамках данной инициативы имеет значительные преимуществами, так как гораздо удобнее прокладывать железную дорогу через одно государство — Казахстан, чем в обход с юга — через несколько центрально-азиатских, не всегда политически стабильных, стран, или в обход с севера — по российскому достаточно загруженному Транссибу.

При этом время перевозок (количество дней, за которые можно доставить товар) и в том, и в другом случае будет выше. К тому же Китай активно инвестирует в Казахстан — в рамках этого проекта, и не только. Кстати, уже сейчас наблюдается значительное увеличение грузопотока между Казахстаном и Китаем по данной дороге. За 2018 г. объем перевозок грузов между Казахстаном и КНР составил 13 977 тыс. тонн, что на 3 827 тыс. тонн (или на 37,2%) больше, чем в 2017 г. (10 152 тыс. тонн). И в целях увеличения объемов перевозок на территориях этих стран были установлены благоприятные тарифные условия и электронный обмен данными (Отчет в области устойчивого развития, 2018).

России в контексте китайской инициативы «Одна дорога — один путь» необходимо более пристальное внимание обратить на перезапуск проекта Турксиб. Худшая перспектива для нашей страны — полная утрата ближайшего и перспективного Центрально-Азиатского рынка и потеря поддержки на международной арене стран со сходными ментально-историческими особенностями развития. Это особенно актуально для сохранивших свои промышленные активы и имеющих возможность наращивания инновационного и инвестиционного потенциала сибирских регионов, и прежде всего — для депрессивного приграничного Алтайского края, промышленность которого в значительной мере ориентировалась на Центрально-Азиатский рынок — и по поставке продукции своего сельскохозяйственного и тракторного машиностроения, и по сырью.

При это со стороны России можно было бы предложить интересные пассажирские маршруты, которые оживили бы часть Турксиба, одновременно дав туристам из Сибири возможность более быстрого и интересного способа добраться до Каспийского моря, являющегося естественным конкурентом Черноморского побережья Кавказа, где на сегодня ощущается существенная перегрузка и высока стоимость размещения, питания и в целом отдыха. Причем по климатическим характеристикам и качеству пляжей казахстанский участок соотносим с черноморским побережьем от Тамани до Адлера. Выигрыш по железнодорожным веткам, например, по маршрутам Барнаул — Актау и Барнаул — Сочи составляет более 1000 км, а это — выигрыш во времени в пути (сутки) и, соответственно, экономия на цене проезда. При этом по пути следования можно посетить уникальное исчезающее Аральское море. Таким образом, получает дополнительный импульс развития Турксиб, а также развивается Каспийская туристическая дестинация — как дополнительный объект взаимовыгодного сотрудничества для обеих стран. Не говоря уже о том, что при этом разгружается южная часть Транссибирской магистрали.

Аналогично напрашиваются и пассажирские железнодорожные маршруты из Новосибирска в Китай через Казахстан, что задействует существенную часть Турксиба. И конечно же остается актуальным вопрос развития торговли посредством Турксиба со странами Среднего Востока — Ираном, имеющим железнодорожные ветки с Туркменией, и самым населенным в мире государством, не имеющим своих железных дорог —

Афганистаном. Необходимо отметить, что связи с названными странами для сибирских регионов крайне актуальны. Специализация этих территорий кардинально различаются и, соответственно, взаимная торговля крайне выгодна для обеих сторон, а самым важным сдерживающим моментом являются транспортные расходы. При формировании составов прямого назначения они будут существенно дешевле автодорожного маршрута, тем более, что в этом случае удастся избежать проблем с пересечением государственных границ транзитных стран (Казахстана, Узбекистана и, возможно, Туркменистана, в зависимости от траектории прокладки пути в Афганистан). Принимая во внимание сегодняшнюю ситуацию на мировой экономической и политической карте, смело можно утверждать, что при таком транспортном увязывании Афганистан через сибирские торговые связи и в геоэкономическом, и в геополитическом отношении становится ближе для российских интересов.

Далее, через Афганистан или Иран, можно в будущем строить отношения с Пакистаном, который по численности населения уже обгоняет современную Россию, и со временем этот разрыв еще увеличится. Экономика этой страны сейчас динамично развивается, и многие товары в соотношении «цена — качество» совсем не проигрывают конкурентам из Китая или стран Юго-Восточной Азии.

Развитие данных направлений и маршрутов особенно актуально для территорий, относящихся к ядру ультраконтинентальных пространств мира, для них появляется возможность снизить издержки удаленного от портов положения. Это важно для всех сибирских регионов, которые в настоящее время в транспортно-географическом и товаро-продуктовом отношении тяготеют к Китаю, что сужает возможности диверсификации внешнеторгового оборота. Более того, в случае увязки со странами Центральной Азии и Среднего Востока есть реальный шанс реиндустриализации отечественного машиностроения и конечных цепочек химического комплекса.

Выводы

Турксиб остается важным мостом к Большой Евразии, о которой сейчас с разных позиций говорят политики, ученые, журналисты. Необходимость данного построения заключается в дополнительной увязке всех пространств Центральной Азии (Новиков, Лукин, 2019), в результате чего решается целый спектр важнейших вопросов взаимной безопасности, хозяйственного и культурного развития, сохранения природы и рационального использования ресурсов. Стоит согласиться с А. Каримовой, что в связи с тем, что внутренние центрально-азиатские пространства вписаны в 2 из 3-х проектируемых трансрегиональных коридоров китайской инициативы «Одна дорога — один путь», то судьба данного глобального проекта, и его конкурентоспособность в значительной мере зависят от России и стран Центральной Азии (Каримова, 2018). При правильном построении стратегии вхождения в проект и возобновления и расширения товарооборота с южными соседними с Сибирью территориями, есть, пожалуй, одна из немногих возможностей сравнительно быстрой реиндустриализации отдельных приграничных российских регионов. Например, возможны перспективы для такого интересного с точки зрения экономико-географического положения объекта, как город Рубцовск. Этот ближайший к странам Центральной Азии большой российский город на Турксибе сейчас недооценен как возможная промышленно-инновационная база кооперации России и Казахстана (через рядом расположенный такой же

депрессивный, еще более населенный, Семей, имеющий, к тому же, похожую промышленную специализацию).

Учитывая, что для регионов Западной Сибири ближайшая дорога в Китай и страны Центральной Азии пролегает через Турксиб, стоит уже сегодня начинать развивать трансграничные кластеры и различные промышленные кооперационные связи (возможно даже создание холдингов предприятий, в основном расположенных в странах и регионах Центральной Азии), чтобы нарастить потенциал конкурентоспособности производств этой ультраконтинентальной области, которая в советский период времени показывала хорошие результаты промышленного развития. И само собой напрашивается предложение о «нанизывании» имеющихся активов на ветку Турксиба. Главный вопрос заключается в согласовании совместных интересов стран и территорий Центральной Азии, проработке и формировании полноценных ТНК, чтобы создавать в будущем собственную инновационную и конкурентоспособную продукцию, хотя бы — на первом этапе — для местных рынков. Авторы считают, что Турксиб незаслуженно мало используется в сегодняшних условиях, теряется потенциал совокупного развития пространств, исторически взаимосвязанных товарными, культурными и историческими связями, не говоря уже о сохранившихся экономико-географических предпосылках интенсификации обменов разного рода, реализация которых может серьезно усилить позиции и регионов Сибири, и стран Центральной Азии.

Список литературы

1. Адилханулы Н. (2015) Проект «Хоргос — восточные ворота» превратит Казахстан в региональную транзитную державу // Известия КазУМОиМЯ имени Абылай хана. Серия «Международные отношения». № 1(19). С.20–26. [Adilhanova N. (2015) Khorgos-Eastern gate project will turn Kazakhstan into a regional transit power // News KazUIR & WL named Abylai Khan. International relations series. No. 1 (19). Pp. 20–26. (In Russian).]
2. Доклад товарища Куйбышева о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства в СССР. URL: http://www.hrono.ru/vkpb_17/16_1_1.html [Report of comrade Kuibyshev on the second five-year plan for the development of the national economy in the USSR. (In Russian).]
3. История Туркестано-Сибирской железной дороги / Неизвестный Турксиб. URL: <https://web.archive.org/web/20060113041141/http://www.turksib.com/history.php> [History of the Turkestan-Siberian railway / Unknown Turksib. (In Russian).]
4. История КЖД / Официальный сайт КЖД. URL: <https://www.railways.kz/articles/company/istoriya> [The history of the HDC [Electronic resource] / Official site CR. (In Russian).]
5. Итоги внешней торговли Сибирского федерального округа / Официальный сайт Сибирского Таможенного Управления. URL: http://stu.customs.gov.ru/storage/document/document_file/2020-06/10/%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8%20%D0%92%D0%A2%20%D0%A1%D0%A4%D0%9E%201%20%D0%BA%D0%B2.%202020.doc [Results of foreign trade of the Siberian Federal district / official website of the Siberian Customs Administration. (In Russian).]
6. Казахстанские железные дороги. URL: <http://govza.ru/2017/06/19/kazaxstanskije-zheleznye-dorogi/> [Kazakhstan railway. (In Russian).]

7. Каримова А. (2018) Центральная Азия: эвристика и модели // Мировая экономика и международные отношения. № 10. С. 114–123. [Karimova A. (2018) Central Asia: heuristics and models // World economy and international relations. № 10. С. 114–123. (In Russian).]
8. Красноярова Б. А., Кротов А. В. (2020) Диалектика стратегического развития Центрально-Евразийского трансграничного региона в условиях современных вызовов // Гуманитарный вектор. Т. 15. № 2. С. 131–141. [Krasnoyarova B. A., Krotov A. V. (2020) Dialectics of strategic development of the Central Euro-Asian cross-border region in the context of modern challenges // Humanitarian vector, Vol. 15, No. 2, pp. 131–141. (In Russian).] DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-131-141.
9. Менеджмент на транспорте / под ред. Н. Н. Громова, В. А. Персианова. 5-е изд. М.: Академия, 2010. 527 с. [Management in transport / ed. by N. N. Gromov, V. A. Persianov. 5th ed. Moscow: Akademiya, 2010. 527 p. (In Russian).]
10. Новиков А. В., Лукин Д. П. (2019) Большая Евразия: от полюса конфронтации к сообществу развития // Восток. № 6. С. 173–188. [Novikov A. V. Lukin D. P. (2019) Greater Eurasia: from the pole of confrontation to the development community // Vostok. No. 6. С. 173–188. (In Russian).]
11. Отчет в области устойчивого развития, 2018 год / Официальный сайт КЖД. URL: <file:///C:/Users/1/Downloads/f3032007-0116-40af-ab4d-dc74ec65b5e2.pdf> [The report on sustainable development for 2018. (In Russian).]
12. Схема Туркестано-Сибирской железной дороги с главными станциями / Турксиб. URL: http://www.rzd-expo.ru/images/history_turksib/02.jpg [The scheme of the Turkestan-Siberian railway with the main stations / Turksib. (In Russian).]
13. Схема Казахских железных дорог / Казахские Железные Дороги. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/3b/-Railway_Map_of_Kazakhstan_%28kk%29.png [Scheme of Kazakh Railways / Kazakh Railways. (In Russian).]
14. Сотрудничество в рамках Евразийского экономического союза / Официальный сайт РЖД. URL: <https://company.rzd.ru/ru/10016> [Cooperation within the framework of the Eurasian economic Union / official website of Russian Railways. (In Russian).]
15. Турксиб — магистраль социализма. Алма-Ата, 1986. [Turksib — the highway of socialism. Alma-Ata, 1986. (In Russian).]
16. Труды Комиссии по исследованию района Туркестан-Сибирской железной дороги: Ч. 1 / МПС. Санкт-Петербург, 1909. 35 с. [Proceedings Of the Commission for the study of the Turkestan-Siberian railway region: part 1 / MPs. Saint Petersburg, 1909. 35 p. (In Russian).]
17. Устойчивое развитие КЖД, 2019 / Официальный сайт КЖД. URL: <https://www.railways.kz/articles/sustainable-development/sustainable> [Sustainable development of the KZHD, 2019 / official website of the KZHD. (In Russian).]

To the anniversary of the Turkestan-Siberian railway: the history of construction and development, current state and problems

Bella A. Krasnoyarova,

*Doctor of Geography, Professor, head of laboratory, Institute of water and environmental problems
Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul, Russia*

Alexander V. Krotov,

PhD of Geography, Assistance Professor, Altai State University, Barnaul, Russia.

Alina Vladislavovna Lytkina,

student, Altai state University, Barnaul, Russia.

The article examines the history of the creation and development of one of the first major projects of the First Five-Year Plan of the USSR — the Turkestan-Siberian Railway, highlights the stages of its development and gives a description of its modern functioning as part of the Kazakh railways. Particular attention is paid to the development potential of Turksib in the framework of the implementation of the Chinese initiative "One Road — One Way", its growing role and new sound in the event of a number of projects proposed by the authors.

Key words: *railways, foreign trade turnover, cargo transportation, "dry" port of Khorgos, Kazakhstan, Siberia, Chinese initiative, "One road — one way".*

JEL codes: *N75, F59.*

Правовой статус Каспийского моря: экономико-географические аспекты

Татьяна Ивановна Потоцкая¹

Статья содержит экономико-географический анализ Концепции о правовом статусе Каспийского моря (2018). В качестве основных экономико-географических факторов, влияющих на определение правового статуса, автор рассматривает: природные ресурсы региона (акцентируется внимание на запасах, территориальном распределении углеводородного сырья и географии добычи); экономико-географическое положение прикаспийских стран (континентальность Казахстана, Туркменистана и Азербайджана, которая формирует зависимость их внешнеэкономической деятельности от соседних стран — России, Ирана); экономико-географическое положение Каспия (транзитность — расположение на стыке Центральноазиатского региона, богатого углеводородным сырьем и Европой, Китаем, выступающими ведущими его потребителями). В качестве вывода отмечается наличие прямой связи между каждым выделенным фактором и правовой нормой, содержащейся в «Конвенции...». Подчеркивается, что незавершенность процесса установления правового статуса Каспийского моря в сочетании с отсутствием единой интеграционной региональной структуры формирует интерес к Каспийскому морю не только у прибрежных государств, но и у стран других регионов, таких как Европа, Америка, Ближний Восток, что активизирует деятельность прикаспийских государств в вопросе определения правовых норм использования водоема.

Ключевые слова: политическая география, геополитика, государственная граница, Каспийское море, Россия.

JEL коды: Q25, Q28, Q32, Q37, Q56.

Введение

Рассматривая характер отношений между странами постсоветского пространства, необходимо отметить, что, несмотря на подписанную в 1994 г. «Декларацию о соблюдении суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ государств — участников Содружества Независимых Государств» (Декларация), процесс делимитации их государственных границ не завершен. Это, в первую очередь, касается границ, проводимых по водным рубежам. Особое место среди них занимают границы прикаспийских стран, которыми после распада СССР стали: Казахстан (40% протяженности береговой линии Каспийского моря), Туркменистан (21%), Азербайджан (16%), Россия (11%) (Жильцов и др., 2003). Отношения между ними в вопросах использования Каспия, а также между каждым из них и Ираном (12% протяженности береговой линии Каспийского моря) (в отличие от них, не изменившим своих границ в рассматриваемый период времени, но получившим новых

¹ Потоцкая Татьяна Ивановна — доктор географических наук, профессор кафедры географии Смоленского государственного университета, г. Смоленск, Россия.

соседей) являются предметом многих международных соглашений. Оставляя за рамками данной статьи их перечень и анализ (что уже неоднократно было сделано многими исследователями Каспия в своих работах), выделим наиболее важное из них — «Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря» (2018 г.). За прошедшие 29 лет суверенности новых независимых государств она впервые зафиксировала международный статус этого водоема, позволяющий судить о пределе суверенности каждого прикаспийского государства в нем. Цель исследования — понять, какие экономико-географические факторы повлияли на принятые решения.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели потребовалось проанализировать как официальные документы, регламентирующие международное право в области проведения водных государственных границ: Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (1982 г.), Конвенция Организации Объединенных Наций о континентальном шельфе (1958 г.), Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (1992 г.), так и собственно саму «Конвенцию...».

Внимание к этим не географическим источникам информации связано с отсутствием в целом опыта проведения государственных границ в Каспийском море. Несмотря на богатую историю формирования государств в данном регионе и соответствующих ей государственных границ, стоит отметить, что все они являлись сухопутными. Даже договоры между Россией и Ираном (Санкт-Петербургский от 1723 г, Рештский от 1729 г, Гюлистанский от 1813 г., Туркманчийский от 1828 г.), а затем между СССР и Ираном (в 1921, 1931, 1935, 1954 гг.), на которые постоянно ссылаются исследователи, фиксируют распределение между странами прикаспийских земель, в то время как о разграничении акватории речь не шла, поскольку первоначально она была только под юрисдикцией России, а затем — в совместном пользования России и Ирана (без юридического определения границ). Вместе с тем, при описании сухопутных границ указывались крайние пункты западных и восточных (закаспийских) территорий — Астара и Гасан-Кули (Рубан, 2017). Линия, соединяющая эти населенные пункты (рис. 1), рассматривалась как линия раздела зон влияния России и Ирана на Каспии. Она была положена в основу советско-иранского Договора от 1940 г., который, наряду с декларированием права свободного судоходства и рыболовства для судов и граждан СССР и Ирана по всей акватории, впервые зафиксировал наличие отдельных элементов водной границы (10-мильной прибрежной полосы, где рыбный промысел мог осуществляться только судами соответствующего прибрежного государства).

Данная особенность во многом привлекает внимание к изучению вопроса определения государственных границ на Каспии преимущественно историков (Пивовар, 2019; Притчин, 2018; и др.), юристов (Мамедов, 2000; Нуцалханов, 2019; и др.) и политологов (Жильцов и др., 2003). В то же время значимость Каспия для экономического развития прибрежных стран, определяет активное участие экономистов и представителей бизнес-сообщества в обсуждении и, в целом, анализе правового статуса Каспия (Завьялова, 2017; Катона, 2017; Маркелов, 2011; и др.). Вместе с тем, когда речь идет об исследовании разных аспектов формирования правового статуса определенного региона, в данном случае

Каспийского моря, очевидно, что речь идет о геополитических исследованиях, поскольку устанавливается прямая причинно-следственная связь между территорией и политикой.

В связи с этим, наряду с традиционно используемыми в географических работах методами научного описания, сравнительно-географического, картографического и метода образно-знакового моделирования, автором применялся метод геополитического анализа, предполагающий выявление свойств изучаемого региона, влияющих на политику стран данного региона.

Подчеркнем, что в статье сделаны ссылки только на тех ученых, мнение которых учитывалось при проведении исследований, в то время как существует целый пласт научных работ, посвященных рассматриваемой тематике и опубликованных в таких авторитетных и признанных академическим сообществом печатных и электронных междисциплинарных изданиях, объединяющих вокруг себя исследователей региона, как «Каспийский регион: политика, экономика, культура», «Центральная Азия и Кавказ». Они не только популяризируют актуальную информацию о регионе, но и позволяют вести научную дискуссию по наиболее проблемным вопросам, к которым, безусловно, относится правовой статус Каспия.

Результаты и обсуждение

Уже стало общепринятым мнением, что многократные неудачные попытки прикаспийских стран определить правовой статус Каспийского моря в постсоветский период связаны с проблемой определения его природного статуса (море или озеро). Современная «Конвенция о правовом статусе Каспийского моря» (2018 г.) уходит от этого, называя Каспийское море «окруженным сухопутными территориями стран водоемом», что позволяет применять к нему международные правовые нормы и моря, и озера:

- выделение «внутренних вод» (как море — аналог внутренних морских вод);
- выделение «территориальных вод» (как море — аналог территориального моря) — 15 миль;
- выделение «рыболовных зон» (как море — относительный аналог исключительной экономической зоны) — 10 миль;
- выделение «общего водного пространства» (как озеро);
- выделение «секторов» дна (как озеро).

И если использование «морских» норм для определения правового статуса Каспия (внутренние воды, территориальные воды, рыболовные зоны), придает ему метрическую и юридическую четкость, то использование «озерных» норм, оставляет много вопросов. Так, например, выделение национальных секторов дна, осуществляемое на основе договоренностей сопредельных и противолежащих государств, уже по своей формулировке показывает наличие проблем в осуществлении данного процесса.

В свою очередь, выделение общего водного пространства, используемого только прикаспийскими странами, хотя и решает вопросы национальной безопасности прикаспийских стран, не допуская военного присутствия внерегиональных государств, но не устраняет военного присутствия США в портах Азербайджана (Баку) и Казахстана (Актау, Курык), через которые осуществляется поставка невоенных грузов для американского контингента в Афганистан (Дубнов, 2018).

Проведенное исследование позволило выявить 2 основных экономико-географических фактора, влияющих на определение правового статуса Каспийского моря:

- 1) природные ресурсы региона, особенности их территориального распределения и добычи;
- 2) экономико-географическое положение прикаспийских стран и экономико-географическое положение Каспия.

Рассмотрим их более подробно.

Первый фактор. Регион обладает значительным природно-ресурсным потенциалом, поэтому обозначим только наиболее важные из имеющихся ресурсов, влияющие на характер отношений между странами и, как следствие, на перечень прав, которыми государства могут пользоваться при добыче ресурсов. В первую очередь, отметим наличие существенные запасы углеводородного сырья (нефти и газа) (см. рис. 1).

Предположительно, Каспийский регион располагает разведанными запасами нефти в 68 млрд баррелей и газа в 16 трлн м³ (Завьялова, 2017). При этом основная часть запасов нефти концентрируется в национальном секторе дна Казахстана и Азербайджана, а газа — Туркменистана и Казахстана. Наименьшая ресурсная база у России и Ирана. Поскольку добыча углеводородного сырья связана с эксплуатацией определенных площадей дна водоема, то очевидно, что интересы прикаспийских стран связаны со стремлением получить сектор, богатый нефтью и газом. Рассматриваемая «Конвенция...», как уже отмечалось ранее, не регламентирует границы национальных секторов дна, предполагая, что все сопредельные и противолежащие прикаспийские страны смогут сделать это самостоятельно путем переговоров.

Такие договоренности уже действуют между Россией и Казахстаном (от 1998 г.), Россией и Азербайджаном (от 2001 г.); между Казахстаном и Азербайджаном (от 2001 г.); между Казахстаном и Туркменистаном (от 2014 г.). В тоже время, они отсутствуют между Азербайджаном и Туркменистаном; Азербайджаном и Ираном; Ираном и Туркменистаном. Именно поэтому можно говорить о наличие четких границ национальных секторов дна только у России и Казахстана. Границы между ними были проведены на основе принципа срединной линии (равноудаленной от береговых линий прибрежных государств), который в международном праве применяется при пересечении территориальных морей соседних и противолежащих государств. При этом было оговорено совместное использование месторождений, оказавшихся пограничными (Курмангазы, Хвалынское, Центральное).

Вместе с тем, границы национальных секторов дна Азербайджана, Туркменистана, Ирана спорны. Это связано с разным видением странами принципов проведения границ своих секторов.

Несмотря на то, что Азербайджан и Туркменистан выступают за разделение дна Каспия по принципу срединной линии (Маркелов, 2011), методика ее определения у них отличается. Азербайджан выступает за проведение срединной линии по принципу от равноудаленных точек от противоположных берегов. Таким образом, отсчет срединной линии ведется с учетом береговой линии и Апшеронского полуострова, глубоко вдающегося в Каспийское море. Туркменистан предлагает проведение линии по середине широтных линий без учета изгиба береговой линии на Апшеронском полуострове. Нерешенность этого вопроса приводит к спорам о территориальной принадлежности, а значит, возможности эксплуатации нефтяного месторождения Сердар-Кяпаз.

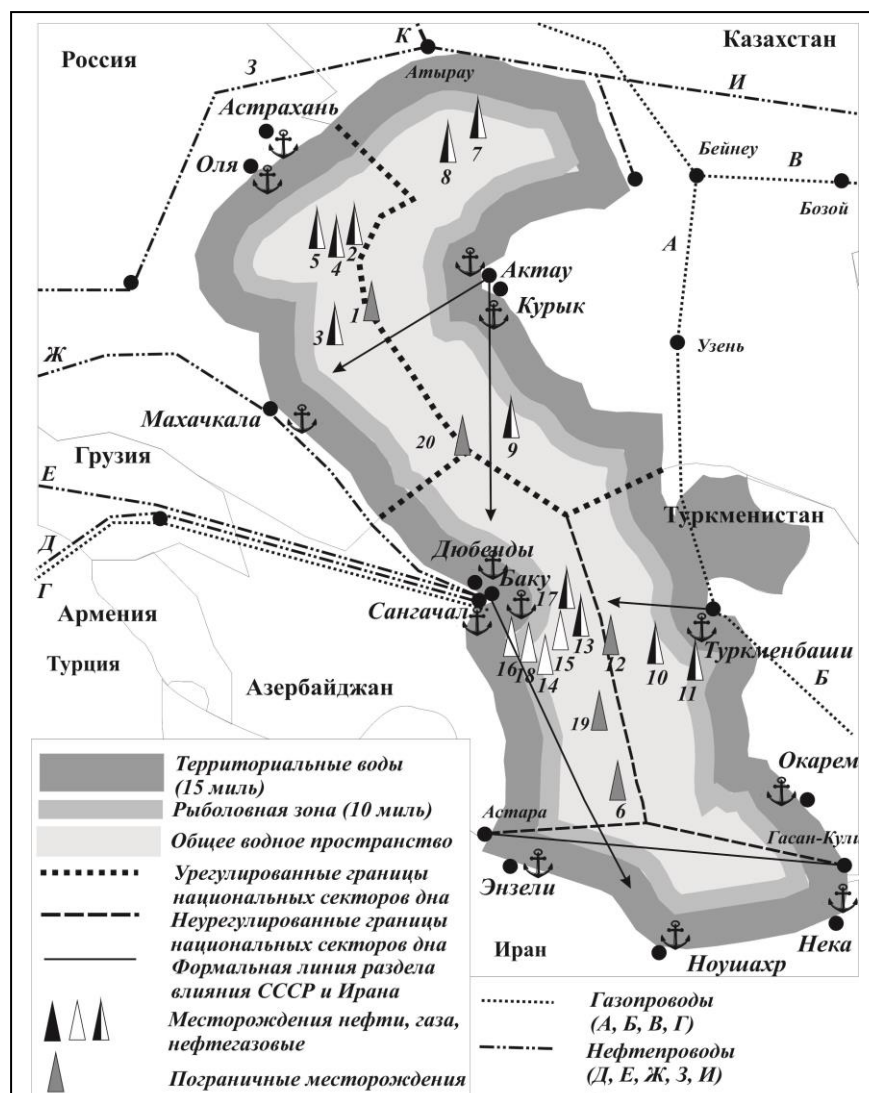

Рис. 1. Географические аспекты формирования правового статуса Каспийского моря, 2019. **Основные месторождения нефти и газа:** 1. Хвалынское, 2. Ракушечное, 3. Сарматское, 4. им. Юрия Корчагина, 5. им. Владимира Филановского, 6. Сардар Джангал, 7. Каламакс-море, 9. Блок Н, 10. Блок-1, 11. Блок Челлекен, 12. Сердар-Кяпаз, 13. Азери-Шираг-Гюнешли, 14. Шах-Дениз, 15. Апшерон, 16. Умид, 17. Мелководный Гюнешли, 18. Булла-Дениз, 19. Араз — Алов — Шарг, 20. Центральное. **Основные магистральные газопроводы:** А. Прикаспийский, Б. Восток — Запад, В. Бейнеу — Бозой — Шымкент, Г. Южнокавказский. **Основные магистральные нефтепроводы:** Д. Баку — Тбилиси — Джейхан, Е. Баку — Тбилиси — Супса, Ж. Баку — Махачкала — Новороссийск, З. нефтепровод КТК, И. Трансказахстанский, К. Атырау — Самара.

Источник: составлено автором по: (Мурзагалиев, 2017; Нуцалханов, 2019; Потоцкая, 2018).

Аналогичные проблемы возникают в отношениях между Азербайджаном и Ираном, которые имеют разное видение границ своих национальных секторов дна. Как уже отмечалось, Азербайджан проводит его границы на основе принципа срединной линии, Иран настаивал на разделении дна равными долями (по линиям, соединяющим центральную точку озера с точками выхода границ прибрежных государств на береговую линию) (Рубан, 2017).

Первый вариант обеспечивает Ирану только 14% дна Каспия, в то время как второй вариант дает возможность получить 20% (Дубнов, 2018; Мамедов, 2000). Поскольку в «Конвенции...» не идет речь о методике определения границ секторов (предполагается, что они будут делимитированы в результате двухсторонних переговоров), у стран остаются взаимные претензии друг к другу по поводу геологоразведки и эксплуатации нефтяных месторождений Араз-Алов-Шарг и Сардар Джангал (рис. 1).

Второй фактор — географическое положение Каспия и прикаспийских стран. Оно, соответственно, формируется 3-мя основными характеристиками. С одной стороны, это ярко выраженная континентальность Казахстана, Туркменистана и Азербайджана, которые не имеют выхода к Мировому океану и вынуждены использовать территорию соседних стран (России, Ирана) для решения данной проблемы, что приводит к зависимости их внешнеэкономической деятельности от соседей. С другой стороны, это транзитность самого Каспийского моря, расположенного на стыке Центральноазиатского региона, богатого углеводородным сырьем (не только каспийского происхождения), Европой (выступающей одним из основных потребителей энергоресурсов в мире) и Ближним Востоком (военно-политические проблемы которого влияют на реализацию многих экономических, в первую очередь транспортных, проектов в прикаспийских странах и, как следствие, на характер отношений между ними). Кроме того, нельзя не учитывать непосредственное соседство стран рассматриваемого региона (Казахстана) с Китаем, являющимся, наряду с Европой, одним из основных потребителей энергоресурсов в мире. Очевидно, что перечисленные особенности географического положения региона будут влиять, в первую очередь, на правовые аспекты использования Каспия при прокладке транспортных путей.

Сегодня основные транспортные направления, которые осуществляются через Каспий, — это маршруты транспортировки углеводородного сырья на основе использования танкеров (Стратегия):

- маршруты, связанные с Россией: поступление энергоресурсов из Актау (Казахстан), Туркменбаши (Туркменистан), Баку (Азербайджан) в порт Махачкала (Россия) с последующей транспортировкой по нефтепроводу до порта Новороссийск (Черное море) или по Волго-Донскому каналу до портов Азовского моря, или по Волго-Балтийскому каналу до портов Балтийского моря. Из перечисленных направлений наиболее продуктивное связано с использованием Новороссийска, поскольку функционирование остальных ограничено природными условиями в осенне-зимний период;

- маршруты, связанные с Ираном, определяются, во-первых, деятельностью паромов, перемещающегося между Актау (Казахстан), Баку (Азербайджан) и Ноушахр (Иран), и обеспечивающего все своповые операции с энергоносителями для Армении; во-вторых, функционированием нефтепровода от иранских месторождений на Каспии до порта Нека и в перспективе — до иранского порта Джаск на побережье Оманского залива;

- маршруты, связанные с Грузией и Турцией, с одной стороны, базируются на включении экспортной нефти Казахстана (из порта Актау) в транспортировку экспортной нефти Азербайджана по нефтепроводам: Баку (Азербайджан) — Тбилиси (Грузия) — Супса (Грузия) (Черное море) и Баку (Азербайджан) — Тбилиси (Грузия) — Джейхан (Турция) (Средиземное море); с другой стороны, базируются на включении газа Туркменистана в транспортировку экспортного газа Азербайджана по Южнокавказскому газопроводу Баку (Азербайджан) — Тбилиси (Грузия) — Эрзурум (Турция).

В тоже время есть маршруты, которые не пересекают Каспийское море, но ориентированы на транспортировку, в том числе и каспийских, энергоносителей (Потоцкая, 2018). Среди них стоит отметить связанные с интересами Китая: нефтепровод Атырау (Казахстан) — Атасу (Казахстан) — Алашанькоу (Китай); газопровод Центральная Азия (Туркменистан, Узбекистан, Казахстан) — Китай и расширяющие его возможности газопроводы Восток — Запад (Туркменистан) и Бейнеу — Бозой — Шымкент (Казахстан). Из этой категории можно выделить Прикаспийский газопровод: Туркменбаши (Туркменистан) — Бейнеу (Казахстан) — Александров Гай (Россия), ориентированный на интересы России, проект, который рассматривают в качестве конкурента проекту Транскаспийского газопровода (Туркменбаши — Баку), поддерживаемого ЕС (рис. 1).

При этом перспективное увеличение объемов транспортировки энергоресурсов (после ввода в эксплуатацию всех каспийских месторождений) ограничивается возможностями танкерного флота. Небольшая глубина Каспия в целом и акваторий портов, в частности, не позволяет увеличивать тоннаж судов. В связи с этим большое внимание стран привлечено к возможности строительства транскаспийских трубопроводов, что активно поддерживается странами ЕС, являющимися основными потребителями каспийских углеводородов. Реализация этой идеи может привести к перераспределению потоков нефти и газа, идущих из стран Центральной Азии (прежде всего из Туркменистана) в Европу через Россию. Вследствие этого Россия традиционно выступала против строительства транскаспийских трубопроводов, аргументируя свою позицию вопросами экологической безопасности, соблюдение которой затруднительно в условиях закрытого водоема.

Данный аспект был учтен при определении современного правового статуса Каспия утверждением, что прокладывание трубопроводов, кабелей, строительство добывающих платформ, создание искусственных островов в своем секторе — дело исключительно сопредельных и противолежащих стран. Только они могут определять маршруты прокладываемых через их сектора трубопроводов. Однако для этого требуется экологическое одобрение всех прикаспийских стран.

Рассматривая транзитную функцию Каспия, объединяющую функционирование морского и трубопроводного видов транспорта, и определяющую современную логистику экспорта энергоносителей в регионе, нельзя не отметить наличие сухопутной транспортной инфраструктуры (железных и автомобильных дорог, подходящих к морским портам). Это обстоятельство легло в основу проекта создания международного транспортного коридора (МТК) «Север — Юг», который, способствуя взаимодействию России со странами Прикаспийского региона, может стать основой маршрута межгосударственных контейнерных перевозок из Индии через Иран, Азербайджан, Россию в Европу.

Данный транспортный коридор, наряду с существующей морской инфраструктурой (порты России Астрахань, Оля, Махачкала и порты Ирана Энзели, Ноушехр, Амирабад), ориентирован на использование прямого железнодорожного сообщения через пограничные переходы Самур (Россия) — Ялама (Азербайджан), с дальнейшим выходом на железнодорожную сеть Ирана через пограничный переход Астара (Азербайджан) — Астара (Иран). Поэтому особое внимание уделяется вводу в эксплуатацию новой железнодорожной линии Решт — Астара (Иран) — Астара (Азербайджан), которая является последним недостающим звеном прямого железнодорожного маршрута по МТК «Север — Юг». Также МТК рассматривает и возможность привлечения железных дорог Казахстана, Узбекистана и Туркменистана для выхода на железнодорожную сеть Ирана через пограничные переходы

Серахс (Туркменистан) — Серахс (Иран) и Акяйла (Туркменистан) — Инче Бурун (Иран) (Международный транспортный коридор). В настоящее время по этим маршрутами осуществляется, преимущественно, доставка экспортных грузов России, идущих в Азербайджан и Иран.

Выводы

В заключение, констатируя незавершенность процесса установления правового статуса Каспийского моря, все же стоит отметить, что, во-первых, его современный правовой статус определяется: запасами, территориальным распределением и добычей природных ресурсов (особенного углеводородного сырья и биоресурсов); экономико-географическим положением Каспия (транзитностью) и прикаспийских стран (континентальностью); экологическими последствиями антропологической деятельности в нем. Во-вторых, существует прямая связь между каждым географическим фактором и правовой нормой, содержащейся в «Конвенции...». В-третьих, перечисленные экономико-географические факторы в сочетании с отсутствием единой интеграционной региональной структуры формируют интерес к Каспийскому морю не только у прибрежных государств, но и у стран других регионов, таких как Европа (Франция, Великобритания, Италия, Нидерланды и др.), Америка (США, Канада, Аргентина), Восточная Азия (Китай Япония, Республика Корея), Ближний Восток (Турция, Саудовская Аравия и др.), что еще больше подталкивает прикаспийские государства к необходимости четкого определения правовых норм использования водоема.

Список литературы

1. Декларация о соблюдении суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ государств — участников Содружества Независимых Государств // Кодекс: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901148/>. [Declaration on respect for the sovereignty, territorial integrity and inviolability of borders of the member States of the Commonwealth of Independent States // Codex: electronic Fund of legal and regulatory and technical documentation. (In Russian).]
2. Дубнов А. (2018) Дораспад СССР: Что изменит раздел Каспия // Московский центр Карнеги 15.08.2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77042/>. [Dubnov A. (2018) The pre-collapse of the USSR: What will change the section of the Caspian // Carnegie Moscow Center 08.15.2018. (In Russian).]
3. Жильцов С. С., Зонн И. С., Ушков А. М. (2003) Геополитика Каспийского региона. Москва. [Zhiltsov S. S., Zonn I. S., Ushkov A. M. Geopolitics of the Caspian region. Moscow. (In Russian).]
4. Завьялова Е. Б. (2017) Каспийская мечта и геополитическая реальность // Экономика и управление: проблемы и решения. Том 1. №5. С. 41–48. [Zavyalova E. B. (2017) Caspian dream and geopolitical reality // Economics and Management: Problems and Solutions. Vol. 1. No. 5. Pp. 41–48. (In Russian).]
5. Катона В. (2017) Нефть и газ Каспийского моря: между Европой и Азией // Российский совет по международным делам (РСМД). Рабочая тетрадь 39. 62 с. [Katona V. (2017) Oil and gas of the Caspian Sea: between Europe and Asia // Russian Council on Foreign Affairs (INF). Workbook 39. 62 p. (In Russian).]

6. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328/>. [Convention on the legal status of the Caspian sea // President of Russia. (In Russian).]
7. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву // Организация объединенных наций. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf/. [United Nations Convention on the law of the sea // United Nations. (In Russian).]
8. Конвенция Организации Объединенных Наций о континентальном шельфе // Организация объединенных наций. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf. [United Nations Convention on the continental shelf // United Nations. (In Russian).]
9. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер // Организация объединенных наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml. [Convention on the protection and use of transboundary watercourses and international lakes. (In Russian).]
10. Мамедов Р. (2000) Международно-правовой статус Каспийского моря: вчера, сегодня, завтра (вопросы теории и практики) // Центральная Азия и Кавказ. № 2(8). С. 214–221. [Mamedov R. (2000) The international legal status of the Caspian Sea: yesterday, today, tomorrow (theory and practice) // Central Asia and the Caucasus. No. 2 (8). Pp. 214–218. (In Russian).]
11. Маркелов К. А. (2011) Актуальные проблемы политико-экономической безопасности стран Каспийского региона в начале XXI века. Москва. [Markelov K. A. (2011) Actual problems of political and economic security of the countries of the Caspian region at the beginning of the XXI century. Moscow. (In Russian).]
12. Международный транспортный коридор «Север — Юг» // Российские железные дороги (РЖД). URL: <https://cargo.rzd.ru/ru/9789?redirected/>. [International transport corridor "North — South" // Russian Railways (RZD). (In Russian).]
13. Мурзагалиев Д. М. (2017) Каспийское море: разведка и разработка морских месторождений // Геология, география и глобальная энергия. № 4 (67). С. 20–31. [Murzagaliev D. M. (2017) The Caspian Sea: exploration and development of offshore deposits // Geology, Geography and Global Energy. No. 4 (67). Pp. 20–31. (In Russian).]
14. Нуцалханов Г. Н. (2019) Конвенция о правовом статусе Каспийского моря от 12 августа 2018 года в свете международного права // Вопросы российского и международного права. Т. 9. № 1А. С. 132–142. [Nutsalkhanov G. N. (2019) Convention on the legal status of the Caspian Sea dated August 12, 2018 in the light of international law // Issues of Russian and International law. Vol. 9. No. 1A. Pp. 132–142. (In Russian).]
15. Рубан Л. С. (2017) Проблема разграничения каспийского моря. Историко-правовой аспект // Бурение и нефть. № 5. С. 50–57. [Ruban L. S. (2017) The problem of delimiting the Caspian Sea. Historical and legal aspect // Drilling and oil. No. 5. Pp. 50–57. (In Russian).]
16. Стратегия развития российских морских портов в Каспийском бассейне, железнодорожных и автомобильных подходов к ним в период до 2030 года // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-08112017-n-2469-r/strategiia-razvitiia-rossiiskikh-morskikh-portov/>.

17. Пивовар Е. И. (2019) Особый правовой статус Каспия. Итоги и перспективы V Каспийского саммита в Актау // Вестник РГГУ. Серия Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. № 1. С. 12–32. [Pivovarov E. I. (2019) Special legal status of the Caspian. Results and prospects of the V Caspian summit in Aktau // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series Eurasian Studies. History. Political science. International relationships. No. 1. Pp. 12–32. (In Russian).]
18. Потоцкая Т. И. (2018) Геополитика России на постсоветском пространстве. Саратов. [Pototskaya T. I. (2018) Geopolitics of Russia in the post-Soviet space. Saratov. (In Russian).]
19. Притчин С. А. (2018) Россия на Каспии: поиски оптимальной стратегии. Москва. [Pritchich S. A. (2018) Russia in the Caspian: search for an optimal strategy. Moscow. (In Russian).]

The legal status of the Caspian Sea: economic and geographical aspects

Tatyana Ivanovna Pototskaya

Doctor of Geographical Sciences, Professor, Department of Geography Smolensk State University, Smolensk, Russia

The article contains an economic and geographical analysis of the Concept on the legal status of the Caspian Sea (2018). As the main economic and geographical factors affecting the determination of the legal status, the author considers: the natural resources of the region (emphasis is placed on reserves, the territorial distribution of hydrocarbons and the geography of production); the economic and geographical position of the Caspian countries (the continental nature of Kazakhstan, Turkmenistan and Azerbaijan, which forms the dependence of their foreign economic activity on neighboring countries — Russia, Iran); economic and geographical position of the Caspian Sea (transit — the location at the junction of the Central Asian region, rich in hydrocarbon raw materials and Europe, China, and its leading consumers). As a conclusion, it was emphasized that the incompleteness of the process of establishing the right status of the Caspian Sea, combined with the lack of a single regional integration structure, forms interest in the Caspian Sea not only in coastal, but also in countries of other regions, such as Europe, America, the Middle East, which is even more activates the activities of the Caspian littoral states for a clear definition of legal norms for the use of a reservoir.

Key words: *political geography, geopolitics, Caspian Sea, state border, Russia.*

JEL codes: Q25, Q28, Q32, Q37, Q56.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ / WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Внешняя торговля России в XXI веке: особенности, проблемы и перспективы

Людмила Васильевна Шкваря¹

В статье представлен углубленный авторский анализ внешней торговли Российской Федерации в XXI в. Показан стоимостной, структурный (товарный и географический) аспекты внешней торговли РФ. Анализ проведен на основе статистических данных международной статистической базы ЮНКТАД. Графический и табличный формат изложения делает его более наглядным. Автор приходит к выводу о том, что в РФ внешняя торговля развивается поступательно, но неоднозначно. Отмечен рост (хотя и медленный, скорее как тенденция) товарооборота со странами Азии. В целях активизации внешней торговли России автор полагает необходимым поиск новых форм организации торговли, используя опыт Китая «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: Российская Федерация, внешняя торговля, экспорт, импорт, товарооборот, трансформация внешней торговли.

JEL коды: F14, F17.

Введение

Внешняя торговля для Российской Федерации, как и для всех стран мира, имеет первостепенное значение. Экономическая теория и мировая практика подтверждают, что страна имеет ряд выгод от торговли — получение абсолютных и относительных преимуществ, возможность обмена избыточных факторов производства на недостающие, шанс продлить жизненный цикл товаров, обрести и/или реализовать конкурентные преимущества, экономить на масштабе и реализовать преимущества концентрации. Из этого неполного перечня видна большая, и даже растущая, значимость международной торговли для мира и стран — как в количественном, так и в качественном аспектах.

Внешняя торговля России также базируется на положениях экономической теории и длительной собственной и мировой практики в этой сфере.

Многие авторы исследовали внешнеторговую сферу Российской Федерации, в том числе в XXI в. — как в целом, так и в страновом аспекте (Бирюков, 2017), ее влияние на национальную экономику (Шилин, 2017), в том числе — в связи со вступлением России в ВТО (Русакович, 2014; Хэ, 2010), роль и последствия международных экономических санкций (Меланьина, 2018 А).

¹ Шкваря Людмила Васильевна — доктор экономических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Москва, Россия.

Большинство исследователей отмечают высокую зависимость внешней торговли России от внешних факторов в условиях роста турбулентности как мировой экономики, так и глобального товарообмена, а также «...стремление к созданию «торговых соглашений нового типа» с преференциями для стран-членов (Гладков, 2018). Более того, как показывает обзор научной литературы, и с этим можно согласиться, внешняя торговля России гораздо более «чувствительна» к кризисным явлениям и глобальной неустойчивости, так как объем отечественного экспорта изменяется главным образом под влиянием динамики цен на основные вывозимые Россией товары (Оболенский, 2016; Меланьина, 2018 В). Эта зависимость, безусловно, негативно отражается на общей социально-экономической динамике страны, искажая ее параметры.

Однако в процессе эволюции торговли появляются новые характеристики и особенности, изучение которых имеет важное значение для формирования средне- и долгосрочных стратегий и государства, и субъектов хозяйствования, а также для развития экономической теории, в частности, теории международной торговли.

В данной статье автором сделана попытка проанализировать современное положение в сфере внешней торговли Российской Федерации и охарактеризовать его специфику. Мы выбрали для исследования 2000–2019 гг., так как, согласно нашей гипотезе, именно в этот период во внешней торговле России, и — в меньшей степени — в целом в социально-экономической среде страны сформировались существенные изменения, связанные как с новыми географическими направлениями торговли, так и трансформацией ее отраслевой структуры. Эти изменения сформировались под влиянием внутренних и глобальных процессов в XXI в. Они, по нашей оценке, имеют решающее значение для социально-экономического развития России и ее внешнеторговой сферы в средне- и долгосрочной перспективе. Эти трансформации в России, в свою очередь, оказывают большое влияние на региональные и глобальные процессы, на экономику и торговлю других стран.

Статистический анализ стоимостных показателей российского экспорта и импорта проведен автором на основе данных ЮНКТАД, а уровень среднегодовых цен на мировом рынке нефти — на основе данных ОПЕК и IEA.

Общая характеристика внешней торговли Российской Федерации

Рассмотрим количественные и качественные параметры внешней торговли России.

Итак, внешняя торговля России в 2000–2019 гг. развивается поступательно, но неоднозначно (рис. 1), хотя и сохраняя традиционное положительное сальдо внешнеторгового баланса, обеспечивающего, в свою очередь, валютные поступления в государственный бюджет. Индекс покрытия экспортом импорта в 2018 г. составил 178,2%, что является очень хорошим показателем.

В 2019 г. российский товарооборот сократился относительно 2018 г. на 2,7%, в том числе экспорт снизился по стоимости на 5,5%, а импорт вырос на 2,2%. Доля российского импорта в мировом показателе в 2019 г. составила 1,3% (+0,5% за год), а максимальный показатель за период — 1,8% — имел место в 2013 г. Удельный вес российского экспорта в 2019 г. достиг 2,2% (–2,6% за год), максимальный показатель за период зафиксирован в 2013 г. — 1,799%.

Как видно из анализа представленных данных, российский товарооборот увеличился с 149895 млн долл. в 2000 г. до 672848 млн долл. в 2019 г., т. е. в 4,49 раза (мировой показатель

за тот же период вырос с 13107342 млн долл. до 38 126 196 млн долл., следовательно, в 2,9 раза). Максимального уровня российский товарооборот достиг в 2012 г. — 864702 млн долл., а уже с 2013 г. началось его постепенное сокращение, таким образом, что в 2016 г. стоимостной объем российской внешней торговли составил 473203 млн долл., сократившись как по экспорту, так и по импорту.

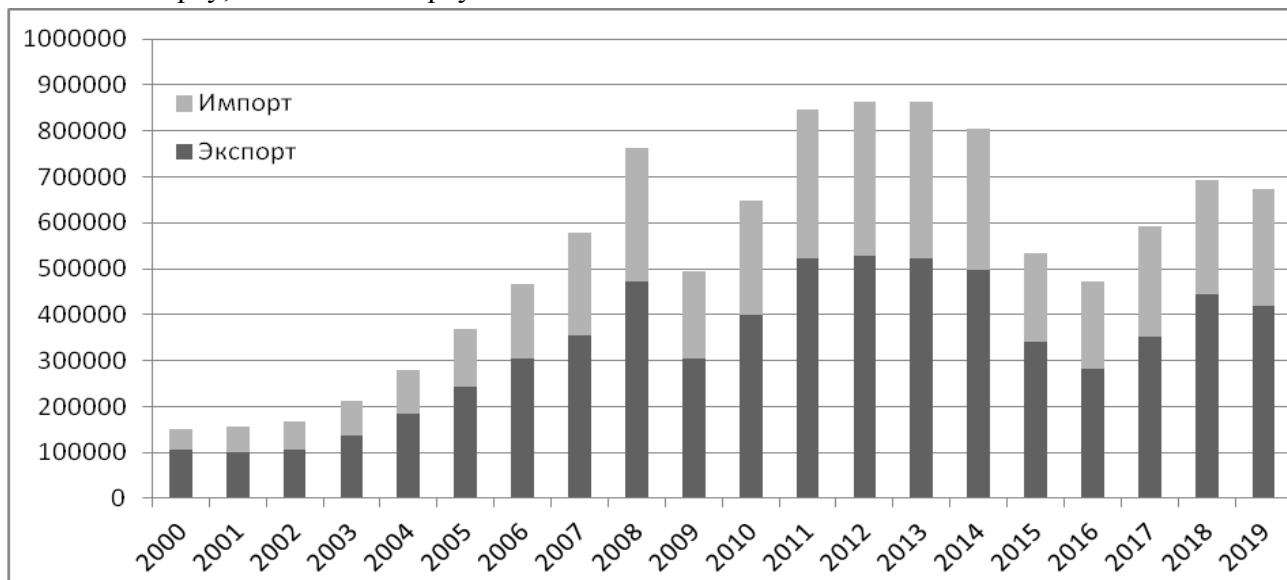

Рис. 1. Динамика экспорта и импорта Российской Федерации в 2000–2019 гг., млн долл. в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

Падение российского товарооборота с 2013 г. инициировали, во-первых, введенные в 2014 г. западными странами антироссийские экономические санкции, включавшие запрет на поставки в Россию целого ряда товаров, прежде всего высокотехнологичных, и затрагивавшие целые сегменты отечественной экономики, например, углеводородный. «Последующие ответные меры со стороны РФ, девальвация рубля, сжатие капиталовложений, секторальные ограничения, усилили рецессию в 2015 и 2016 гг. Все это привело к росту инфляции до 12,9% в 2015 г., уровень ВВП снизился на 3,7%, объемы внешней торговли упали на 33,2%» (Меланьина, 2018 А).

Мнение автора этой статьи (Шкваря, 2017 А; Шкваря, 2017 В), как и подавляющего большинства российских экспертов (Нуреев, Бусыгин, 2016), заключалось главным образом в том, что санкции в краткосрочном периоде негативно повлияли на российскую экономику как в целом, так и в отраслевом аспекте, а также принесли экономические потери и странам-инициаторам санкций, и всей мировой экономике. При этом ущерб от санкций для российской стороны и западных стран был сопоставим, а их результаты не вызвали ожидаемого западными партнерами эффекта — ни в экономической, ни в политической сферах. Также мы считаем, что определенное значение в процессе снижения стоимостного объема отечественного импорта имели контрсанкции России и наращивание достаточно успешного импортозамещения.

Западные исследователи, которые сосредоточили свое внимание преимущественно на российских контрсанкциях (Хронология введения санкций, 2015), тем более болезненных, чем более они оказались неожиданными для Запада, отмечают: «...Россия сосредоточилась на запрете специфического импорта, включая широкий спектр сельскохозяйственных

товаров из разных стран. Можно также рассматривать запреты на импорт как часть политики импортозамещения, направленной на повышение самообеспеченности и поддержку отечественных производителей. Санкции затронули многие сектора экономики. Хотя трудно изолировать влияние санкций, можно с некоторой уверенностью сказать, что их роль в недавнем спаде российской экономики была существенно меньше, чем у США» (Korhonen, et al., 2018).

Второй причиной падения товарооборота России послужило снижение цен на нефть на мировом рынке в 2015–2016 гг., возникшее также не без участия западных стран, попытавшихся еще раз использовать ту же политику, которую они применили в 19890-е гг., а также и на другие сырьевые товары, включая сельскохозяйственные. Так, в 2015 г. мировые цены на основные виды сельскохозяйственной продукции существенно снизились по сравнению с 2014 г. А поскольку углеводороды и другое сырье традиционно сохраняют значительную долю в российском экспорте, то падение внешнеторговых показателей было, можно сказать, предопределено — как и национального ВВП (рис. 2).

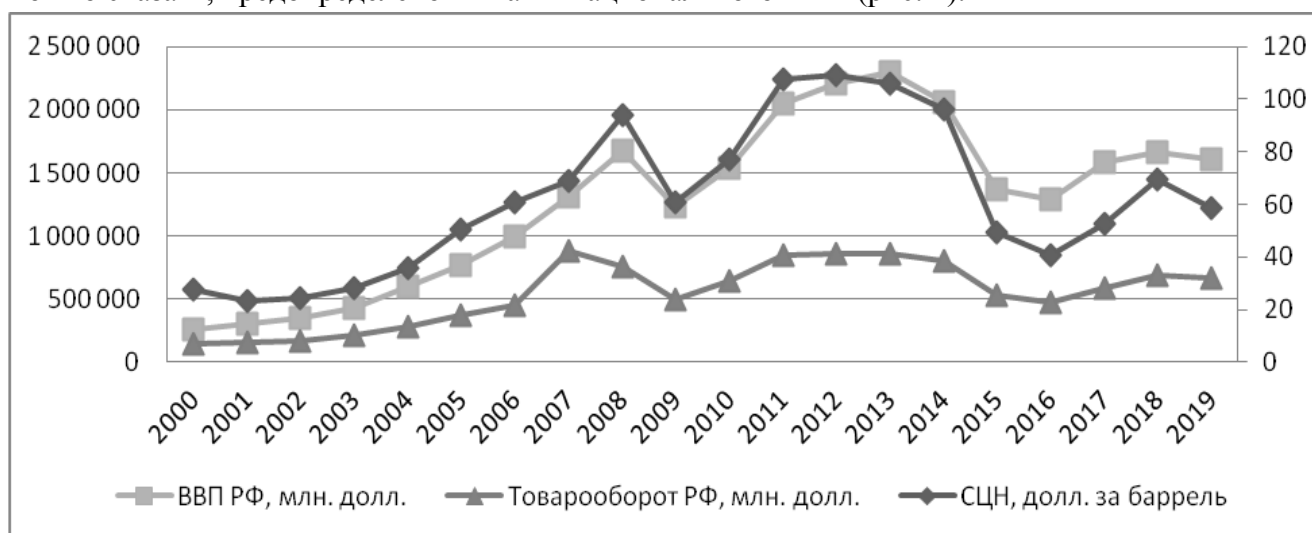

Рис. 2. Динамика ВВП и товарооборота России, млн. долл. в текущих ценах по текущему курсу (левая шкала) и среднегодовых цен на нефть Брент, долл. за баррель (правая шкала) в 2000–2019 гг.

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД и ОПЕК.

А в Российской Федерации традиционно сохраняется высокая корреляция валютного курса (номинального) и мировых нефтяных цен.

Наконец, еще одной важной внешней причиной падения российского товарооборота в 2018–2019 гг. (вслед за его подъемом в 2017 г.) стало усиление протекционистских тенденций в мировой экономике, инициированные США, прежде всего против Китая. Эти тенденции спровоцировали падение как мирового экспорта, так и импорта почти на 3%. Ключевыми компонентами протекционистской деятельности США, по мнению экспертов, стали национальный стратегический план по развитию обрабатывающей промышленности, а также инициатива «Производство в Америке», направленная на обеспечение того, чтобы доля обрабатывающей промышленности составляла не менее 15% ВВП этой страны. США продолжают использовать широкий спектр субсидий для поддержки своих компаний, и закон о «Производстве в Америке» удобно защищает многие американские компании от иностранной конкуренции (Dodwel, 2018).

Вспышка новой коронавирусной инфекции также отразилась на экономике Китая, в частности привела к замедлению экспорта страны в период экономической войны между Пекином и Вашингтоном (Долгов, Савинов, 2020). Таким образом, торговая война оказала негативное влияние не только на российскую внешнюю торговлю, но и на мировые торговые показатели, ослабив в 2019 г. позиции практически всех стран мира.

Основной причиной падения несырьевого экспорта России остается его недостаточная конкурентоспособность в условиях глобальной рецессии и некоторого сокращения спроса в мире, что подтверждается и падением мирового экспорта в 2019 г. на 3% относительно 2018 г.

Экспорт: динамика и товарная структура

В 2018 г. Россия экспортировала 254 наименования товаров. Проанализируем товарную структуру экспорта Российской Федерации. Его укрупненными товарными позициями традиционно остаются топливо, промышленная продукция, руды и металлы, продовольствие, древесина. На долю этих позиций в 2018 г. приходилось 96,3% от общего стоимостного объема экспорта. Однако за исследуемый период произошли некоторые изменения в их доле в экспорте (см. табл. 1).

Таблица 1.

Основные укрупненные товарные группы экспорта России в 2000–2018 гг., тыс. долл.

Товарная группа	2000	Доля в экспорте, %	2018	Доля в экспорте, %
Топливо (SITC 3)	45792245,14	43,6	274795091,9	62,0
Руды и металлы (SITC 27 + 28 + 67 + 68)	27608047,86	26,28	60624433,68	13,7
Промышленная продукция (SITC 5-8 < 667)	8731042,86	8,31	59888450	13,5
Продовольствие (SITC 0 + 22 + 4 < 07)	4373905	3,4	25004457	5,6
Лесоматериалы	2503947,396	2,4	8564007,698	1,9

Источник: составлено и рассчитано автором по данным ЮНКТАД.

Как видно из анализа представленных данных, имел место рост стоимостных объемов всех представленных товарных групп. В то же время удельный вес этих групп имеет разновекторную направленность. Так, выросла стоимость топлива (в 6 раз за исследуемый период) и его доля (в 1,4 раза) в экспорте России. Также возросли показатели по товарной группе «Промышленная продукция» и «Продовольствие» соответственно в 6,86 раза и в 5,7 раза (рис. 3) при росте доли этих групп в российском экспорте. Что касается товарной группы «Лесоматериалы», то ее стоимость выросла в 3,4 раза, а доля сократилась, а товарная группа «Руды и металлы», увеличившись по стоимости в 2,2 раза, сократилась в относительном выражении почти в 2 раза. Динамика экспорта была весьма волатильна при высокой степени корреляции по всем товарным группам, кроме продовольствия (рис. 3). В то

же время следует отметить, что в 2017 г. по ряду товаров имел место рост средних экспортных цен (Средние экспортные цены).

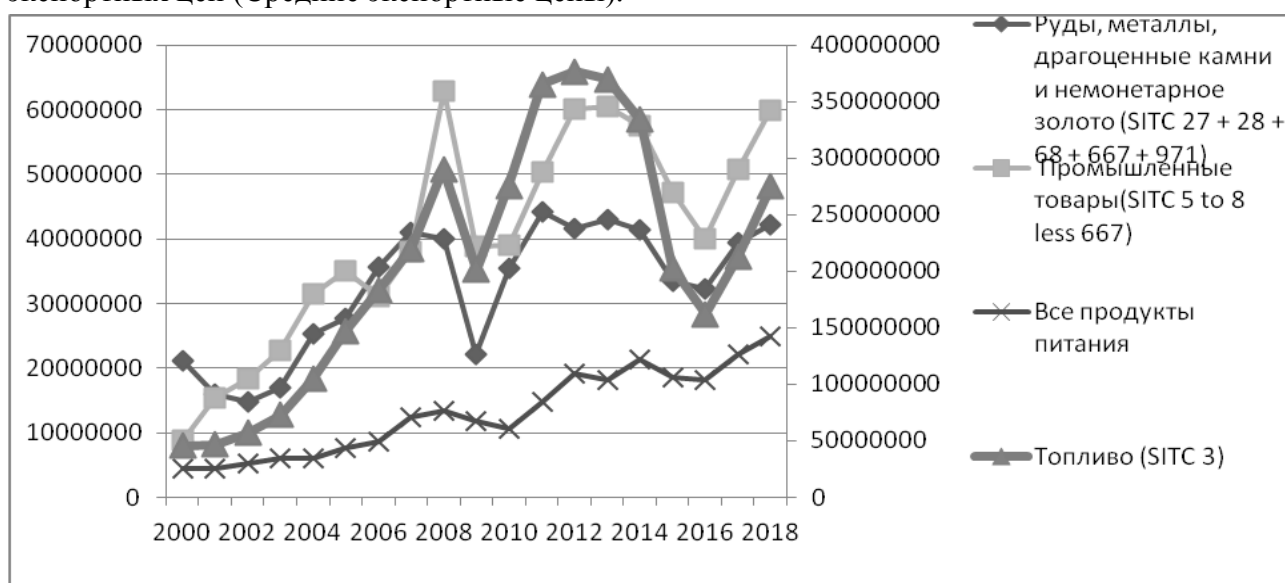

Рис. 3. Динамика экспорта из РФ основных товарных групп (правая шкала) и топлива (левая шкала) в 2000–2018 гг., тыс. долл. в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

Россия значительно и достаточно стабильно увеличивала стоимостной объем экспорта продовольствия, — особенно с 2016 г., — который в 2018 г. достиг своего исторического максимума. По разным товарным позициям данной товарной группы этот рост был дифференцированным. В частности, экспорт товарной позиции «Крупы и зерновые» вырос за исследуемый период в 36 раз, в том числе, «Кукуруза» — в 159 раз, «Пшеница (включая спельту), и меслин немолотые» — в 89,4 раза, причем в 2018 г. был зафиксирован максимальный уровень стоимостного экспорта этой продукции — 7330 млн долл.; «Ячмень немолотый» — в 11,7 раза. Значительный рост отмечен по товарным позициям «Мясо и мясные продукты», «Овощи» (в 8,5 раза) и др.

Это говорит о наличии определенных успехов в сельскохозяйственной сфере Российской Федерации, что важно в контексте тенденции роста продовольственной самообеспеченности Российской Федерации (табл. 2).

Таблица 2.

Уровень самообеспеченности основными продуктами питания в РФ в 2000–2018 гг., %

	2000	2014	2015	2016	2017	2018
Зерно	102,5	153,8	149,1	160,0	170,6	147,2
Мясо	67,0	82,8	88,7	90,6	93,5	95,7
Молоко	88,3	78,1	79,9	80,7	82,3	83,9
Яйца	97,5	97,6	98,2	98,6	98,9	98,8
Картофель	99,6	98,0	102,1	93,2	91,1	95,3
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	85,6	84,1	86,8	87,4	87,6	87,2
Фрукты и ягоды	55,7	32,5	32,5	36,5	33,1	38,8

Источник: Сельское хозяйство в России. 2019: Стат.сб. / Росстат. М., 2019. 91 с.
https://www.gks.ru/storage/mediabank/sh_2019.pdf

По оценкам Министерства сельского хозяйства РФ, в 2020 г. увеличены площади основных сельскохозяйственных культур, используемых для производства круп, в том числе кукурузы на зерно — до 2,7 млн га (в 2019 г. — 2,6 млн га), риса — до 197,4 тыс. га (в 2019 г. — 194 тыс. га), гречихи — до 858,2 тыс. га (в 2019 г. — 806,6 тыс. га), овса — до 2,62 млн га (в 2019 году — 2,61 млн га). По оценкам, посевная площадь в России в 2020 г. вырастет до 80,3 млн га (в 2000 г. — 73 млн га) (В 2020 году...).

Согласно данным Минсельхоза России, в 2020 г. площадь посадки картофеля выросла на 51,2 тыс. га — до 1329,1 тыс. га, что позволит сохранить положительную динамику его производства. Посевная площадь под клубнеплодом составит 308,5 тыс. га. Площадь сева овощных культур также, по оценкам, на 1,9% превысит показатель 2019 г. и составит 527,2 тыс. га. С начала 2020 г. заметный прирост наблюдается в производстве тепличных овощей — по состоянию на 5 мая в зимних теплицах собрано уже 401,2 тыс. тонн овощей, что на 20,6% выше уровня 2019 г. Из них урожай тепличных огурцов составляет 280,5 тыс. тонн (+19,3%), томатов — 113,3 тыс. тонн (+25,3%) (Минсельхоз прогнозирует...).

Правительством РФ приняты дополнительные меры господдержки производителей экспортно ориентированной продукции агропромышленного комплекса (Правительством РФ...). Кроме того, в феврале 2019 г. «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» была продлена до 2025 г. (Постановление Правительства РФ).

Если проанализировать более детально товарную структуру российского экспорта промышленной продукции (рис. 4), то можно сделать следующие выводы.

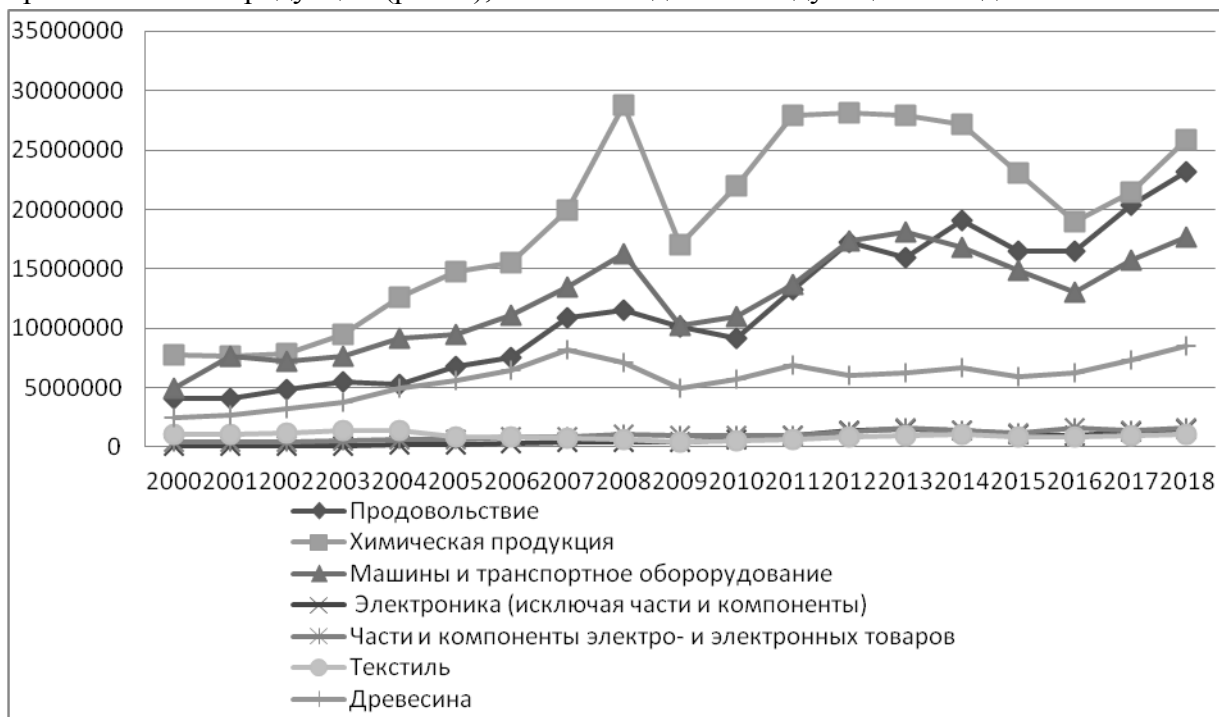

Рис. 4. Динамика экспорта основных товарных групп в 2000–2018 гг., тыс. долл.

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

Максимальный уровень стоимостного объема экспорта отечественной промышленной продукции был достигнут в 2008 г. (62861,0 млн долл.), и этот уровень России так и не

удалось преодолеть ни в 2012–2013 гг., ни в настоящее время — при росте соответствующего показателя в стоимостном выражении как в целом за период, так и в 2017–2018 гг., в частности. Это обстоятельство подтверждает сделанный нами выше вывод о в целом недостаточной конкурентоспособности отечественной товарной позиции «Промышленная продукция» на мировых рынках.

Неоклассические теории торговли исходят из предпосылки совершенной конкуренции на рынке, а это условие в современной глобальной торговле практически полностью отсутствует из-за распространения норм международного регулирования на большинстве мировых товарных рынков, деятельности ВТО, интеграционных объединений и т. д.

Тем не менее, рост экспорта по этой позиции в 6,86 раза за исследуемый период говорит о наличии у России определенного потенциала в этой сфере, пока что мало используемого. Этот вывод подтверждает и тот факт, что экспорт товарной позиции «Части и компоненты электронный и электрических товаров» увеличился в 19,6 раза за 2000–2018 гг. (при историческом максимуме этого показателя в 2013 г.).

Это говорит о том, что Россия все более активно включается в глобальные цепочки создания стоимости, что в целом можно оценивать положительно. Кроме того, есть и другие примеры. Так, в 4 раза вырос экспорт «Лекарственных и фармацевтических средств» и «Медикаментов», в 2,7 раза — «Паровые турбины» (достигнув исторического максимума за период) и т. д.

Таким образом, можно говорить о том, что экспорт России за исследуемый период находился на пике своего развития в 2012–2013 гг., что, в свою очередь, подтверждает и общий высокий уровень экономического развития страны. Страна стремится наращивать несырьевой экспорт, и по ряду позиций, в том числе высокотехнологичных, есть определенные успехи, которые нельзя считать незначительными. Однако вывозим мы главным образом природные ресурсы и сырье, что и предопределяет высокую волатильность как экспортных цен и экспорта в целом, так и социально-экономических показателей.

Импорт: динамика и структура

Импорт Российской Федерации в 2018 г. по стоимости составил 35,9% от общего товарооборота, и это самый низкий показатель с 2007 г. Интересно отметить, что максимальная доля импорта в товарообороте России зафиксирована в 2015 и 2016 гг. (чуть более 40%), что связано с резким падением стоимости экспорта.

В 2018 г. Россия импортировала 256 наименований товаров. Подавляющий объем импорта России составляет «Промышленная продукция». Также Россия импортирует сырье и продовольствие, доли которых в общем объеме импорта имеют тенденцию к снижению (см. табл. 3 и рис. 5).

Как видно из анализа представленных данных, крупнейшей товарной группой в импорте России — как по стоимости, так и по доле в общем импорте — остается «Промышленная продукция». Она выросла по стоимости в 6,4 раза, и на 10% в относительном выражении, в том числе по сравнению с 2018 г. на 5%. На сегодня $\frac{3}{4}$ импорта России относится к этой категории. Следовательно, вопреки приоритетности для РФ поддержать импортозамещение в высокотехнологичной сфере с 2014 г., доля высокотехнологичного импорта не только не снижается, но растет.

Таблица 3.

Укрупненные товарные группы импорта России в 2000–2018 гг., тыс. долл.

Товарная группа	2000	Доля в экспорте, %	2018	Доля в экспорте, %
Первичные сырьевые товары, драгоценные камни и немонетарное золото (SITC 0 + 1 + 2 + 3 + 4 + 68 + 667 + 971)	11300533	25,2	36700656,29	14,8
Промышленная продукция (SITC 5-8 < 667)	29167070	65,0	187364897,6	75,3
Продовольствие (SITC 0 + 22 + 4 < 07)	5926854	13,2	20919519,56	8,4

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

Еще более наглядно эта тенденция видна на рис. 5.

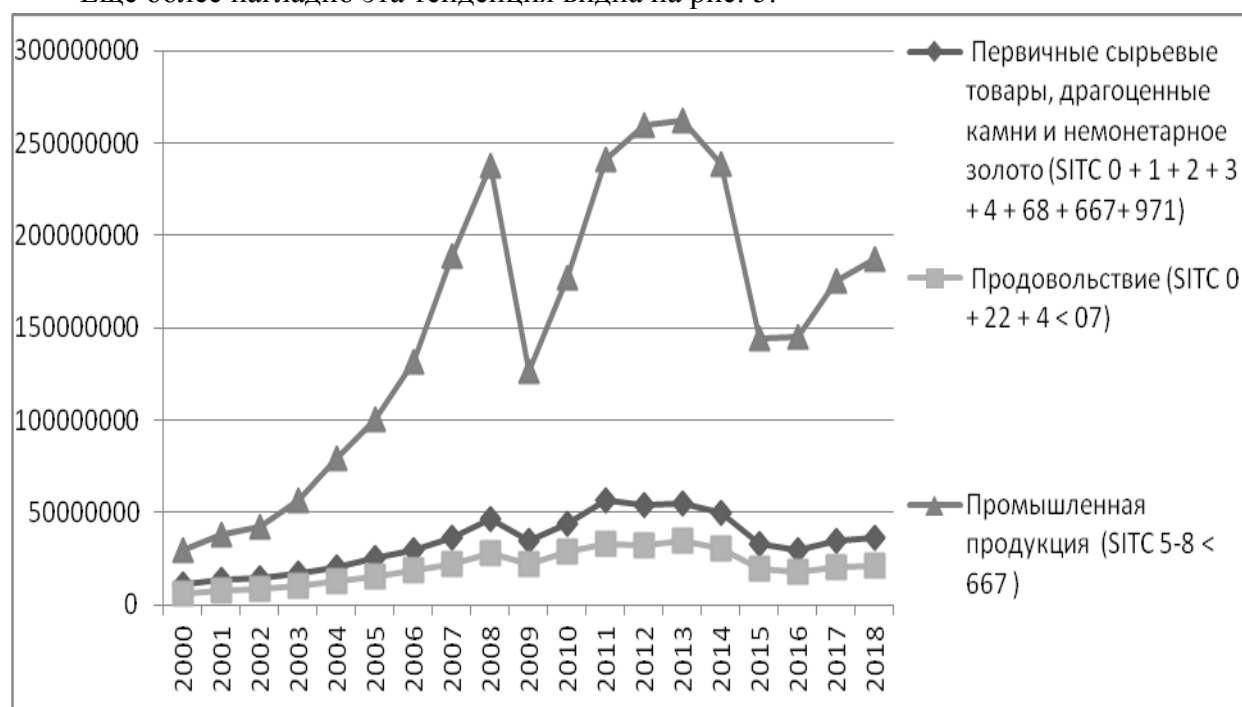

Рис. 5. Укрупненные товарные группы импорта России в 2000–2018 гг., тыс. долл.

Источник: составлено и рассчитано автором по данным ЮНКТАД.

Стоимость импорта по товарной позиции «Продовольствие» выросла в 3,5 раза, сократившись при этом в относительном выражении (см. табл. 3). Максимального уровня стоимость импортного продовольствия достигла в 2013 г. (34330,8 млн долл.), сократившись с 2013 г. по ряду важных позиций, например, по молоку и молочным продуктам, мясу и рыбе (рис. 6), овощам и фруктам (рис. 7), и др.

Для справки: в 1999 г. Россия импортировала пшеницы на 0,5 млн долл. по ценам соответствующего года, а в 2018 г. — на 49 тыс. долл., по текущим ценам, т. е. импорт данного товара уменьшился в 10 раз, и из импортера Россия превратилась в его экспортера. С другой стороны, импорт риса по стоимости на протяжении всего периода сохраняется на одном уровне, с незначительными колебаниями в ту или иную сторону.

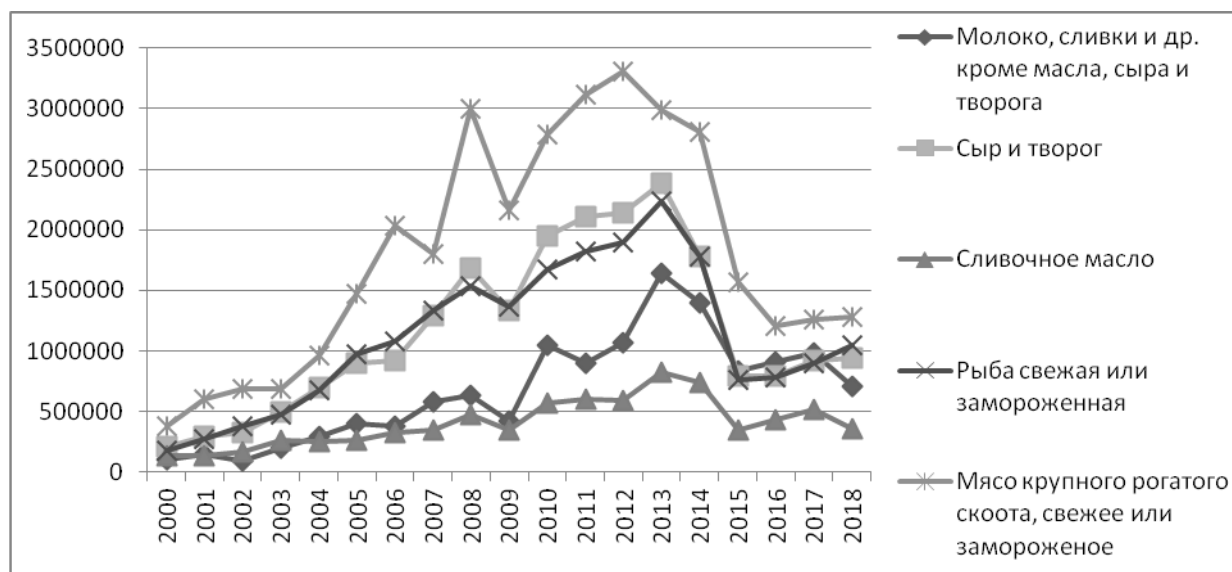

Рис. 6. Импорт молочных продуктов, рыбы и мяса в 2000–2018 гг., тыс. долл.

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

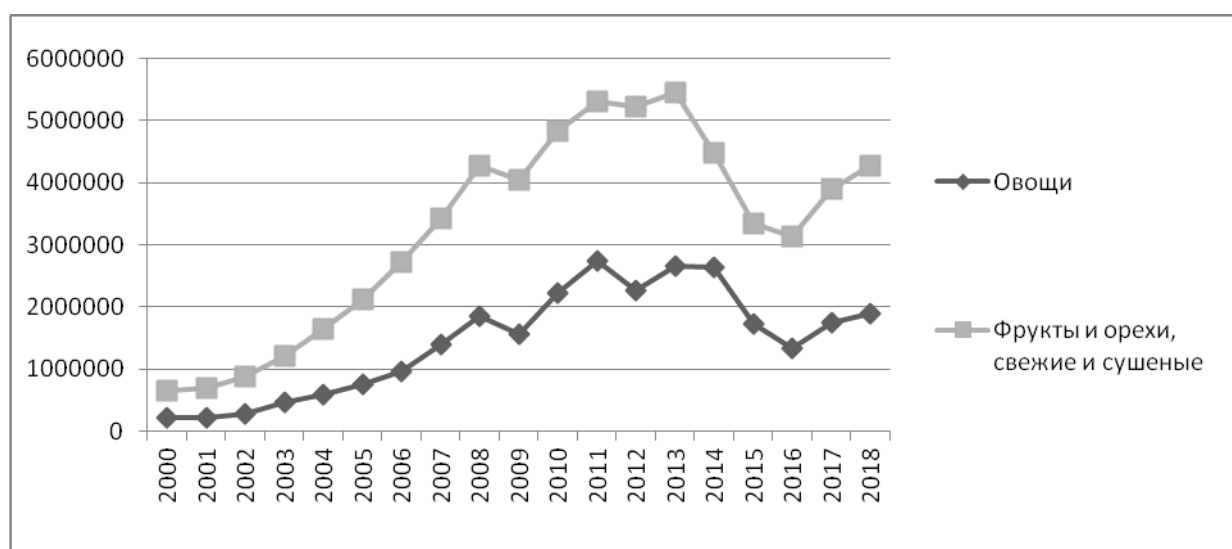

Рис. 7. Импорт овощей и фруктов в 2000–2018 гг., тыс. долл.

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

Необходимо отметить, что по некоторым позициям сельскохозяйственного сырья и продовольствия в 2017–2018 г. произошел рост средних контрактных цен, что также отразилось на стоимостных объемах импорта и экспорта РФ. Наибольший рост контрактных цен отмечен на мясо свежее и мороженое (на 13,7%), мясо птицы (на 12,1%), масло сливочное (на 40,6%), кофе (на 11,9%), изделия и консервы из мяса (на 32,0%), сахар-сырец (в 1,5 раза), продукты, содержащие какао (на 1,8%) (О внешнеэкономической деятельности в АПК; Средние экспортные цены...).

Если говорить о сырьевых товарах, импортируемых Россией, то их стоимость выросла в 3,2 раза, а доля в совокупном импорте сократилась. Сюда входят и «Топливо» (порядка 1% в 2018 г.), и «Руды и металлы» (около 2%), «Жемчуг, драгоценные камни и немонетарное золото» (0,1% в 2018 г. при росте показателя по стоимости в 4,6 раза за исследуемый

период), а также сельскохозяйственное сырье (0,9% в 2018 г. и 1,9% в 2000 г. при росте стоимостного показателя в 2,7 раза). Например, Россия вывозит бокситы и глинозем из Гвинеи (цены более выгодные, чем у других зарубежных поставщиков) (Родионова, Силла, 2020). Что касается импорта сельскохозяйственного сырья, то максимальный уровень его стоимостного объема имел место в России в 2012 г. и достаточно резко сокращался до 2016 г. включительно. В 2017–2018 гг. отмечался умеренный рост импорта сельскохозяйственного сырья (в стоимостном выражении).

В то же время волатильность динамики «Продовольствия» и «Сырья» существенно ниже, чем «Промышленной продукции» (см. рис. 5).

В группе «Промышленная продукция» в Россию ввозятся главным образом «Машины и оборудование» (37% в 2018 г., максимальный уровень по стоимости в 2012 г. — 142504,8 млн долл.). Еще 28% составили «Прочие машины и оборудование» — это оптическое (от микроскопов до телескопов), гидро-, пневмо-, теле-, радиооборудование и инструменты, спецавтомобили (пожарные, например), ядерные реакторы и т. д., суда и плавсредства и многое другое (см. Изменение 1/2015 ОКОФ).

Стоимость импорта «Промышленной продукции» тесно коррелирует с валютным курсом рубля, который, в свою очередь, «привязан» к цене на нефть — в силу высокой доли этого вида сырья в общем объеме импорта РФ.

Снижение в 2013–2015 гг. стоимостного объема отечественного импорта по товарной группе «Машины и оборудование» было вызвано как уменьшением внутреннего потребления инвестиционных товаров и товаров народного потребления долгосрочного использования, так и западными санкциями. Санкции запрещали экспорт в Россию различного вида машин и оборудования, в том числе нефтегазового. Импортозамещение также предопределило некоторое снижение импорта по ряду позиций.

Так, по итогам реализации плана по импортозамещению в нефтеперерабатывающей и нефтехимической отраслях промышленности Российской Федерации (головной исполнитель — Минэнерго России) доля отечественных катализаторов нефтепереработки по итогам 2019 г. оценивается на уровне 66,0% (в 2014 г. — 31,8%), катализаторов нефтехимии — 72,7% (в 2014 г. — 34,2%), крупнотоннажных полимеров — 93,5% (в 2014 г. — 83,2%) в общем объеме их потребления (Импортозамещение в ТЭК).

В то же время доля высокотехнологичных товаров в общем объеме импорта России в 2018 г. составила 67,3%, а в 2019 г. — 66,9% (Доля высокотехнологичных товаров...).

По мнению исследователей, «Основное препятствие для импортозамещения в машиностроении — существенные затраты на импортную промежуточную продукцию. Использование импортных комплектующих, растущие требования к качеству выпускаемой продукции, с одной стороны, и нехватка соответствующего отечественного оборудования, с другой стороны, определяют необходимость его импорта при реализации инвестиционных программ российских предприятий» (Веселый, Кривокоченко, 2020).

Основные внешнеторговые партнеры

Российская Федерация в 2018 г. имела 196 внешнеторговых партнеров — стран и территорий, — как по импорту, так и по экспорту.

Крупнейшие внешнеторговые партнеры РФ в 2018 г. представлены в табл. 4. Это, главным образом, развитые страны, а также Белоруссия, Казахстан, Республика Корея, и

основной внешнеторговый партнер — Китай, который занимает 1-е место с 2013 г. как импортер из РФ, а с 2015 г. — как экспортер в РФ, причем он намного опережает следующие за ним страны по стоимостным показателям и по удельному весу.

Таблица 4.

Крупнейшие внешнеторговые партнеры РФ в 2018 г.

Экспорт РФ				Импорт РФ			
№ п/п	Страна	Млн долл.	Доля в экспорте (%)	№ п/п	Страна	Млн долл.	Доля в импорте (%)
1	Китай	62947,9	14,2	1	Китай	47661,5	19,2
2	Нидерланды	35593,8	8,0	2	Германия	31356,5	12,6
3	Германия	30326,7	6,8	3	Беларусь	12879,2	5,2
4	Беларусь	22426,3	5,1	4	Италия	8949,2	3,6
5	Турция	21989,6	4,96	5	Польша	8008,9	3,2
6	США	21596	4,9	6	Р. Корея	7320,9	2,9
7	Польша	19641,8	4,4	7	Япония	7297,4	2,9
8	Р. Корея	17503,9	3,95	8	США	6659	2,7
9	Италия	16295,4	3,7	9	Франция	6280,7	2,5
10	Япония	15586,7	3,5	10	Нидерланды	6114,3	2,5
11	Казахстан	12309,6	2,8	11	Казахстан	5279,9	2,1
12	Франция	11810,4	2,7	12	Литва	4665,6	1,9
13	Бельгия	11705,8	2,6	13	Бельгия	4335,9	1,7
14	Финляндия	10892,1	2,6	14	Чехия	4118,1	1,6
15	Великобритания	9437,7	2,1	15	Финляндия	3852,1	1,5
	Всего 15 стран	320063,7	67,9		Всего 15 стран	164779,2	60,05

Источник: составлено и рассчитано автором по данным ЮНКТАД.

Как видно из анализа представленных данных (табл. 4), со всеми крупнейшими внешнеторговыми партнерами — за исключением Китая — Россия имела в 2018 г. положительное сальдо внешнеторгового баланса. Эта ситуация для России традиционная, сохраняющаяся на протяжении уже многих лет.

Статистика подтверждает, что на долю стран — основных внешнеторговых партнеров РФ приходится почти 68% российского экспорта и порядка 60% российского импорта. Соответственно, география внешней торговли у России не диверсифицирована, и это, на наш взгляд, остается одной из важнейших проблем внешней торговли: Россия слишком ориентирована на страны Запада, в которых на протяжении XXI в. по нарастающей происходят кризисные явления, где они зарождаются, распространяясь затем на всю мировую систему с разрушительным эффектом. Именно эти страны формируют структуру экспорта РС другой стороны, в странах Азии на протяжении ряда лет происходит активный экономический рост, соответственно, растут спрос и потребности этих стран, в том числе — в тех промышленных товарах, лекарственных средствах, продовольствии, которые Россия могла бы экспортировать.

Что касается динамики торговли России с ведущими внешнеторговыми партнерами, то ее особенностью остается тот факт, что ни с одним из внешнеторговых партнеров двусторонний товарооборот не достиг еще уровня 2014 г. (табл. 5).

Таблица 5.

Динамика экспорта и импорта Российской Федерации с основными группами стран в 2012–2018 гг., млрд долл.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Экспорт России							
Развивающиеся страны	133224,6	129773,1	139769,4	107769,9	93394,2	120489,2	159797,8
РС Азии	114265,5	111867,9	120860,7	90999,9	79657,1	103756,0	138507,5
Развитые страны	341757,6	339473,5	321318,3	193350,2	170787,8	200139,3	242230,8
Развитые страны: Америка	31223,0	28691,6	25131,9	17974,8	15995,4	18639,0	22737,6
Развитые страны: Европа	287256,4	283974,0	268024,1	157820,1	141986,6	165694,4	201315,4
Импорт России							
Развивающиеся страны	83489,0	91056,3	93644,6	60871,0	62322,6	74865,4	82089,9
РС Азии	74504,2	81768,9	83281,7	53432,3	55345,9	66929,6	74398,2
Развитые страны	189838,9	189739,7	164058,2	97719,5	93797,7	113811,7	118294,4
Развитые страны: Америка	12348,7	12504,5	11874,6	7556,9	6287,5	7523,6	7103,4
Развитые страны: Европа	162827,0	164559,6	141349,7	83881,9	81305,9	99236,0	102633,7

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

Однако товарооборот с прочими странами мира характеризуется и ростом.

Например, товары из такх стран, как Индия, Республика Корея, Сингапур, Филиппины, Лаос, Камбоджа, Бангладеш, Непал, Азербайджан, Армения, Грузия, Аргентина, Эквадор, Ямайка, Коста-Рика, Доминиканская Республика, Иран, Пакистан, Катар, Кувейт, Бахрейн, Алжир, Египет и др. существенно увеличили свое присутствие на российском рынке в 2014–2018 гг., замещая собой во многом европейские аналоги.

Присутствие России оказалось выше уровня 2014 г. на рынках Индии, Ирана, Бангладеш, Вьетнама, Камбоджи, Филиппин, Лаоса, Непала, ОАЭ, Саудовской Аравии. Например, товарооборот России и Бангладеш увеличился в 2018 гг. по сравнению с 2013 г. в 2,3 раза. Бангладеш импортирует из России главным образом продовольствие (Бангладеш является крупным покупателем российской пшеницы), а также машины, оборудование и продукцию химической промышленности. Россия импортирует из Бангладеш

преимущественно продукцию текстильной и швейной продукции, а также морепродукты и изделия из кожи. По экспорту в Россию товарной позиции «Текстильные волокна, пряжа, ткани и одежда» (SITC 26+65+84) в 2018 г. Бангладеш заняла 3-е место в мире среди внешнеторговых партнеров России.

В то же время российские товары не столь активно проникают на рынки развивающихся стран в целом. Можно говорить о том, что сохраняется статус-кво.

Если говорить о товарной структуре российского экспорта по регионам мира, то ситуация складывается следующим образом (табл. 5).

Китай остается крупнейшим потребителем российского топлива в мире в 2017–2018 гг. Он превзошел Нидерланды, а 3-е место занимает Германия. Крупнейшие потребители российского продовольствия — Китай, Турция и Египет, в то время как уменьшившийся экспорт Казахстана и Беларуси переместил эти страны на более низкие позиции в рейтинге. Ну, а крупнейшие потребители российской промышленной продукции в 2016–2018 гг. — Беларусь, Казахстан и США соответственно, причем США находятся на 2-м месте как потребитель российской химической продукции (в эту страну направляется около 1/3 всего объема импорта промышленной продукции РФ), после Китая. Машины и транспортное оборудование традиционно импортируют из России больше всех Беларусь и Казахстан (примерно поровну), а следующие 3 места в 2018 г. занимали соответственно Украина, Индия и Китай. Интересно, что в первую десятку потребителей, кроме названных стран, в 2011–2018 гг. входят США и Германия (несмотря на санкции). Причем объемы импорта США устойчиво растут, в то время как у Германии импорт этой товарной группы «просел» в 2015–2016 гг. с последующим ростом в 2017–2018 гг.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, исследуя особенности внешней торговли России в XXI в. можно говорить о том, что в этой сфере появилась тенденция к активизации внешнеторгового взаимодействия РФ со странами Азии, причем преимущественно с быстрорастущими экономиками. Это такие гиганты, как Китай, Индия, но также и другие страны — Азии, Латинской Америки и, в меньшей степени, Африки.

Во-вторых, внешняя торговля России, как и любой другой страны мира — это весьма инерционная система, которая формируется в течение длительного периода, и в определенной мере не только выступает объектом внешнеторговой политики страны, но и сама во многом закладывает основы этой политики. Это касается в наибольшей мере «традиционных» направлений — географических и товарных. Изменить товарную структуру определенной географической направленности весьма затруднительно (хотя в принципе и возможно, при более значительных и постоянных усилиях). Однако новые географические направления, не ставшие еще «традиционными», оказываются более податливыми. Закладывать основы товарной структуры и воздействовать на нее в нужном ракурсе на «новых» географических направлениях можно с меньшими затратами, однако и здесь требуются постоянное внимание и усилия. Это значит, что изменение товарной структуры российской торговли со странами ЕС, или США — чрезвычайно серьезная задача именно в силу традиционности, инерционности этой торговли, в случае с Западной Европой — вообще инерционности многовековой. В случае же с относительно более новыми партнерами Россия

может оказывать более заметное влияние на товарную структуру, что, однако, не осуществляется автоматически. В этой связи «поворот на Восток» в российской внешнеэкономической политике может оказаться крайне важным направлением в деле трансформации товарной структуры внешней торговли России. Например, со странами Азии, например, Бангладеш, Россия выступает не только как экспортер сырья, но и промышленной продукции, что в большей степени соответствует национальным интересам РФ.

В-третьих, для активизации внешнеторговой сферы, особенно ее трансформации, Российской Федерации, на наш взгляд, можно использовать определенные институциональные рамки. Но речь идет не об интеграционных процессах в каком-то конкретном объединении — формальном (ЕАЭС) или «неформальном» (БРИКС). На данном этапе развития мировой экономики региональная экономическая интеграция, и даже в рамках неформальных объединений, в значительной мере не вызывает того интереса, который эта идея и практика имели в 1970–1980-е гг. Это подтверждает, например, и растущее количество «недействующих» интеграционных объединений (что подтверждают данные ВТО), и Брэкзит, и тот факт, что многие страны одновременно вступают в несколько интеграционных объединений. Также речь идет и не о создании «новой» ВТО.

Требуется принципиально новая идея, пример которой показывает Китай в рамках инициативы «Один пояс, один путь». В этой инициативе торговля играет важнейшую роль, объединяя страны с различным уровнем развития, потенциалом и конкретными задачами. Но имеются и инвестиционные, и проектные, и отраслевые аспекты международного взаимодействия различных стран, которые уже вовлекают их в участие в данной инициативе, и каждая страна «выбирает» собственный формат — количественный и качественный — участия в этой инициативе. Интересно здесь именно разнообразие (количественное и качественное) тех возможностей, которые, как предполагается, могут быть реализованы различными странами в рамках этой инициативы, и, с другой стороны, видимое отсутствие наднациональных органов и систем, т. е. определенная «свобода», в данном сотрудничестве. Таким образом, «Один пояс, один путь» — интереснейшая разработка КНР, и этот опыт следует взять на вооружение РФ для создания собственной новой и актуальной формы организации международного торгового и в целом экономического сотрудничества — на уровне ли ближайших стран-соседей или других стран.

Литература

1. Бирюков Е. С. (2017) Некоторые аспекты торговли России с Саудовской Аравией // Экономика и предпринимательство. № 9–3 (86). С. 33–36. [Biryukov E. S. (2017) Some aspects of Russia's trade with Saudi Arabia // Economics and entrepreneurship. No. 9–3 (86). Pp. 33–36. (In Russian).]
2. В 2020 году в России увеличится сев сельхозкультур для производства круп. URL: <http://mcx.ru/press-service/news/v-2020-godu-v-rossii-uvelichitsya-sev-selkhozkultur-dlya-proizvodstva-kруп/> [In 2020, Russia will increase the sowing of crops for the production of cereals. (In Russian).]
3. Веселый К. А., Кривокоченко Л. В. (2020) Развитие импорта высокотехнологичного оборудования из Германии в Россию в условиях санкций / В сб.: Новые реалии глобальной экономики: санкции и торговые войны. М.: ВАВТ. С. 50–61. [Veseliy K. A., Krivoruchenko L. V. (2020) The Development of imports of high-tech equipment

from Germany to Russia in terms of sanctions / In: New realities of the global economy: sanctions and trade wars. Moscow: VAVT. P. 50–61. (In Russian).]

4. Гладков И. С. (2018) Внешняя торговля России в 2017 г.: разворот на взлет // Власть. Т. 26. № 3. С. 38–46. [Gladkov I. S. (2018) Russia's foreign trade in 2017: a u-turn on the rise // Power, Vol. 26, No. 3. Pp. 38–46. (In Russian).]

5. Долгов С. И., Савинов Ю. А. (2020) Влияние вспышки нового коронавируса на международную торговлю // Российский внешнеэкономический вестник. № 2. С. 7–18. [Dolgov S. I., Savinov Yu. A. (2020) Impact of the new coronavirus outbreak on international trade // Russian foreign economic Bulletin, No. 2, Pp. 7–18. (In Russian).]

6. Доля высокотехнологичных товаров в общем объеме импорта. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/folder/11193> [Share of high-tech products in total imports. Federal state statistics service. (In Russian).]

7. Изменение 1/2015 ОКОФ Общероссийский классификатор основных фондов ОК 013-2014 (СНС 2008) (принято и введено в действие Приказом Росстандарта 20 25.12.2015 г. № 2202-ст). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197787/1d5ae6405ae41483d6963cdee4dfd176d312d7d3/ [Change 1/2015 OKOF all-Russian classifier of fixed assets OK 013-2014 (SNA 2008) (adopted and put into effect By order of Rosstandart 20 25.12.2015 № 2202-St). (In Russian).]

8. Импортозамещение в ТЭК. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/7693> [Import Substitution in the fuel and energy sector. (In Russian).]

9. Минсельхоз прогнозирует увеличение площади посадки овощей. URL: <http://mcx.ru/press-service/news/minselkhoz-prognoziruuet-velichenie-ploshchadi-posadki-ovoshchey/> [The Ministry of agriculture predicts an increase in the area of planting vegetables. (In Russian).]

10. Меланьина М. В. (2018 А) Влияние санкционных ограничений на динамику внешней торговли России // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 11 (117). С. 4. [Melanyina M. V. (2018 A) Influence of sanctions restrictions on the dynamics of foreign trade in Russia // Management of economic systems: electronic scientific journal. No. 11 (117). P. 4. (In Russian).]

11. Меланьина М. В. (2018 В) Современные тенденции изменения страновой структуры внешней торговли России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8. № 12А. С. 453–459. [Malanina M. V. (2018 B) Current trends in the country structure of Russia's foreign trade // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2018. Vol. 8. no. 12A. Pp. 453–459. (In Russian).]

12. Нуреев Р. М., Бусыгин Е. Г. (2016) Экономические санкции Запада и российские антисанкции: успех или провал? // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). Том 8. № 4. С. 6–27. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.4.006-027 [Nureev R. M., Busygin E. G. (2016) Western economic sanctions and Russian anti-sanctions: success or failure? // Journal of institutional studies (Journal of institutional research). Volume 8. No. 4. Pp. 6–27. (In Russian).]

13. Оболенский В. П. (2016) Внешняя торговля России: барометр предсказывает бурю // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 2. С. 15–25. [Obolensky V. P. (2016) Foreign trade of Russia: barometer predicts a storm // World economy and international relations. Vol. 60, No. 2, Pp. 15–25. (In Russian).]

14. О внешнеэкономической деятельности в АПК. URL: <http://mcx.ru/ministry/departments/departament-ekonomiki-investitsiy-i-regulirovaniya->

rynkov/industry-information/info-informatsiya-o-vneshneekonomicheskoy-situatsii-v-apk/ [On foreign economic activity in the agro-industrial complex. (In Russian).]

15. Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. N 717 "О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия". URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> [Decree of the Government of the Russian Federation of July 14, 2012 N 717 "on the State program for the development of agriculture and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food". (In Russian).]

16. Правительством РФ приняты дополнительные меры господдержки производителей экспортно ориентированной продукции АПК. URL: <http://mcx.ru/press-service/news/pravitelstvom-rf-prinyaty-dopolnitelnye-mery-gospodderzhki-proizvoditeley-eksportno-orientirovannoy-/> [The Government of the Russian Federation has taken additional measures to support producers of export-oriented agricultural products. (In Russian).]

17. Родионова И. А., Силла А. Б. (2020) Бокситодобывающая промышленность мира: Азиатские приоритеты развития // Россия и Азия. № 1 (10). С. 35–50. [Rodionova I. A., Silla A. B. (2020) Bauxite Mining industry of the world: Asian development priorities // Russia and Asia. № 1 (10). С. 35–50. (In Russian).]

18. Русакович В. И. (2014) Внешняя торговля России после вступления в ВТО: возможности и ограничения // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). № 6. С. 409–416. [Rusakovich V. I. (2014) Foreign trade of Russia after joining the WTO: opportunities and limitations // Mining information and analytical Bulletin (scientific and technical journal). No. 6. Pp. 409–416. (In Russian).]

19. Средние экспортные цены на основные товары (долларов США за тонну). Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/folder/11193> [Average export prices for basic goods (us dollars per ton). Federal state statistics service. (In Russian).]

20. Хронология введения санкций против российских граждан и компаний: РИА новости (05.03.2015). URL: <https://ria.ru/20150216/1046144422.html> [Chronology of the introduction of sanctions against Russian citizens and companies: RIA Novosti (05.03.2015). (In Russian).]

21. Хэ М. В. (2010) Условия и процедуры присоединения государства в ВТО // Международное публичное и частное право. № 4. С. 8–13. [He M. V. (2010) Conditions and procedures for state accession to the WTO // International public and private law. No. 4. Pp. 8–13. (In Russian).]

22. Шилин Л. В. (2017) Влияние внешней торговли России на развитие национальной экономики / В сборнике: Проблемы и перспективы экономических отношений в постиндустриальном обществе сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 частях. С. 210–213. [Shilin L. V. (2017) Influence of Russia's foreign trade on the development of the national economy / In the collection: Problems and prospects of economic relations in post-industrial society collection of articles of the International scientific and practical conference: in 2 parts. Pp. 210–213. (In Russian).]

23. Шкваря Л. В. (2017 А) Российско-европейские санкции и их влияние на региональные и глобальные экономические процессы // Экономика и предпринимательство. № 7 (84). С. 349–353. [Shkvarya L. V. (2017 A) Russian-European

sanctions and their impact on regional and global economic processes // Economics and entrepreneurship. No. 7 (84). Pp. 349–353. (In Russian).]

24. Шкваря Л. В. (2017 В) Особенности взаимной торговли России и ЕС в условиях санкций // Научное обозрение: теория и практика. № 6. С. 26–34. [Shkvarya L. V. (2017 В) Features of mutual trade between Russia and the EU under sanctions // Scientific review: theory and practice. 2017. No. 6. Pp. 26–34. (In Russian).]

25. Avdokushin E. F., Kudryashova I. A. (2016) Some trends in Russian food product export in the meaning of the international trade development // Foods and Raw Materials. Vol. 4. No. 2. Pp. 148–156. DOI: 10.21179/2308-4057-2016-2-148-156.

26. Dodwell D. (2018) The Real Target of Trump's Trade War is 'Made in China 2025' // South China Morning Post, June 25. URL: <https://www.scmp.com/business/global-economy/article/2151177/real-target-trumps-trade-war-made-china-2025>

27. Korhonen I., Simola H., Solanko L. (2018) Sanctions, counter-sanctions and Russia — Effects on economy, trade and finance BOFIT Policy Brief. No. 4 URL: <https://helda.helsinki.fi/bof/bitstream/handle/123456789/15510/bpb0418.pdf?sequence=1>.

28. UNCTADSTAT. URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/>

29. OPEC. URL: https://www.opec.org/opec_web/en/

Russian foreign trade in the XXI century: features, problems and prospects

Ludmila Vasilyevna Shkvarya

Doctor of Economics, professor,

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

Moscow, Russia

The article presents an in-depth analysis of the author's foreign trade of the Russian Federation in the XXI century. The article shows the cost, structural (commodity and geographical) aspects of foreign trade of the Russian Federation. The analysis is based on statistics from the international statistical database of UNCTAD. The graphic and tabular format of the presentation makes it more visual. The author comes to the conclusion that foreign trade in the Russian Federation is developing steadily, but ambiguously. There was an increase (although slow, rather as a trend) in trade with Asian countries. In order to activate Russia's foreign trade, the author believes that it is necessary to search for new forms of trade organization, using the experience of China "one belt, one road".

Keywords: Russian Federation, foreign trade, export, import, trade turnover, transformation of foreign trade.

JEL codes: F14, F17.

Дерадикализация исламизма в Арабском мире: опыт сопоставительного анализа, процессы и перспективы

Тимур Радикович Хайруллин¹

На сегодняшний день проблема исламистского радикализма на Ближнем Востоке стоит особенно остро. Продолжающиеся вооруженные конфликты в Сирии и Йемене между исламистскими группировками и правительственными войсками оказывают дестабилизирующий эффект на весь Арабский мир в целом. В этой связи создание дерадикализационных программ и их внедрение, по мнению автора, поможет разрешить несколько основных задач. Во-первых, изменить мировоззренческие установки членов исламистских группировок и движений с радикальных на умеренные. Во-вторых, значительно снизить уровень нестабильности в регионе Ближнего Востока, где львиная доля вооруженных конфликтов ведется под религиозными лозунгами. С этой целью работа разделена на несколько основных этапов. В первую очередь, рассмотрены основные причины подъема радикальных настроений среди исламистских движений, а также проанализированы непосредственно дерадикализационные программы, применяемые рядом государств Ближнего Востока в отношении тех лиц, кто был обвинен в религиозном терроризме и экстремизме. На каждом этапе использовался отдельный исследовательский прием: сравнительный анализ и системный подход. Работа завершена следующим выводом: программа дерадикализации остается эффективным инструментом в борьбе против исламистского радикализма, однако ее внедрение требует серьезных финансовых вложений, на которые многие страны Ближнего Востока пойти не в состоянии из-за тяжелого финансового положения, вызванного затянувшимися вооруженными конфликтами в регионе.

Ключевые слова: дерадикализация, исламизм, радикальный исламизм, нестабильность, Ближний Восток, джихад.

JEL коды: P48, P52.

В современных условиях глобализирующегося мира одним из главных мировых трендов остается рост исламистских движений. Политический ислам (исламизм), и особенно радикальный исламизм, превратились в серьезный и весьма опасный фактор мировой политики. Идеология радикальных исламистских движений базируется на традиционных фундаментальных ценностях ислама, но приспособливает их к практике насилия и террора. В этой связи возникает необходимость разработки мер, направленных на снижение радикализационного фона исламистских кругов.

¹ Хайруллин Тимур Радикович — кандидат политических наук, научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН; научный сотрудник Центра политологических исследований, Финансовый университет при правительстве РФ, Москва, Россия.

Для раскрытия сути исследуемого вопроса автору потребовался метод сравнительного анализа, который позволил рассмотреть дерадикализационные программы в ряде арабских государств и выявить их общие и специфические черты. Системный подход позволил проанализировать дерадикализационные программы, их становление, а также особенности их применения государствами Арабского мира.

В основе процесса радикализации исламистских группировок и движений в этих странах лежат многочисленные факторы социально-политического, экономического и культурного свойств. Исламистский радикализм отчасти коренится в некоторых традициях исламской мысли. Воззрения современных адептов консервативного салафитского исламизма базируются в том числе и на идеях, развивавшихся исламскими учеными и проповедниками еще во времена Средневековья и Нового времени (прежде всего, ибн Таймийи и Абд аль-Ваххаба) (Эммануилов, Яшлавский, 2010; Хайруллин, 2019). В то же время развитию современных радикальных исламистских движений, способствуют процессы, происходящие за пределами мусульманского мира, а также внутренние и внешние факторы трансформации современного исламского мира.

По мнению отечественного востоковеда, академика А.°М.°Васильева, одной из главных причин роста радикальных настроений в исламском мире выступает чувство отчаяния, осознания отсталости исламской цивилизации. Некогда «самая могущественная, самая творческая во всех сферах человеческой жизни, арабо-мусульманская цивилизация вот уже более 200 лет оказалась в зависимости от христианских держав, которые превосходят ее в военном деле, технике, организации, богатстве» (Васильев, 2017).

Чувство отчаяния довольно легко подхватывается более молодым населением арабских государств, склонным к максимализму и горячности. Чтобы окончательно не раствориться в западной культуре, полагают молодые исламисты-радикалы, необходимо вести самую решительную борьбу с Западом. Чаще всего участники исламистских движений (особенно молодежных) считают, что только крайними методами можно «освободиться» от влияния Запада и сохранить исламскую идентичность. Социальная база для этого имеется.

В последнее десятилетие в Арабском мире наблюдается бурный демографический рост, в результате которого возник так называемый «молодежный бугор». В арабских странах до 50% населения составляют молодые люди в возрасте 15–30 лет (Васильев, 2011). Этот фактор (как показали события «арабской весны») оказал серьезный дестабилизирующий эффект на политическую обстановку в арабских странах. Кроме того, стремительный рост урбанизации привел к обнищанию населения большинства традиционно аграрных арабских стран. Сегодня свыше 40% городского населения — безработные, которые не имеют достойных условий жизни в городе, что превращает места массовых поселений мусульман в некий социальный пороховой погреб (Яхьяев, 2010; Саватеев, Хайруллин, 2019).

В связи с тем, что исламистский радикализм на Ближнем Востоке пропорционально связан с процессами нестабильности, а также ввиду того, что все большее количество молодого населения вовлекается в борьбу посредством незаконных методов (по некоторым данным, львиную долю осужденных за религиозный экстремизм составляют молодые люди в возрасте 26–30 лет (Brzuskiewicz, 2017)), возникает необходимость разработки мер, направленных на снижение радикальных настроений в исламистских кругах — дерадикализации политического ислама.

Дерадикализация относится к сфере профилактических мер по борьбе с терроризмом и экстремизмом. *Дерадикализация исламизма* — это процесс изменения системы

убеждений исламиста с радикальных взглядов на умеренные (Религиозные экстремистские ..., 2017; Collins dictionary, 2020).

Одним из первых арабских государств, столкнувшимся с проблемами радикализации исламизма и предпринявшим реальные меры для его замедления, стал Египет. Идея об угрозе исламистского радикализма была переосмыслена египетскими властями, которые в сотрудничестве с университетом Аль-Азхар разработали специальную программу, согласно которой важным пунктом противостояния экстремистской угрозе служит борьба с культурой экстремизма, лежащей в основе радикализма. Одной из главных задач программы является лишение экстремистских группировок возможности и права использовать религиозные установки и идеи ислама для оправдания насилия. В частности, предлагается обучать имамов вести борьбу с пропагандой идей радикального исламизма с акцентом на изучение основ исламской теологии и путей реагирования на подстрекательскую идеологию радикальных группировок. Часть имамов, направляющихся за пределы Египта, должна вести пропаганду миролюбивой природы ислама, борьбы с проявлением радикальных идей. Соответствующие переводы первоисточников исламской мысли на иностранные языки, выполненные университетом Аль-Азхар, также должны убеждать мусульман всего арабского региона в том, что ислам является религией мира, терпимости и умеренности (Эммануилов, Яшлавский, 2010). Известный мусульманский богослов и факих¹ Ю. Аль-Кардави по этому поводу отмечает, что «умеренность и баланс не являются общими характерными чертами, присущими Исламу, а есть фундаментальная основа религии» (Аль-Кардави, 2011).

В период правления Х. Мубарака в исправительных учреждениях Египта применялись жесткие методы «перековки» экстремистов, что побуждало многих лидеров экстремистских организаций, оказавшихся в условиях тюремной изоляции, публично отказываться от радикальной идеологии. Также применялась методика «мягкой силы» через материальную поддержку членов семей экстремистов, их трудоустройства, улучшения условий проживания и т. д. (Сысоев, 2014).

В практике раздельного содержания осужденных в некоторых странах Арабского мира заключенным-радикалам предоставлялись гораздо лучшие условия тюремного содержания, чем обычным осужденным. Так, в Марокко (на фоне общей переполненности мест лишения свободы) исламистские радикалы содержатся в одиночных камерах, оборудованных душевой комнатой и телевизором, мебелью (шкаф для одежды, стол), а также имеют право на получение пищи от родственников и право на свидание с женами (Сысоев, 2014).

Программа борьбы с исламистами-радикалами в условиях лишения свободы малоэффективна без осуществления мер профилактического воздействия на близкий круг лица, преступившего закон, и более широкого воздействия на ту микросреду, которая сформировала его как личность. По этому поводу американский исследователь Хорган также отмечает, что личные отношения играют важную роль в преобразовании участия в насилии в ненасильственную деятельность: «изменения часто зависят от отношений с наставником или другом, который поддерживает и утверждает мирное поведение» (Horgan, 2008).

¹ Факих — мусульманский правовед, эксперт в области фикха. Подробнее о понятии фикх и факих см. например: (Сюкияйнен, 1986).

Отбывание наказания главарями радикальных исламистских организаций практикуется в виде лишения свободы отдельно от других осужденных, как правило, в одиночных камерах исправительных учреждений. Подобная мера имеет большой превентивный эффект, так как уменьшает риск радикализации спецконтингента. Все же методика раздельного размещения имеет некоторые недостатки. Например, существует риск того, что в одиночной камере экстремисты придут к осознанию своей исключительности, и вместо раскаяния лишь укрепят свою веру в правильность радикальных методов борьбы.

В саудовском обществе в последнее время растет понимание того, что одним только ужесточением репрессивных мер безопасности с угрозой исламистского экстремизма не справиться. После террористических атак, имевших место в Саудовской Аравии в 2003 г., королевский двор, помимо репрессивного подхода, начал прибегать к осуществлению мягких контртеррористических стратегий для борьбы с идеологическими и религиозными оправданиями радикализма. Наряду с практикой тюремного наказания сторонников радикального исламизма, возникла идея создания консультативно-медицинского центра им. Мухаммеда бен Найефа для реабилитации бывших террористов (Brzuszkiewicz, 2017). Консультационная деятельность в этом центре осуществляется командой профессионалов и специалистов в различных сферах знания, таких как психология, социология, исламоведение. Центр состоит из ряда отделов, охватывающих широкий круг специальностей: от шариата до истории, от спорта до профессиональной подготовки в различных сферах деятельности.

Довольно трудно переоценить роль религиозных лидеров-имамов в исправительных учреждениях. Западный исследователь Д. А. Баллас отметил, что недостаток религиозных услуг в исправительных учреждениях способствует радикализации религиозных настроений в условиях лишения свободы: «Нехватка квалифицированных религиозных услуг в тюрьмах только усиливает угрозу радикализации заключенных. Заключенные, имеющие небольшие знания ислама, порой искажая сущность веры, утверждают себя в качестве лидеров среди осужденных... В тюрьме ислам сочетает в себе признаки насильственной культуры заключенных с религиозной практикой» (Ballas, 2010).

В связи с тем, что в Саудовской Аравии велик рост исламистского экстремизма в силу доминирующего здесь фундаменталистского прочтения ислама, официальные власти страны взяли курс на переподготовку 40 тыс. мусульманских проповедников в надежде воспрепятствовать развитию воинствующего исламизма. Переподготовку имамов призваны вести Министерство по делам религии и Центр национального диалога, основанный в 2003 г. для пропаганды умеренного прочтения исламских священных текстов (Абдельхади, 2008).

В местах лишения свободы имамы должны прилагать больше усилий к тому, чтобы изменить взгляды закоренелого в своих экстремистских убеждениях осужденного. Западный исследователь Г. Маранчи на основании исследования, проведенного в тюрьмах Великобритании, пришел к выводу о том, что допуск имамов в места лишения свободы имеет чрезвычайно важное практическое значение для предотвращения дальнейшего развития опасных форм исламского экстремизма (Marranci, 2009).

Отметим, что, помимо привлечения духовных наставников, саудовские власти разработали программу материального поощрения тех осужденных, кто готов подписать письменное отречение от радикальной идеологии и встать на путь исправления. В частности, предусматривается помощь государства раскаявшимся исламистам-радикалам при заключении браков, предоставление рабочих мест после освобождения, выделение единовременных ссуд для обустройства на свободе, безвозмездное предоставление

автомобиля и временного жилья. Успехи в этом направлении привели к тому, что американские спецслужбы стали привлекать саудовских имамов для организации просветительской работы с исламистами-радикалами в зарубежных тюрьмах — в Ираке и Гуантанамо (Сысоев, Аболмасова, 2016).

Саудовские власти на основании отчетов 2017 г., представленных имамами, констатировали, что программа дерадикализации исламистских групп приносит желаемые результаты. Согласно официальной статистике, показатель успеха составлял от 80 до 90% (Brzuskiewicz, 2017). Однако эти цифры вызывают определенное сомнение, так как чаще всего исламисты-радикалы остаются фанатиками с укоренившимися девиантными убеждениями.

В Йемене проблема противодействия религиозному экстремизму стоит особенно остро в свете продолжающегося противостояния различных исламистских группировок с правительственными войсками. О мерах по противодействию религиозному экстремизму и терроризму йеменские власти задумались после целого ряда террористических атак. Так, еще в декабре 1998 г. группа, возглавляемая Абу аль-Хасаном аль-Мехдаром, участвовала в убийстве 4-х британских и австралийских туристов в Йемене. Аль-Мехдар был поддержан Абу Хамзой Аль-Масри, приговоренным американским судом в январе 2015 г. к пожизненному заключению после того, как он был признан виновным по 11 пунктам обвинения в терроризме, в том числе в Йемене (Yemen Efforts ..., 2017). Периодические террористические атаки совершались также со стороны Аль-Каиды (запрещенная в Российской Федерации организация) и боевиков группировки ИГ (запрещенная в Российской Федерации организация) на правительственные учреждения, а также в порту Адена, где, в частности, был взорван американский эсминец «Коул» (Саватеев, Боков, 2017).

С 2003 г. официальные власти Йемена по настоянию и при дальнейшей поддержке со стороны США одними из первых взяли курс на программу дерадикализации исламистских групп. Этот политический курс возглавил известный мусульманский священнослужитель, судья Хамуд аль-Хитар (Combating terrorism ..., 2010). Созданный им Комитет по религиозному диалогу (RDC) разработал «Программу перевоспитания» исламистов-радикалов, которая основана на 3-х фундаментальных столпах (атрибутах) исламской веры: Коране, сунне и хадисах. RDC, прежде всего, использовал открытые теологические споры с осужденными террористами, где каждая сторона могла высказать свою точку зрения (Гордеев, 2016).

Программа стартовала с провозглашения девиза «противостоять идеологии можно только идеологией». Программа состояла из 2-х этапов: 1-й этап — диалог и реабилитация осужденных, 2-й — их социализация после освобождения. По словам аль-Хитара, 1-й этап программы был успешным: 364 участника (из 420) были освобождены после того, как они отказались от своих радикальных идей и практически доказали, что не имеют преступных связей. Несмотря на достигнутые успехи, в 2005 г. программа была закрыта после отказа правительства продолжать ее финансирование. Реабилитационный центр так и не был открыт (Yemen Efforts ..., 2017).

14 мая 2014 г. президент Хади издал указ о создании комитета по активизации и дальнейшему развитию йеменской программы реабилитации и реинтеграции исламистов-радикалов. Комитет, который возглавило Бюро национальной безопасности, состоял из представителей других 12 министерств и ведомств, включая министерства иностранных дел, по делам религий, образования, по правам человека и по правовым вопросам. Комитет

сосредоточил свое внимание на создании Центра реабилитации и реинтеграции радикалов с целью привлечения потенциальных террористов, которые были захвачены или арестованы в связи с делами, связанными с терроризмом. Комитет, при содействии и поддержке международных партнеров, включая США, Саудовскую Аравию и ООН, готовился к запуску пилотного проекта в Сане. Однако политическая ситуация в Йемене после переворота в сентябре 2014 г. помешала воплотить намеченное в жизнь. И усилия Йемена по дерадикализации исламистов вновь полностью прекратились. Так называемая программа дерадикализации исламизма действует лишь в рамках совместных контртеррористических операций со спецподразделениями США (Yemen Efforts ..., 2017). Для возобновления программы необходимо прекратить кровопролитие, начать мирный диалог с оппозицией, восстановить государственную систему управления и оживить экономику.

Вместе с тем высказываются мнения, что применяемые меры по дерадикализации исламистского радикализма недостаточно эффективны вследствие:

- отсутствия в некоторых странах Ближнего Востока смертной казни для лиц, осужденных за террористическую деятельность, что сохраняет преступникам надежду на освобождение и возвращение к своим сторонникам, которые воспринимают их как героев, пострадавших за веру;

- «внешней» поддержки как самих осужденных террористов — членов радикальных группировок (материальную — обеспечение деньгами, отправку посылок осужденным; моральную — создание образа борца с несправедливостью), так и их семей (оказание регулярной материальной помощи, безвозмездное обучение детей заключенного в учебных заведениях стран Ближнего Востока и т. д.). Некоторые эксперты отмечают:

- того, что члены радикальных исламистских организаций — приобретают авторитет в обществе, которое одобряет шахидизм, и это является значимым фактором, определяющим недостаточную эффективность программ дерадикализации исламизма.

- наличия организованных групп осужденных исламистов-радикалов, которые следят за поведением своих членов в местах изоляции, оказывают им моральную и физическую помощь в необходимых случаях, но и наказывают за сближение с администрацией исправительного учреждения (Сысоев, 2014а).

Даже в случае решения вышеназванных проблем, рецидивы проявлений радикального исламизма по-прежнему вызывают озабоченность в общественных и политических кругах арабских стран и, скорее всего, будут продолжаться, особенно с учетом того, что в эту незаконную деятельность вовлекается все большее число исламистов-радикалов.

Все же применение методов и программ предотвращения радикализации исламистских движений (с учетом национальных и государственных интересов) будет, несомненно, иметь положительный эффект для любого государства, сталкивающегося с проблемой исламистского экстремизма.

Выводы

В целом, программа дерадикализации еще не получила должного распространения в странах Арабского мира, несмотря на свою актуальность и востребованность. Во многом это связано с продолжающейся экономической нестабильностью и, как следствие, с нехваткой средств для проведения превентивных мер против религиозного экстремизма. Ряд серьезных успехов был достигнут Саудовской Аравией и Йеменом, которые внедрились полноценную

программу борьбы с исламистами-радикалами. Активная борьба с исламистским радикализмом ведется в Египте и Марокко, однако их методы борьбы не носят комплексного характера.

Оценивая значение процессов дерадикализации исламистских движений, необходимо учитывать поликонфессиональность и многонациональность целого ряда государств Арабского мира, в которых они применяются. Необходимо сделать все возможное, чтобы сблизить различные культурно-религиозные группы и сообщества региона, а также убедить их в том, что принятие различий общественного устройства и многообразия культур выступает ценнейшим достижением арабо-мусульманской цивилизации. Необходимо налаживать широкий и постоянный межконфессиональный и межнациональный диалог, который мог бы оказать конструктивное влияние в первую очередь на различные слои населения, а не только на отдельные группы и движения. Важно акцентировать внимание в этом диалоге на молодое поколение. Конечно, надо отдавать себе отчет в том, что такой диалог не способен полностью положить конец проявлениям экстремизма и терроризма, однако вне широкого общественного диалога борьба с идеологией ненависти и насилия попросту немыслима.

Изучение теории и практики религиозно-мотивированного экстремизма показывает, что даже в среде радикальных группировок нередко отсутствует консенсус по целому ряду тактических и стратегических вопросов. И эти разногласия могут быть усугублены, что, естественно, негативно скажется на потенциале популярности и влияния экстремистов, ослабит их возможности.

Исламистский радикализм остается следствием того, что умеренный исламизм априори находится в положении подсудимого и остается объектом обвинений и критики со стороны властных элит. Правящие режимы всегда находятся в преимущественном положении, нежели их противники, поэтому необходимо поддерживать и развивать политический диалог, налаживать состязательность и демократию в политической гонке за власть. В процессе диалога должен быть найден ответ и на те глобальные вызовы, с которыми сталкивается сегодня исламская цивилизация и которые — в контексте активности и воинствующей позиции радикального исламизма — превращаются в острую идейно-политическую дилемму: либо мусульмане сохраняют свою религиозную и национальную идентичность, либо в условиях глобализации они потеряют ее под давлением Запада.

Список литературы

1. Абдельхади М. (2008) Переподготовка для 40 тысяч саудовских мулл // BBC. [Abdelkhadi M. (2008) Retraining for 40,000 Saudi mullahs // BBC. (In Russian).] URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/international/newsid_7308000/7308374.stm
2. Аль-Кардави Ю. (2011) Исламское пробуждение между отрицанием и экстремизмом. Киев. [Al-Kardavi Yu. (2011) Islamic awakening between rejection and extremism. Kiev. (In Russian).]
3. Васильев А. М. (2017) Исламский экстремизм: опасности реальные и мнимые // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ. [колл. авторов]. Москва. С. 33–54. [Vasiliev A. M. (2017) Islamic extremism: real and perceived dangers. Islamskie radikalnye dvizheniia na politicheskoi karte sovremennogo mira. Moscow, pp. 33–54. (In Russian).]

4. Васильев А. М. (2011) Цунами революций не спадает // Азия и Африка сегодня. № 6. С. 2–9. [Vasiliev A. M. (2011) A tsunami of revolution subsides // Asia & Africa today. No. 6. Pp. 2–9. (In Russian).]
5. Гордеев Н. С. (2016) Дерадикализация в исправительных учреждениях: российский и зарубежный опыт / Материалы международной научно-практической межведомственной конференции: уголовно-исполнительная система на современном этапе. Самара. С. 172–175. [Gordeev N. S. (2016) Deradicalization in correctional institutions: Russian and foreign experience. Samara. Pp. 172–175. (In Russian).]
6. Религиозные экстремистские и террористические организации, запрещенные в Российской Федерации: Справочник. (2017) / Е. А. Агафонов, О. В. Агафонова [и др.]. Вологда. [Agafonov E. A., Agafonova O. V., et. al. Religious extremist and terrorist organizations banned in the Russian Federation: Handbook. Vologda. 2017. (In Russian).]
7. Саватеев А. Д., Боков Т. А. (2017) Восстание хуситов в Йемене: шиито-суннитское противостояние как фактор геополитических сдвигов на Ближнем Востоке // Ученые записки Института Африки РАН. № 1. С. 105–123. [Savateev A. D., Bokov T. A. (2017) Houthi uprising in Yemen: Shia-Sunni confrontation as a factor of geopolitical shifts in the Middle East // Journal of the Institute for African Studies, No. 1. Pp. 105–123. (In Russian).]
8. Сысоев А. М., Аболмасова Т. Е. (2016) Зарубежный опыт по реализации пенитенциарных программ дерадикализации экстремистов с применением основ традиционных вероучений // Человек: преступление и наказание. № 3. С. 48–52. [Sysoev A. M., Abolmasova T. E. (2016) Foreign experience on implementation of the prison de-radicalization programs for extremists using the foundations of traditional creeds // Man: crime and punishment, No. 3. Pp. 48–52. (In Russian).]
9. Сысоев А. М. (2014) Подходы к пенитенциарной дерадикализации осужденных за проявления религиозного экстремизма в странах Ближнего Востока и Азии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. № 1. С. 83–86. [Sysoev A. M. (2014) Approaches to penitentiary deradicalization of convicts for manifestations of religious extremism in the Middle East and Asia // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction, No. 1, Pp. 83–86. (In Russian).]
10. Сысоев А. М. (2014a) Содержание осужденных за проявления экстремизма в пенитенциарных учреждениях Израиля и проблемы их дерадикализации // Уголовно-исполнительное право. № 1. С. 84–86. [Sysoev A. M. (2014a) Detention of persons convicted of extremism in Israeli prisons and problems of their de-radicalization // Criminal enforcement law, No. 1, Pp. 84–86. (In Russian).]
11. Сюкияйнен Л. Р. (1986) Мусульманское право. Вопросы теории и практики. Москва. [Syukiyaynen L. R. (1986) Islamic law. Questions of theory and practice. Moscow. (In Russian).]
12. Хайруллин Т. Р. (2019) Борьба за лидерство в арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов? Москва. [Khayrullin T. R. (2019) The Struggle for Leadership in the Arab world. Do Islamists have a Chance? Moscow. (In Russian).]
13. Саватеев А. Д., Хайруллин Т. Р. (2019) Дерадикализация исламизма: опыт Саудовской Аравии // Ислам в современном мире. Т.15. № 3. С. 165–180. [Savateev A. M., Khayrullin T. R. (2019) Deradicalization of Islamists in Saudi Arabia // Islam in the Modern World, Vol. 15. No. 3. Pp. 165–180. (In Russian).]

14. Эммануилов Р. Я., Яшлавский А. Э. (2010) Терроризм и экстремизм под флагом веры: религия и политическое насилие: проблема соотношения. Москва. [Emmanuilov R. Ia., Yashlavskii A. E. (2010) Terrorism and extremism under the flag of faith: religion and political violence: the problem of correlation. Moscow. (In Russian).]
15. Яхьяев М. Я. (2010) Причины радикализации ислама в современном мире // Исламоведение. № 2. С. 4–14. [Iakhieiaev M. Ya. (2010) Causes of radicalization of Islam in the modern world // Islamovedenie. No. 2. Pp. 4–14. (In Russian).]
16. Ballas D. A. (2010) Prisoner Radicalization // FBI Law Enforcement Bulletin. URL: <https://leb.fbi.gov/articles/featured-articles/prisoner-radicalization>
17. Brzuskiewicz S. (2017) Saudi Arabia: the de-radicalization program seen from within // Italian Institute for International Political Studies. URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/saudi-arabia-de-radicalization-program-seen-within-16484>
18. Collins Dictionary. (2020) URL: <https://www.collinsdictionary.com/de/worterbuch/englisch/deradicalization>
19. Combating terrorism in Yemen Through the Committee for Religious Dialogue S. Rajaratnam School of International Studies. 2010. Singapore.
20. Horgan J. (2008) Deradicalization or Disengagement? // Perspectives on Terrorism. Vol. 2. №4. URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/32/html>
21. Marranci G. (2009) Faith, Ideology and Fear: Muslim Identities Within and Beyond Prisons. London.
22. Yemen Efforts in the Fight Against Terrorism. Embassy of the Republic of Yemen. 2017. URL: <http://www.yemenembassy.org/wp-content/uploads/2017/07/Yemen-Efforts-in-the-Fight-Against-Terrorism.pdf>

Deradicalization of Islamism in the Arab world: experience of comparative analysis, processes and prospects

Timur Radikovich Khayrullin,

PhD in Political Sciences, researcher of the Center of Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies; researcher of the Center of Political Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Introduction. Today, the problem of Islamist radicalism in the middle East is particularly acute. The ongoing armed conflicts in Syria and Yemen between Islamist groups and government forces has a destabilizing effect on the whole Arab world. Analysis. The work is divided into several main stages. First of all, the main reasons for the rise of radical sentiments among Islamist movements are explored. Then the preventive measures that can prevent the emergence of radical attitudes were analyzed. The final stage was the consideration of the de-radicalization programmes directly applied by a number of States in the Middle East against those accused of religious terrorism and extremism. Methods. At each stage, a separate research technique was used: comparative analysis and a systematic approach. Results. The work is completed by the following conclusion: the program of deradicalization is an effective tool in the fight against Islamist radicalism, however, its implementation requires serious financial investments, which many countries of the Middle East have lack of financial resources because of the difficult financial situation caused by the protracted armed conflicts in the region.

Keywords: deradicalization, Islamism, radical Islamism, instability, Middle East, Jihad.

JEL codes: P48, P52.

Особенности поддержки национальной экономики в странах ЕАЭС в условиях коронавируса

Игорь Александрович Филькевич¹

В статье раскрываются особенности интеграции и формирования согласованной антикризисной политики государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в условиях коронавируса. Делается вывод об эффективности проведения согласованной экономической политики стран ЕАЭС при реализации антикризисной политики и своевременной реакции государств-членов Евразийского экономического союза на глобальные вызовы. Обосновывается целесообразность формирования эффективного механизма функционирования наднационального института Евразийского экономического союза, который призван координировать и реализовывать на практике общую модель проведения согласованной антикризисной политики, в том числе в условиях пандемии COVID-19.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, антикризисная политика, интеграция, национальная экономика, пандемия COVID-19.

JEL коды: F36, F55, F63.

Введение

Современное развитие евразийского экономического пространства происходит в условиях высокой волатильности международных экономических отношений и возрастающей неопределенности глобальных процессов, связанных с распространением пандемии COVID-19. При этом необходимо отметить, что даже такие высокоразвитые интеграционные объединения, как Европейский Союз, не смогли быстро и своевременно сформировать новую экономическую политику в условиях коронавируса.

Важно подчеркнуть, что образование Евразийского экономического союза (ЕАЭС) совпало с новой волной глобального экономического кризиса 2008–2009 гг., когда динамика мировой экономики представляла угрозу для развития интеграционного сотрудничества в рамках ЕАЭС (Платонова и др., 2016). Однако реализация основных целей по созданию условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах роста жизненного уровня их населения и осуществления всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик, позволила к 2018 г. преодолеть кризисные явления.

¹ Филькевич Игорь Александрович — доктор экономических наук, профессор, Московский государственный педагогический университет, главный научный сотрудник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, президент Евразийской ассоциации экономического сотрудничества предпринимателей и общественных организаций. Москва, Россия.

В 2020 г., столкнувшись с пандемией *COVID-19*, государства — члены Евразийского экономического союза первыми в глобальном сообществе перешли к реализации согласованной новой антикризисной политики, направленной на смягчение последствий распространения коронавирусной инфекции. По мнению Президента России В. В. Путина, текущие проблемы, связанные с пандемией нового коронавируса, обернутся более масштабными потрясениями, чем финансовый кризис 2008–2009 гг., а торговые конфликты и санкции усугубят рецессию (Путин В. В. Выступление на саммите G20).

В рамках исследования изучается проблема поддержки национальной экономики в странах ЕАЭС в условиях коронавируса. Цель исследования состоит в формировании принципиально новой интеграционной парадигмы взаимодействия государств-членов Евразийского экономического союза при реализации антикризисных мер в условиях пандемии *COVID-19*, включая как реализацию совместных проектов, так и национальные проекты в области экономики.

Особенности реализации антикризисных национальных программ стран ЕАЭС в 2020 г.

Столкнувшись с пандемией *COVID-19*, государства-члены Евразийского экономического союза перешли к реализации политики, направленной на смягчение последствий распространения новой коронавирусной инфекции, что в первую очередь заключается в поддержке населения и бизнеса в условиях необходимой приостановки экономической деятельности и падения уровня доходов, а также на дополнительное усиление национальных систем здравоохранения.

Прежде всего, проанализируем самостоятельные механизмы регулирования национальной экономики в условиях пандемии.

В марте 2020 г. в Армении был сформирован антикризисный пакет поддержки национальной экономики и граждан в размере 300 млн долл. США, что составляет около 2% от ВВП республики.

В рамках данного антикризисного пакета мер предоставлена финансовая поддержка компаний в виде государственного софинансирования, субсидирования, или рефинансирования кредитов в размере до 250 млн др., предназначенных для покрытия определенных операционных расходов. Кроме того, среди антикризисных мер поддержки бизнеса предусмотрено кредитование малых и средних предприятий уязвимых отраслей экономики. Данная мера предназначена для компаний, которые осуществляют деятельность в сферах обрабатывающей промышленности, общественного питания, гостиничной индустрии, транспорта и складирования, туризма, услуг сервиса и здравоохранения и имеют годовой оборот в размере от 24 млн до 500 млн др. Кредиты выдаются путем финансирования Центром поддержки инвестиций местных банков и кредитных организаций.

Для предотвращения роста безработицы и сохранения эффективных рабочих мест предусмотрено выделение единовременных грантов. Данной программой могут воспользоваться предприятия, число сотрудников которых составляло 2–50 в течение всего периода с 1 января до 1 апреля 2020 г., если фонд оплаты труда сотрудников не сократился в течение всего указанного периода (сумма гранта рассчитывается по специальной формуле).

В Армении реализуется специальная программа поддержки сельского хозяйства в условиях коронавируса. В рамках данной антикризисной меры субъектам хозяйствования,

которые осуществляют деятельность в сфере сельского хозяйства и имеют положительную налоговую и кредитную истории, предоставляется финансовая поддержка в виде субсидирования или софинансирования кредитов.

В период применения ограничительных мер по борьбе с коронавирусом Центральный Банк Армении (ЦБА) заявил, что вступление в силу предусмотренных в Базеле III норматива краткосрочной ликвидности и показателя чистого стабильного фондирования отложено до 1 января 2021 г. При этом 17 марта и 28 апреля 2020 г. была снижена ставка рефинансирования на 0,25% соответственно и в настоящее время она составляет в Армении 5% (Board of the CBA).

В Беларуси размер бюджета по поддержке экономики в период распространения коронавирусной инфекции составил 44,7 млн долл. США, что эквивалентно 0,08% ВВП (В Беларуси...). Антикризисные меры поддержки направлены как на конкретные сектора белорусской экономики, сохранение уровня привлеченных ПИИ (Муха, 2020), так и на отдельные категории граждан. Следует отметить, что, в отличие от других государств-членов ЕАЭС, республика не вводила карантинного периода и экономика продолжала функционировать в обычном режиме (в мире аналогичной политики придерживалась только Швеция).

Поддержка конкретных отраслей экономики, пострадавших от пандемии *COVID-19*, регулируется Указом Президента РБ «О поддержке экономики» № 143 от 24 апреля 2020 г. Данный указ распространяется только на предприятия, действующие в наиболее уязвимых отраслях экономики.

В свою очередь, Указ Президента РБ «О пересчете стоимости активов и обязательств» № 159 от 12 мая 2020 г. позволяет организациям поэтапно относить до конца 2022 г. на текущий финансовый результат курсовые разницы, образовавшиеся с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2022 г.

13 мая 2020 г. на Правление Национального Банка Республики Беларусь принято решение о снижении ставки рефинансирования с 20 мая 2020 г. на 0,75% — до 8% годовых.

В марте и апреле 2020 г. правление Национального Банка Республики Беларусь приняло ряд контрциклических мер, которыми до 31 декабря 2020 г. были смягчены определенные пруденциальные требования.

В Республике Казахстан общая стоимость пакета антикризисных мер предусматривает выделение 13,98 млрд долл. США, что составляет 9% ВВП (Антикризисные меры Правительства). Важно отметить, что средства республиканского бюджета составят 3,4 трлн тенге, а внебюджетные средства — 2,5 трлн тенге. В данный расчет не включены налоговые льготы и затраты местных бюджетов.

Основные меры антикризисной поддержки населения 31 марта 2020 г. были определены Президентом Республики Казахстан. Они и включают набор мер социальной поддержки граждан Казахстана, в том числе путем расширения доступа к медицинской помощи в рамках обязательного медицинского страхования, а также установления ежемесячных надбавок к зарплатам медицинских работников, которые вовлечены в борьбу против *COVID-19* (Заявление).

В рамках антикризисных мер стала осуществляться программа «Дорожная карта бизнеса–2025» с целью поддержания кредитования малого и среднего бизнеса в условиях чрезвычайного положения (Третий антикризисный пакет мер). Максимальная сумма кредита для малых и средних предприятий в сельской местности составляет 750 млн тенге. Для

малых и средних предприятий в городе доступны кредиты до 7 млрд тенге. Устранены отраслевые ограничения, ранее действующие в рамках данной программы.

Кроме того, реализуется программа «Экономика простых вещей» с общим объемом кредитования 1 трлн тенге (Что именно получит бизнес). Программа предполагает кредитование крупных компаний. При этом 700 млрд тенге будет направлено на предоставление кредитов предприятиям по переработке и производству в сельском хозяйстве, а еще 300 млрд тенге будет выделено для компаний обрабатывающей промышленности и сектора услуг.

Увеличилась до 70 млрд тенге сумма ежегодных льготных кредитов, предоставляемых сельхозтоваропроизводителям для осуществления весенне-полевых работ. Кредиты выдаются под 5% годовых в рамках программ Аграрной кредитной корпорации.

Кыргызская Республика одной из первых стран в мире получила помощь МВФ на преодоление последствий пандемии в размере 120,9 млн долл. США (МВФ выделил Кыргызстану...). Кроме того, из бюджета республики на поддержку экономики в условиях кризиса было выделено 4,82 млн долл. США. Таким образом, совокупные средства, направленные на преодоление кризиса, определены в размере 126,65 млн долл. США, что составляет 1,5% ВВП.

В Кыргызской Республики в условиях пандемии COVID-19 было принято 2 антикризисных плана Правительства. Предусматривается проведение легализации капитала и имущества, увеличение уставного капитала ОАО «Гарантийный фонд», пересмотр обязательств налоговых контрактов и проведение реструктуризации задолженности по налогам и социальным отчислениям, а также поддержка предпринимателей, работающих на экспорт и обеспечивающих продовольственную безопасность страны.

Национальный банк Кыргызской Республики отреагировал на ухудшение экономической ситуации ужесточением монетарной политики с целью стабилизировать динамику инфляции. Кроме того, были изменены некоторые пруденциальные меры в целях снижения требований по достаточности капитала и ликвидности. С этой целью Национальный банк Кыргызской Республики 24 февраля 2020 г. поднял учетную ставку на 0,75% до 5% годовых (Учетная ставка НБКР).

Национальный банк Кыргызской Республики в рамках антикризисных мер проводит кредитные аукционы для коммерческих банков и небанковских финансово-кредитных организаций с целью поощрения конечного кредитования реального сектора. Общий объем предложенных ресурсов составляет 2 млрд сомов (1 млрд сомов для коммерческих банков, и 1 млрд сомов — небанковских финансово-кредитных организаций).

В Российской Федерации общая стоимость выделенных на борьбу с пандемией средств составляет 39,77 млрд долл. США, что эквивалентно 3% ВВП. По данным Министерства финансов Российской Федерации, общая стоимость поддержки в рамках 1-го и 2-го антикризисных пакетов составила 2,1 трлн рублей.

Стоимость 3-го антикризисного пакета, реализуемого с мая 2020 г., составит 800 млрд рублей (Третий антикризисный пакет мер). Данные средства направляются на реализацию как экономических, так и социальных мер.

Перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в результате распространения коронавирусной инфекции, утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации №434 от 3 апреля 2020 г. («Об утверждении перечня отраслей...», 2020).

Постановлением Правительства РФ «О мерах поддержки системообразующих организаций» от №651 от 10 мая 2020 г. определены мероприятия, с помощью которых государство имело возможность поддержать финансовую устойчивость и стабильную деятельность таких организаций в условиях COVID-19 («О мерах поддержки...», 2020). В соответствии с решением Совета директоров Банка России от 13 марта 2020 г., банкам в период до 30 сентября 2020 г. предоставлено право не применять надбавки к коэффициентам риска валютных кредитов, которые выдаются организациям, производящим лекарственные средства, материалы и оборудование, применяемые в медицинских целях.

На заседании Совета директоров Банка России 24 апреля 2020 г. ключевая процентная ставка была снижена на 0,5% и составила 5,5%. С 22 июня 2020 г. ключевая процентная ставка была снижена до рекордно низкой отметки в 4,5% (Банк России принял решение).

Механизм реализации совместных антикризисных мер в ЕАЭС в 2020 г.

Необходимо отметить, что уже 26 марта 2020 г. страны ЕАЭС принимают ряд *совместных* антикризисных мер, направленных на своевременное реагирование на распространение коронавирусной инфекции COVID-19.

В рамках данных мер было предусмотрено введение временного запрета (до 30 сентября 2020 г.) на вывоз из ЕАЭС средств индивидуальной защиты, защитных и дезинфицирующих средств, продукции медицинского назначения и материалов. Кроме того, принято решение об освобождении от ввозной таможенной пошлины товаров, импортируемых для предупреждения и предотвращения распространения коронавирусной инфекции на территории ЕАЭС в период с 16 марта по 30 сентября 2020 г. (Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 24 марта 2020 г. № 41).

30 марта 2020 г. вышло Распоряжение № 11 Совета ЕЭК «О реализации мер, направленных на предотвращение распространения коронавирусной инфекции COVID-19», которое предусматривало проведение совместных и скоординированных действий стран ЕАЭС по широкому кругу вопросов при реализации антикризисных мер (О реализации мер..., 2020).

10 апреля 2020 г. было принято Распоряжение № 6 Евразийского межправительственного совета 10 апреля 2020 г. «О предпринимаемых в рамках Евразийского экономического союза мерах, направленных на обеспечение экономической стабильности в условиях развития пандемии коронавирусной инфекции COVID-19», которое предусматривает формирование пакета антикризисных мер в Евразийском экономическом союзе с целью обеспечения жизненно важных потребностей населения, поддержания взаимной торговли и свободы передвижения товаров в условиях пандемии COVID-19 (Распоряжение № 6, 2020).

Таким образом, ЕАЭС был фактически первым в мире интеграционным объединением, которое разработало единый и скоординированный между странами пакет мер борьбы с COVID-19.

В рамках срочных стабилизационных мер (первый раздел) предусматривается взаимодействие и консультации уполномоченных органов государств-членов ЕАЭС по широкому кругу экономических вопросов при проведении санитарно-эпидемиологических мероприятий по предупреждению и минимизации последствий распространения коронавирусной инфекции, в том числе по вопросам сбалансированности

продовольственного рынка. Эти меры также предполагали активизацию интеграционного сотрудничества и повышение его эффективности за счет конкретных шагов в различных сферах, например, кредитно-финансовая поддержка взаимной торговли (экспорта), и др.

Помимо срочных стабилизационных мер, разработаны и мероприятия системного характера. Они имеют более долгосрочный характер, направлены, соответственно, на обеспечение долгосрочного стабильного развития как отдельных стран, так и ЕАЭС в целом, и включают макроэкономические, финансовые, платежные, кредитные и другие направления совместной поддержки, призванные обеспечить эту стабильность.

Кроме того, ЕАЭС развивает торговое взаимодействие с третьими странами в рамках Соглашений о свободной торговле (Шеров-Игнатьев, 2020), и активизация такого взаимодействия также может рассматриваться в определенной степени как «антикризисная мера».

Заключение

В результате проведенного исследования выявлено, что интеграционное сотрудничество в рамках ЕАЭС развивается успешно даже и в условиях современного кризиса 2020 г.

Обосновывается, что для преодоления кризисных явлений важной практической задачей остается выработка странами адекватных совместных мер. Координация антикризисных мер и взаимовыгодная конвергенция экономик позволят успешно развиваться экономикам государств-членов Евразийского экономического союза в перспективе.

Список литературы

1. Антикризисные меры Правительства: сколько средств будет направлено на поддержку граждан и экономики в условиях URL: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/antikrizisnye-mery-pravitelstva-skolko-sredstv-budet-napravleno-na-podderzhku-grazhdan-i-ekonomiki-v-usloviyah-chp-1731059> [Antikrizisnye mery Pravitel'stva: skol'ko sredstv budet napravleno na podderzhku grazhdan i ekonomiki v usloviyah CHP (In Russian).]
2. Банк России принял решение снизить ключевую ставку URL: <https://www.zaim-express.ru/news/2020/bank-rossii-prinyal-reshenie-snizit-klyuchevuyu-stavku> [Bank Rossii prinyal reshenie snizit' klyuchevuyu stavku na 50 b.p., do 5,50% godovyh (In Russian).]
3. В Беларуси на поддержку экономики из-за эпидемиологической ситуации планируется направить Br110 млн. URL: <http://www.government.by/ru/content/935> [V Belarusi na podderzhku ekonomiki iz-za epidemiologicheskoy situacii planiruetsya napravit' Br110 mln. (In Russian).]
4. Заявление Главы государства Касым-Жомарта Токаева URL: https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_statements_and_congratulations/zayavlenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva [Zayavlenie Glavy gosudarstva Kasym-ZHomarta Tokaeva. (In Russian).]
5. МВФ выделил Кыргызстану \$120,9 миллиона для борьбы с коронавирусом URL: https://yandex.ru/turbo/s/24.kg/ekonomika/148199_mvfvvyidelil_kyrgyzstanu_1209_milliona_dly

a_borbyi_skoronavirusom/ [MVF vydelil Kyrgyzstanu \$120,9 milliona dlya bor'by s koronavirusom (In Russian).]

6. Межправсовет утвердил срочные антикризисные стабилизационные меры и меры по восстановлению и дальнейшему развитию экономик стран ЕАЭС URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/10-04-2020-1.aspx> [Mezhpravsovet utverdil srochnye antikrizisnye stabilizacionnye меры i меры po vosstanovleniyu i dal'nejshemu razvitiyu ekonomik stran EAES. (In Russian).]

7. Муха Д. В. (2020) Совершенствование инвестиционной политики Республики Беларусь в условиях глобальной нестабильности // Россия и Азия. № 2 (11). С. 13–24. [Mukha°D. V. (2020) Improving the investment policy of the Republic of Belarus in the conditions of global instability // Russia and Asia. No. 2 (11). Pp. 13–24. (In Russian).]

8. Платонова Е. Д., Филькевич И. А., Богомолова Ю. И., Ли Т. (2016) Закономерности глобализации экономики: глокализация или региональная интеграция? / В сборнике: Пространственная экономика: проблемы региональных экономических объединений. Материалы XIV Международной научной конференции. Редколлегия: Платонова Е. Д., Игумнов О. А., 2016. С. 89–93. [Platonova E. D., Filkevich I. A., Bogomolova°Yu. I., Li T. (2016) Patterns of economic Globalization: glocalization or regional integration?/ In the collection: Spatial economy: problems of regional economic associations. Proceedings of the XIV International scientific conference. Editorial Board: Platonova E. D., Igumnov O. A., 2016. Pp. 89–93. (In Russian).]

9. Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. №434 «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73746630/> [Decree of the government of the Russian Federation No. 434 of April 3, 2020 "On approval of the list of sectors of the Russian economy most affected by the deterioration of the situation as a Result of the spread of a new coronavirus infection». (In Russian).]

10. Постановление Правительства РФ «О мерах поддержки системообразующих организаций» от №651 от 10 мая 2020 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73901408/> [Decree of the government of the Russian Federation "On measures To support system-forming organizations" No. 651 of may 10, 2020. (In Russian).]

11. Путин В. В. Выступление на саммите G20 URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63070> [Putin V. V. Vystuplenie na sammite G20. (In Russian).]

12. Распоряжение № 6 Евразийского межправительственного совета 10 апреля 2020 г. «О предпринимаемых в рамках Евразийского экономического союза мерах, направленных на обеспечение экономической стабильности в условиях развития пандемии коронавирусной инфекции COVID-19». URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/20mr0006/> [Order No. 6 of the Eurasian intergovernmental Council April 10, 2020 "On measures taken within the framework of the Eurasian economic Union aimed at ensuring economic stability in the context of the development of the COVID-19 coronavirus pandemic». (In Russian).]

13. Распоряжение № 11 Совета ЕЭК «О реализации мер, направленных на предотвращение распространения коронавирусной инфекции COVID-19». URL:

<https://www.alta.ru/tamdoc/20s00011/> [Order No. 11 of the EEC Council "On the implementation of measures aimed at preventing the spread of COVID-19 coronavirus infection". (In Russian).]

14. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 24 марта 2020 г. № 41 «О внесении изменений в Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73706228/> [Decision of the Board of the Eurasian economic Commission of March 24, 2020 No. 41 "On amendments to The decision of the Board of the Eurasian economic Commission of April 21, 2015 No. 30 "On non-tariff Regulation measures". (In Russian).]

15. Третий антикризисный пакет мер стоит 800 млрд рублей URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/05/11/829961-tretii-antikrizisnii-paket-mer?utm_source [Tretij antikrizisnyj paket mer stoit 800 mlrd rublej (In Russian).]

16. Учетная ставка НБКР URL: <https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=123&lang=RUS> [Uchetnaya stavka NBKR (In Russian).]

17. Что именно получит бизнес от правительства в период карантина? URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/chto-imenno-poluchit-biznes-ot-pravitelstva-v-period-karantina?lang=ru> [Chto imenno poluchit biznes ot pravitel'stva v period karantina? (In Russian).]

18. Шеров-Игнатъев В. Г. (2020) Соглашение ЕАЭС о свободной торговле с третьими странами: смысл для России // Россия и Азия. № 3 (12). С. 59–69. [Sherov-Ignatev V. G. The EAEU free trade agreements with third countries: reasons for Russia // Russia & Asia. No. 3. Pp. 59–69. (In Russian).]

19. Board of the CBA URL: https://www.cba.am/AM/pmessagesannouncements/Minutes_short_28.04.20.pdf

Features of support for the national economy in the EAEU countries in the context of coronavirus

Igor Alexandrovich Filkevich

Doctor of Economics, Professor, Professor Moscow State Pedagogical University, chief researcher Russian economic G.V. Plekhanov University, President of the Eurasian Association economic cooperation of entrepreneurs and public organizations, Moscow, Russia

The article reveals the features of integration and the formation of a coordinated anti-crisis policy of the member states of the Eurasian Economic Union in the context of the COVID-19 pandemic. The conclusion is made about the effectiveness of the coordinated economic policy of the EAEU countries in the implementation of the anti-crisis policy and the timely response of the member states of the Eurasian Economic Union to global challenges. The expediency of the formation of an effective mechanism for the functioning of the supranational institution of the Eurasian Economic Union, which is designed to coordinate and implement in practice a common model for conducting an agreed anti-crisis policy, including in the context of the COVID-19 pandemic, is substantiated.

Keywords: Eurasian Economic Union, anti-crisis policy, integration, national economy, COVID-19 pandemic.

JEL codes: F36, F55, F63.

Особенности туристического сектора Социалистической Республики Вьетнам на современном этапе

Антон Сергеевич Шахигулин¹

В статье рассматривается состояние туристической отрасли Социалистической Республики Вьетнам на современном этапе.

Подчеркивается важная роль стран-членов регионального объединения АСЕАН в системе международного туризма. Выявляются виды туризма, которые получили во Вьетнаме наибольшее распространение. Систематизируются и анализируются данные по въездному туризму во Вьетнам за последние несколько лет по двум важнейшим показателям: количеству въездных туристских прибытий и доходам от сферы туризма. Приводится оценка состояния туристической инфраструктуры Вьетнама: мест размещения туристов, транспортной инфраструктуры, количества туристических фирм и гидов-переводчиков при них. Выявляются сильные и слабые стороны вьетнамской сферы туризма, а также сравниваются показатели конкурентоспособности туристического сектора Социалистической Республики Вьетнам и других стран, входящих в региональное объединение АСЕАН.

Ключевые слова: туризм, Вьетнам, туризм во Вьетнаме, АСЕАН, въездной туризм, туристическая инфраструктура, индекс конкурентоспособности путешествий и туризма.

JEL коды: L83, N75, O53.

Введение

В настоящее время одной из самых быстроразвивающихся сфер мирового хозяйства остается сфера туризма. По данным Всемирной Туристской Организации, в 2019 г. общее количество международных туристских прибытий составило более 1,4 млрд, что на 5% больше, чем в 2018 г. (World Tourism Organization, 2019. P. 2).

В последние десятилетия становится заметным значительный рост туристического потенциала Азиатско-Тихоокеанского региона, в особенности субрегиона Юго-Восточной Азии. Данный факт обуславливает актуальность исследования туристического потенциала стран ЮВА.

Данная статья фокусируется на особенностях туристической отрасли в Социалистической Республике Вьетнам, которая в настоящее время выступает одним из ключевых игроков в Юго-Восточной Азии и одним из лидеров регионального объединения АСЕАН. Изучение особенностей туризма этой страны имеет важное значение не только для формирования представления о характерных особенностях туристической отрасли Вьетнама,

¹ Шахигулин Антон Сергеевич — магистр востоковедения и африканистики Восточный факультет СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия.

но и для оценки путей ее дальнейшего развития, в особенности в нынешних тяжелых условиях, вызванных пандемией коронавируса.

Проблеме исследования туристической сферы Вьетнама в научной литературе уделяется недостаточно внимания — есть лишь ряд статей таких авторов, как Глушко А. А., Сазыкин А. М., До Хыонг Лан, Нгуен Куок Хынг, Нгуен Нгок Линь, Фам Тхи Хоанг Нган, Филипп Хайярд. Однако эти исследования в основном направлены либо на изучение одного вида туризма (например, почти все работы Нгуен Куок Хынга и Фам Тхи Хоанг Нган посвящены культурному туризму, Сазыкина А. М. — въездному туризму Вьетнама), либо фокусируются на каком-то одном аспекте проблемы вьетнамского туризма (До Хыонг Лан и Нгуен Нгок Линь пишут про привлечение российских туристов во Вьетнам, Чан Тхи Хоанг Иен — про формирование имиджа Вьетнама как туристской дестинации). Исследования же, посвященные комплексному исследованию современного состояния туристической отрасли Социалистической Республики Вьетнам, практически отсутствуют. Исключением служит работа Би Чина «Развитие туризма и экономики во Вьетнаме» на английском языке, однако она была издана еще в 2008 г. и сейчас уже не вполне актуальна.

В данной статье автор ставит перед собой следующие цели:

- 1) Изучить состояние современной туристической отрасли во Вьетнаме, проанализировать данные по въездному туризму во Вьетнам за последние несколько лет;
- 2) Сравнить состояние сферы туризма в СРВ и в других странах АСЕАН, выявить сильные и слабые стороны туристической отрасли Вьетнама.

АСЕАН в системе международного туризма. Современное состояние туристической отрасли Социалистической Республики Вьетнам

ЮНВТО (Всемирная Туристская Организация) выделяет 5 главных туристских регионов мира. Это Африка, Северная и Южная Америки, Азиатско-Тихоокеанский регион, Европа и Ближний Восток. Как уже было сказано выше, в настоящее время отмечается значительное увеличение роли Азиатско-Тихоокеанского региона в системе международного туризма. В 2018 г. Азиатско-Тихоокеанский регион стал самым быстрорастущим в мире, опередив остальные регионы как по приросту денежных поступлений от туризма, так и по приросту количества прибытий — +7% по обоим показателям (World Tourism Organization, 2019. Р. 2, 10–14).

Азиатско-Тихоокеанский регион делится на 4 субрегиона: Юго-Восточная Азия, Южная Азия, Северо-Восточная Азия и Океания (World Tourism Organization, 2019. Р. 11). Субрегион Юго-Восточной Азии — один из перспективнейших не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и в мире. Большинство стран ЮВА входят в региональное объединение АСЕАН — Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии. Экономики стран, входящих в АСЕАН, в настоящее время характеризуются стабильностью и относительно высокими уровнями роста, что обеспечивает этим странам необходимые условия для развития туристической сферы.

В табл. 1 представлены ключевые показатели сферы туризма АСЕАН в 2018 г.

В 2018 г. доля торговли туристическими услугами в АСЕАН была довольно высокой — 28%, что подтверждает важность сферы туризма для стран-участниц объединения. На страны АСЕАН приходится почти 10% от общего числа туристских прибытий и денежных

поступлений в мире, что говорит о высоком туристическом потенциале данного региона и его растущей привлекательности для туристов.

Таблица 1.

Основные показатели сферы туризма АСЕАН в 2018 г.

Показатель	Значение
Общий объем торговли туристическими услугами, млрд долларов	217,9
Доля в общем объеме торговле услугами АСЕАН, %	28
Количество туристских прибытий, млн	128,7
Доля от общего количества туристских прибытий в мире, %	9,2
Прирост по сравнению с 2017 г., %	6,8
Объем поступлений от туризма в 2018 г., млрд долларов	142,3
Доля от общего объема поступлений от туризма в мире, млрд долларов	9,8
Прирост по сравнению с 2017 г., %	4,7

Источник: составлено по: ASEAN, 2019. Р. 33; World Tourism Organization, 2019. Р. 53.

Социалистическая Республика Вьетнам — одна из самых быстроразвивающихся стран АСЕАН, поэтому ее вклад в развитие регионального туризма в Юго-Восточной Азии с каждым годом становится все значительнее.

Во Вьетнаме можно выделить 3 основные туристические зоны: Северная (дельта Красной реки, Ханой, прибрежные районы северо-востока и удаленные от моря горные районы на западе страны), Центральная (центральные районы страны, города Дананг, Хойан и Хюэ) и Южная (пляжные дестинации: Нячанг, Муйне, Фукуок, город Хошимин, дельта Меконга).

Наибольшее распространение во Вьетнаме получили 2 вида туризма: пляжный и культурно-познавательный.

Пляжный туризм наиболее развит в Халонге, Дананге, Нячанге, Муйне, Фукуоке — благодаря наличию хороших пляжей и развитой гостиничной и другой туристической инфраструктуры. Культурно-познавательный туризм в стране развивается благодаря наличию множества исторических, архитектурных памятников — их во Вьетнаме насчитывается около 7 300, — а также большого количества музеев (Джусь, 2016. С. 25). Основными центрами культурного туризма остаются Ханой, Хюэ, Дананг, Хойан, Далат, Хошимин.

Помимо пляжного туризма, в стране созданы условия для развития таких видов туризма, как экстремальный (например, в районе Сапа, где расположена гора Фаншипан); спортивный (дайвинг, серфинг); деловой и *MICE*-туризм, прежде всего в экономических центрах страны — Ханое, Хошимине и Дананге, а также экологический. В стране действует 32 национальных парка, 9 биосферных заповедников: мангровый заповедник Кан Зо, Донгнай, Катба, дельта Красной реки, Киензанг, западная часть провинции Нгеан, Муикамау, Кулаотям — Хойан и Лангбианг (Джусь, 2016. С. 33).

В 2020 г. туристической отрасли Вьетнама исполнилось 60 лет. Ее активное развитие началось с 1990 г., а период с 2012 г. по 2020 г. стал для вьетнамской сферы туризма временем небывалого подъема (доходы от туризма с 2012 по 2019 гг. выросли в 4,5 раза, а количество туристских прибытий увеличилось в 3 раза). По состоянию на 2018 г., доля туристического сектора в ВВП страны составляет 8,39% (Vietnam National Administration of Tourism, 2019. Р. 12). Развитие туризма стало для Вьетнама важной национальной задачей,

цель которой — превращение страны в региональный и один из мировых центров притяжения туристов.

Основные показатели въездного туризма в страну — количество туристских прибытий и объем денежных поступлений от сферы туризма.

Статистика по въездным прибытиям в СРВ ведется лишь с 1990 г., так как до этого страна была практически недоступна для посещения иностранными путешественниками. С 1990 г. по 2019 г. количество въездных туристских прибытий во Вьетнам выросло с 250 000 в 1990 г. до почти 18 млн прибытий в 2019 г., то есть в 72 раза. В последние несколько лет (с 2015 по 2019 гг.) число въездных прибытий во Вьетнам удвоилось — с 8 млн до 18 млн, что говорит о действительно больших успехах в развитии отрасли. В 2018 г., по версии ЮНВТО, Вьетнам стал 3-м самым быстрорастущим туристическим направлением мира (Vietnam National Administration of Tourism, 2019. P. 14).

В табл. 2 представлены данные по количеству международных прибытий жителей стран-лидеров, посетивших Вьетнам с туристическими целями в 2019 г.

Таблица 2.

Страны-лидеры по количеству въездных туристских прибытий во Вьетнам в 2019 г.

Страна-лидер по прибытиям в 2019 г.	Количество туристских прибытий из страны в 2019 г., млн	Прирост 2018/2019 гг., %
1. Китай	5 806 425	16,9
2. Республика Корея	4 290 802	23,1
3. Япония	951 962	15,2
4. Тайвань	926 744	29,8
5. США	746 171	8,6
6. Россия	646 524	6,6
7. Малайзия	606 206	12,2
8. Таиланд	509 802	45,9
9. Австралия	383 511	–0,9
10. Великобритания	315 084	5,7
Все направления	18 008 591	16,2

Источник: составлено по: Vietnam National Administration of Tourism, 2019. P. 13; Statistics. International visitors to Vietnam in December and the whole of 2019.

Эти страны уже долгое время занимают лидирующие позиции по отправке туристов во Вьетнам, а их доля во въездном турпотоке в страну составляет примерно 83%.

Крупнейшим поставщиком туристов для Вьетнама остается КНР: доля китайских туристов в общем турпотоке Вьетнама равна 32%. Республика Корея находится на 2-м месте: на нее приходится около 25% от всех туристов, следующих во Вьетнам. За Республикой Корея с большим отрывом следуют Япония и Тайвань (статистика по нему ведется отдельно от КНР). Значение этих стран для вьетнамского туристического рынка также велико: на них приходится по 6% и 5% соответственно от общего числа прибытий во Вьетнам.

Ежегодно растет число туристов из США, России и Малайзии, которые занимают в рейтинге соответственно 5-е, 6-е и 7-е места. До 2019 г. Австралия стабильно занимала 8-е место по числу прибытий, Таиланд — 9-е. В 2019 г. на 8-е место вышел Таиланд, а Австралия, напротив, опустилась на 9-е, показав отрицательный прирост туристов,

поехавших во Вьетнам. Великобритания замыкает десятку стран-лидеров по количеству прибытий.

Большая часть въездных прибытий во Вьетнам в 2019 г. приходится на страны Азии (14 386 318 прибытий, или 80% от общего числа). На Европу приходится 2 168 152 прибытия — 12%, на Северную и Южную Америку — 973 794 прибытия, или 5%, на Австралию и Океанию — 432 370 прибытий, или 2%, на Африку — 47 957 прибытий, т. е. меньше 1%. Все регионы, за исключением Австралии и Океании, продемонстрировали в 2019 г. положительную динамику числа туристов, при этом самый высокий показатель прироста тоже у Азии — 19,1% (Statistics. International visitors to Vietnam in December and the whole of 2019).

Доходы от туризма также служат одним из важнейших показателей туристической активности в стране. За 28 лет доходы Вьетнама от туризма выросли в 476 раз — с 57 млн долларов до почти 27 млрд долларов (Statistics. Total revenue from tourists during 1990–2018). Особенно ощутимый рост доходов происходил с 1990 по 1995 гг. (+550%), в 2013 г. (+81%), а также в 2017 г. (+30%) и 2018 г. (+18%). Можно заключить, что объем денежных поступлений от туризма во Вьетнаме стабильно демонстрирует положительную динамику.

В табл. 3 представлены страны, въездные туристы из которых принесли наибольший доход вьетнамской экономике в 2018 г.

Таблица 3.

Страны-лидеры по объему денежных поступлений от туризма в 2018 г., млрд долл.

	Страна	Объем денежных поступлений от туризма из страны
1	Китай	4,038
2	Республика Корея	3,923
3	США	0,951
4	Россия	0,878
5	Япония	0,763
6	Тайвань	0,652
7	Австралия	0,605
8	Малайзия	0,4
9	Великобритания	0,324
10	Таиланд	0,247

Источник: составлено по: Vietnam National Administration of Tourism, 2019. Р. 17.

По объему поступлений от туристов в бюджет СРВ на 1-м месте, ожидаемо, находится Китай, на 2-м — Республика Корея. Объем денежных поступлений от китайских туристов составляет 24,7% от общего объема. Доля поступлений от корейцев практически равна китайской — 24%. На 3-м месте располагаются США, на 4-м — Россия. Эти страны расположены на значительном удалении от Вьетнама, так что путешественники из них проводят больше времени в стране и, соответственно, уровень их расходов выше, чем у туристов из Азии. На 5-м месте — Япония, на 6-м — Тайвань, на 7-м — Австралия. Всего в 2018 г. доходы СРВ от туризма составили 27,1 млрд долларов США, увеличившись на 17% по сравнению с 2017 г.

Теперь необходимо проанализировать данные об уровне развития туристической инфраструктуры, которая представляет собой совокупность мест размещения, видов транспорта, транспортных узлов, а также туристических фирм и гидов-переводчиков при них

Количество мест размещения для туристов во Вьетнаме непрерывно увеличивается с 1990 г., т. е. с того момента, когда в страну начали массово прибывать иностранные туристы. В 2018 г. в СРВ насчитывалось 15 626 мест размещения на 353 293 номера.

В табл. 4 представлено распределение мест размещения туристов во Вьетнаме по видам в 2018 г.

Таблица 4.

Места размещения туристов во Вьетнаме по видам на 2018 г.

Тип места размещения	Количество мест	Прирост по сравнению с 2017 г., %	Количество номеров	Прирост по сравнению с 2017 г., %
5-тизвездочные гостиницы	140	20	46900	39
5-тизвездочные апартаменты для туристов	9	125	2864	204
4-тизвездочные гостиницы	270	4,2	35813	6,8
4-х звездочные апартаменты для туристов	4	33,3	742	50,2
3-х звездочные гостиницы	537	10,3	38170	11,5
2-х звездочные гостиницы	1620	11	57544	13
2-х звездочные апартаменты для туристов	1	0	20	0
1-звездочные гостиницы	3871	-18,4	76253	-13
1-звездочные апартаменты для туристов	6	200	336	900
Гостевые дома	7053	-	76525	-
Квартиры для туристов в домах жителей (хоумстэй)	1892	7,5	13400	-
Всего	15626	-10,3	353293	-4,7

Источник: составлено по: Vietnam National Administration of Tourism, 2019. P. 30.

Из данных табл. 4 следует, что во Вьетнаме среди мест размещения преобладает 1- и 2-х звездочная категория — 3986 и 1725 единиц соответственно, всего 5711 единиц, 136292 номеров в них. А 3-х звездочные отели демонстрируют умеренную динамику роста: 537 единиц, +10,3% по сравнению с 2017 г. В 2018 г. больше всего увеличилось число мест размещения 5-ти звездочной категории (140 отелей на 46900 номеров, +20% и +39% соответственно по сравнению с 2017 г.) (Vietnam National Administration of Tourism, 2019. Р. 32). Можно говорить об устойчивой тенденции к увеличению доли отелей и апартаментов 3–5 звездочной категории в общем количестве мест размещения во Вьетнаме.

Самое широкое распространение во Вьетнаме получили следующие сети отелей: *OYO Rooms, RedDoorz, Vinpearl Hotels and Resorts, Sheraton, Novotel, Crowne Plaza Hotels& Resorts, Hilton Hotels& Resorts, Holiday Inn Hotels& Resorts*. Отели во Вьетнаме, в большинстве случаев, отличаются достаточно высоким уровнем обслуживания и внимательным отношением персонала к гостям. Некоторые 3-х звездочные вьетнамские отели производят гораздо лучшее впечатление, чем 5-ти звездочные в Европе.

Нельзя не отметить, что во Вьетнаме у туристов с каждым годом все более популярным становится такой вид проживания, как «хоумстэй».

В Северном Вьетнаме сосредоточено 46% всех мест размещения в стране и 33,8% номерного фонда, в Центральном Вьетнаме — 32% и 42,6%, а в Южном Вьетнаме — 22% и 23,6% соответственно (Vietnam National Administration of Tourism, 2019. Р. 31).

Более 80% туристических прибытий в СРВ приходится на долю авиационного транспорта, который развивается в стране гораздо быстрее, чем все другие виды транспорта. В 2018 г. во Вьетнаме функционировало 22 аэропорта, из них 12 внутренних и 10 международных. Общее количество прибытий в аэропорты Вьетнама достигло 106 млн. В 2018 г. в СРВ вылеты по международным направлениям выполняли 68 иностранных авиакомпаний (среди них отмечаются как крупные международные перевозчики, такие как *Air France, Emirates, Qatar Airways, Singapore Airlines, United Airlines* и др., так и лоукостеры: *Air Asia, Jetstar Asia*, и др.) и 4 вьетнамских: *Vietnam Airlines, VietJet Air, Jetstar Pacific Airlines u Bamboo Airways* (Vietnam National Administration of Tourism, 2019. Р. 25).

На наземный (автомобильный и железнодорожный) транспорт приходится до 19% прибытий во Вьетнам. В 2014 г. протяженность автодорог во Вьетнаме составляла около 85000 км (До Хыонг Лан, 2014. С. 141). Железнодорожный транспорт не получил в стране должного развития, однако в последние годы отмечается повышенный интерес со стороны госструктур и туристических фирм Вьетнама к возможности модернизации имеющейся железнодорожной сети и пассажирских составов.

Что же касается водного транспорта, то на его долю приходится не более 1% всех перевозок. По статистике, в 2018 г. в СРВ прибыла более чем 200 круизных лайнеров с возможностью размещения 215306 пассажиров на борту. Самыми крупными морскими портами, принимающими международных туристов, являются: Халонг, Хонгай, Чанмай, Дананг, Куинен, Нячанг, Сайгон, Вунгтау, Фукуок (Vietnam National Administration of Tourism, 2019. Р. 26).

Во Вьетнаме, одновременно с ростом количества въездных туристов, с каждым годом увеличивается число туристических компаний, занятых организацией международного туризма. В 2015 г. их насчитывалось 1564, в 2016 г. — 1600, в 2017 г. — 1752, а по состоянию на 2018 г. зарегистрировано 2178 таких фирм (Vietnam National Administration of Tourism, 2019. Р. 23).

На конец 2018 г. во Вьетнаме аккредитован 24 071 туристический гид, из них 15 056 гидов-переводчиков с иностранным языком, 8746 гидов — с вьетнамским языком и 269 «локальных гидов» (Vietnam National Administration of Tourism, 2019. Р. 27). Большинство гидов, работающих с иностранцами, ведут экскурсии на английском языке (7 878 гидов, или 52,3% от всех гидов-переводчиков), что неудивительно, ведь английский язык в настоящее время служит языком международного общения и позволяет знающему его гиду быть «универсалом» и работать с гостями из почти всех стран мира (преимущественно, конечно, с туристами из Великобритании, США, Канады, Австралии, а также Кореи). 2-й по популярности язык — китайский: на нем работает 3 652 гида (24,3%, что меньше на 8% по сравнению с долей китайских туристов во въездном турпотоке); на 3-м месте — французский язык (1283 гида, 8,5%).

Сравнение конкурентоспособности сферы туризма Вьетнама и других стран Юго-Восточной Азии

Анализ современного состояния туристической отрасли Вьетнама позволяет сравнить уровень ее развития с отраслями туризма других стран АСЕАН. Ниже представлен рис. 1, на котором можно видеть индекс конкурентоспособности стран АСЕАН в сфере туризма, составленный специалистами Всемирного Экономического Форума:

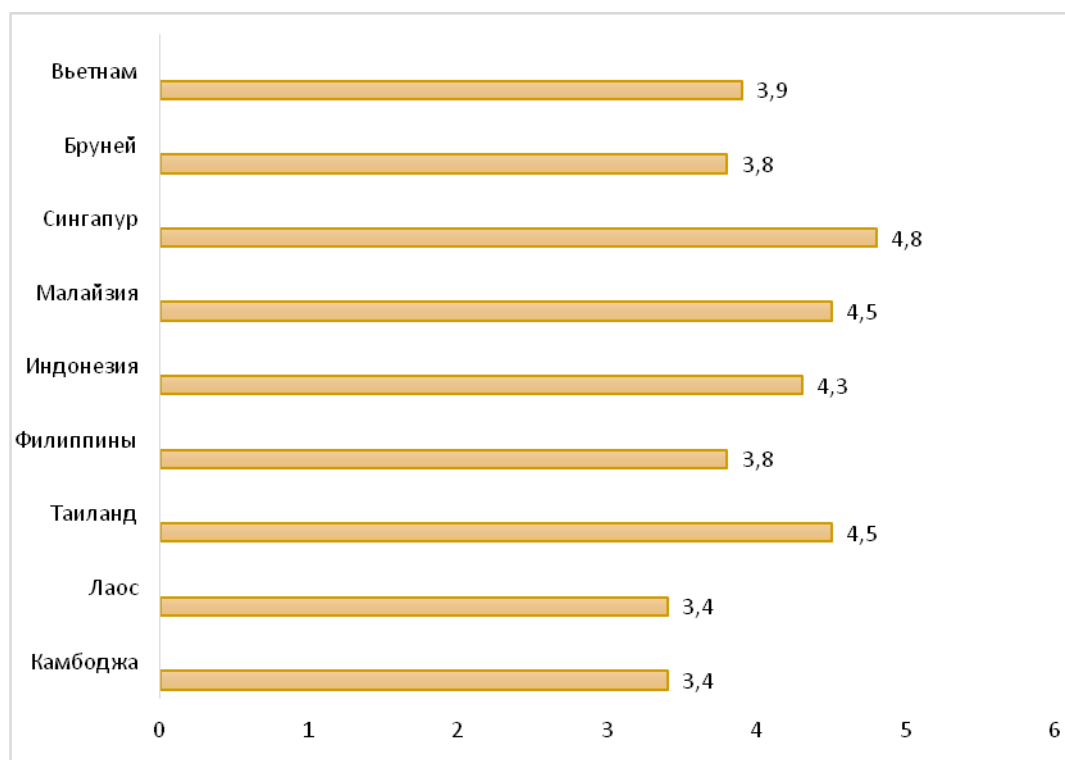

Рис. 1. Индекс конкурентоспособности стран АСЕАН в сфере туризма в 2018 г.
Источник, составлено по: World Economic Forum, 2019. Р. 65.

Выше всего конкурентоспособность в сфере туризма у таких стран АСЕАН, как Сингапур (экономический лидер региона), Таиланд, Малайзия и Индонезия. Эти страны остаются самыми развитыми в ЮВА и уже давно уделяют большое внимание развитию

туристического сектора. Вьетнам по уровню конкурентоспособности в сфере туризма в АСЕАН находится на 5-м месте после Индонезии, а в мире занимает 63-е место.

В табл. 5 представлена оценка конкурентоспособности туристической отрасли СРВ по 14-ти важнейшим показателям, подготовленная специалистами Всемирного Экономического Форума.

Следует отметить, что в 2015 г. Вьетнам по уровню конкурентоспособности в мире занимал 75-е место, в 2017 г. — уже 67-е место, а в 2019 г. поднялся на 63-е место (Vietnam's tourism has achieved a golden feat of growth in 2019. Industry and Trade Newspaper), что служит еще одним доказательством больших успехов вьетнамского государства в деле развития национального туризма (к примеру, Сингапур и Малайзия за тот же период ухудшили свои позиции: Сингапур опустился с 11-го места в 2015 г. на 17-е в 2019 г., а Малайзия — с 25-го места в 2015 г. на 29-е в 2019 г. (World Economic Forum, 2019. Malaysia. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition; World Economic Forum, 2019. Singapore. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition)).

Таблица 5.

Показатели конкурентоспособности сферы туризма Вьетнама

Показатель	Место	Балл
Международная открытость	58	3,7
Приоритет сферы путешествий и туризма	100	4,1
Готовность к использованию ИКТ	83	4,3
Человеческие ресурсы и рынок труда	47	4,8
Гигиена, медицина	91	5
Безопасность	58	5,6
Бизнес-среда	67	4,4
Ценовая конкурентоспособность	22	5,9
Экологическая устойчивость	121	3,8
Инфраструктура воздушного транспорта	50	3,4
Наземная и портовая инфраструктура	84	3
Туристическая инфраструктура	106	2,8
Природные ресурсы	35	3,8
Культурные ресурсы & деловые поездки	29	2,9
Итого	63	3,9

Источник: составлено по: World Economic Forum, 2019. Vietnam. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition.

На основании табл. 5 можно заключить, что слабыми сторонами туристической отрасли Вьетнама являются:

1) Уровень развития туристической инфраструктуры (2,8 балла из 7, 106-е место в мире). Причины низкой оценки Вьетнама по показателю туристической инфраструктуры: отмечается недостаточное предложение, а где-то и полное отсутствие дополнительных туристических услуг, таких как спа, дискотек, других развлекательных мероприятий; по-прежнему оставляет желать лучшего отельная и пляжная инфраструктура; имеется недостаток квалифицированных гидов-переводчиков и работников туристической сферы; большая часть отелей во Вьетнаме пока не работает по модели «all inclusive». Главные конкуренты Вьетнама по АСЕАН имеют куда более высокие оценки по этому показателю (Малайзия — 4,5 балла, 57-е место в мире, Сингапур — 5,1 балл, 36-е место в мире,

Таиланд — 5,9 балла, 14-е место в мире (World Economic Forum, 2019. Malaysia. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition; World Economic Forum, 2019. Singapore. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition; World Economic Forum, 2019. Thailand. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition). Таким образом, по этому показателю туризм во Вьетнаме сильно проигрывает в регионе, особенно соседнему Таиланду.

2) Экологическая устойчивость (3,8 балла из 7, 121-е место в мире). Интенсивное промышленное развитие и стремительное увеличение въездного турпотока привели к невероятному ухудшению экологической ситуации во Вьетнаме в последние десятилетия. Происходит масштабное загрязнение земель, рек, прибрежных зон, воздуха (Ханой занимает 2-е место в мире по уровню загрязнения воздуха после Пекина), вырубка лесов, разрушение сложившихся природных экосистем. Кроме того, природа Вьетнама все еще не оправилась от последствий войны с США и массового применения агента «Оранж». Пока что вьетнамское правительство уделяет недостаточное внимание экологическим проблемам в стране. Все страны АСЕАН, за исключением Сингапура (4,3 балла, 63-е место в мире (World Economic Forum, 2019. Singapore. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition)), имеют низкие оценки по данному показателю, так что проблема остается актуальной для всего региона.

3) Уровень гигиены и медицины (5 баллов из 7, 91-е место в мире). Система медицинского страхования туристов во Вьетнаме не идеальна, а для многих туристических зон все еще характерна типичная для страны антисанитария. И хотя в последнее время этой проблеме стали уделять куда больше внимания, страна по этому показателю уступает Сингапуру (5,6 балла, 60-е место в мире), Малайзии (5,3 балла, 75-е место в мире), но находится выше Индонезии (4,5 балла, 102-е место в мире) (World Economic Forum, 2019. Malaysia. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition; World Economic Forum, 2019. Singapore. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition; World Economic Forum, 2019. Thailand. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition; World Economic Forum, 2019. Indonesia. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition).

4) Приоритет сферы путешествий и туризма в государстве (4,1 балла из 7, 100-е место в мире). В последнее десятилетие правительство СРВ стало уделять значительно больше внимания развитию туристической отрасли: в 2017 г. сфера туризма была признана одной из ключевых в экономике страны. Тем не менее, по этому показателю ведущие страны АСЕАН все-равно значительно опережают Вьетнам (Сингапур — 6,1 балла, Таиланд — 5,1 балла, Малайзия — 4,8 баллов, Индонезия — 5,9 баллов) (World Economic Forum, 2019. Malaysia. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition; World Economic Forum, 2019. Singapore. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition; World Economic Forum, 2019. Thailand. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition; World Economic Forum, 2019. Indonesia. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition), так что СРВ и дальше следует повышать уровень приоритизации сферы туризма.

5) Готовность к использованию ИКТ (4,3 балла из 7, 83-е место в мире). По показателю готовности к использованию ИКТ Вьетнам также сильно уступает странам-лидерам АСЕАН (Сингапур — 6,1 балла, Таиланд — 5,2 балла, Малайзия — 5,4 балла, Индонезия — 4,7 балла) (World Economic Forum, 2019. Malaysia. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition; World Economic Forum, 2019. Singapore. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition; World Economic Forum, 2019. Thailand. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition; World Economic Forum, 2019. Indonesia. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition).

Competitiveness Index 2019 Edition). Правительству СРВ необходимо проводить дальнейшую работу по внедрению ИКТ и достижений Индустрии 4.0 в национальную экономику, в том числе и в туристическую отрасль.

В свою очередь, сильными сторонами туристической отрасли Вьетнама остаются:

1) Ценовая конкурентоспособность (5,9 баллов из 7, 22-е место в мире): отдых во Вьетнаме действительно гораздо дешевле, чем в Таиланде и Сингапуре, хотя Индонезия и Малайзия обходят Вьетнам по этому показателю (6,2 балла, 6-е место в мире; 6,3 балла, 5-е место в мире соответственно) (World Economic Forum, 2019. Malaysia. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition; World Economic Forum, 2019. Singapore. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition; World Economic Forum, 2019. Thailand. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition; World Economic Forum, 2019. Indonesia. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition).

2) Безопасность (5,6 балла, 56-е место в мире), больше показатель только у Сингапура — 6,4 балла, 6-е место в мире (World Economic Forum, 2019. Singapore. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition).

3) Уровень развития инфраструктуры воздушного транспорта (3,4 балла, 50-е место в мире).

4) Наличие культурных ресурсов и условий для деловых поездок (2,9 балла, 22-е место в мире — по этому показателю СРВ опережает даже Сингапур, оценка которого составляет 2,5 балла, 38-е место в мире) (World Economic Forum, 2019. Singapore. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition).

5) Наличие природных ресурсов для развития туризма (3,8 балла, 35-е место в мире).

Таким образом, туристическая отрасль Вьетнама, несмотря на наличие ряда недостатков, обладает большим потенциалом для дальнейшего развития.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1) Туристическая отрасль остается важной сферой национальной экономики для всех государств-членов АСЕАН, включая Вьетнам.

2) Туристическая отрасль в современном Вьетнаме — одна из ключевых сфер национальной экономики: в 2018 г. ее вклад в ВВП страны составил 8,39%, а доходы от сферы туризма достигли около 27 млрд долларов США.

3) С 1990 по 2018 гг. количество международных прибытий во Вьетнам выросло до 18 млн прибытий, т. е. в 72 раза. В 2019 г. большинство туристов прибыло из следующих стран: Китай, Республика Корея, Япония, Тайвань, США, Россия, Малайзия, Таиланд, Австралия и Великобритания. 80% въездных прибытий приходится на Азию.

4) В 2018 г. во Вьетнаме зарегистрировано 15 626 мест размещения на 353 293 номера. Преобладает 1- и 2-х звездочная категория размещения — 3986 и 1725 единиц соответственно. Имеется тенденция к увеличению удельной доли отелей и апартаментов 3-5 звездочной категории.

5) Более 80% прибытий во Вьетнам совершается авиационным транспортом. В 2018 году во Вьетнаме функционировало 22 аэропорта — из них 12 внутренних и 10 международных. На наземный транспорт приходится до 19% прибытий, на водный — около 1%.

6) Сильными сторонами туристической отрасли Вьетнама являются: ценовая конкурентоспособность, безопасность, уровень развития инфраструктуры воздушного транспорта, наличие культурных ресурсов и условий для деловых поездок, наличие природных ресурсов для развития туризма.

7) Слабыми сторонами туристической отрасли Вьетнама являются: уровень развития туристической инфраструктуры, экологическая устойчивость, уровень гигиены и медицины, приоритет сферы путешествий и туризма в государстве, использование ИКТ (4,3 балла из 7, 83-е место в мире).

По прогнозам, сделанным в 2019 г., предполагалось, что Вьетнам в 2020 г. примет не менее 20,5 млн иностранных туристов, а доходы от сферы туризма должны были составить не менее 35,5 млрд долларов США (Số liệu..., 2019). Однако эпидемия коронавируса, переросшая к марту 2020 г. в пандемию, нанесла огромный ущерб вьетнамской экономике и привела к значительному сокращению международных туристских прибытий в страну и доходов от отрасли: по предварительным оценкам, Вьетнам в 1-м квартале недосчитался 3,7–4,7 млн туристов, а потери сферы туризма от пандемии составляют от 5,9 до 7,7 млрд долларов. Понятно, что в нынешних непростых условиях сфере туризма не только во Вьетнаме, но и во всем мире придется приспосабливаться к новым условиям работы: отныне необходимо обеспечивать социальное дистанцирование отдыхающих, проводить регулярную дезинфекцию в местах размещения и питания, отказаться от проведения массовых увеселительных мероприятий. Как с этими вызовами справится сфера туризма — покажет время.

Список литературы

1. Джусь Е. И. (2016) Особенности современного состояния туристских связей России и Вьетнама: выпускная квалификационная работа, направление: Организация туристской деятельности со странами Азии и Африки — Вьетнам, специальность: 100200 «Туризм». [Jus E. I. (2016) Specificities of the current state of tourism relations between Russia and Vietnam: final qualification work. (In Russian).]
2. До Хыонг Лан (2014) Потенциал и состояние привлечения иностранных туристов во Вьетнам // Вьетнамские исследования. №4. С. 139–149 [Do Huong Lan (2014) Potential and state of attracting foreign tourists to Vietnam // Vietnamese studies №4. P. 139–149. (In Russian).]
3. Сафина С. С. (2017) Анализ туристской конкурентоспособности стран Азиатско-Тихоокеанского региона / Сафина С. С., Амосова Г. М. // Известия Санкт-Петербургского Государственного Экономического Университета. №2. С. 30–37 [Safina S. S. (2017) Analysis of the tourist competitiveness of the Asia-Pacific region / Safina S. S., Amosova G. M. // St. Petersburg State Economic University Bulletin. №2. P. 30–37. (In Russian).]
4. Чан Фыонг Май. (2015) Человеческие ресурсы в сфере туризма Вьетнама: проблемы и решения // Чан Фыонг Май // Вестник Университета. №11. С. 272–278. [Tran Phuong Mai (2015) Human resources in Vietnam's tourism sector: problems and solutions // Tran Phuong Mai // University Bulletin. №11. P. 272–278. (In Russian).]
5. Черненко Е. Ф. (2019) Вьетнам. Развитие туристической отрасли (на примере острова Фукуок) / Черненко Е. Ф., Петрович-Белкин О. К. // Азия и Африка сегодня. № 6. С. 70–74. [Chernenko E. F. (2019) Vietnam. Development of the tourism industry (on the example of

Phu Quoc Island) / Chernenko E. F., Petrovich-Belkin O. K. // Asia and Africa today. № 6. P. 70–74. (In Russian).]

6. ASEAN (2019) ACEAN Integration Report (2019). Jakarta: ASEAN.
7. Bee Chin (2008) Tourism & Economic Development in Vietnam / Bee Chin — Birmingham: The University of Birmingham.
8. The World Bank (2019) Taking stock: recent economic developments of Vietnam. Special Focus: Vietnam's tourism developments. Washington: The World Bank.
9. World Tourism Organization (2019) International Tourism Highlights 2019 Edition — Madrid: World Tourism Organization.
10. Tổng Cục Du Lịch (2019) Báo cáo Thường niên Du lịch Việt Nam 2018. Hà Nội: NXB Lao Động. [Vietnam National Administration of Tourism (2019) Vietnam Annual Tourism Report 2018. Hanoi: Lao Dong Publishing House. (In Vietnamese).]
11. World Economic Forum (2019). The Travel & Tourism Competitiveness Report 2019 – Geneva: World Economic Forum
12. World Economic Forum (2019) Indonesia. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition. URL: http://reports.weforum.org/travel-and-tourism-competitiveness-report-2019/country-profiles/?doing_wp_cron=1587579188.6525380611419677734375#economy=IDN.
13. World Economic Forum (2019) Malaysia. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition. URL: http://reports.weforum.org/travel-and-tourism-competitiveness-report-2019/country-profiles/?doing_wp_cron=1587579188.6525380611419677734375#economy=MYS.
14. World Economic Forum (2019) Singapore. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition. URL: http://reports.weforum.org/travel-and-tourism-competitiveness-report-2019/country-profiles/?doing_wp_cron=1587579188.6525380611419677734375#economy=SGP.
15. World Economic Forum (2019) Thailand. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition. URL: http://reports.weforum.org/travel-and-tourism-competitiveness-report-2019/country-profiles/?doing_wp_cron=1587579188.6525380611419677734375#economy=THA.
16. World Economic Forum (2019). Vietnam. Travel & Tourism Competitiveness Index 2019 Edition. URL: http://reports.weforum.org/travel-and-tourism-competitiveness-report-2019/country-profiles/?doing_wp_cron=1587579188.6525380611419677734375#economy=VNM.
17. Bạn từng giúp đất nước bằng việc ở nhà, bây giờ bạn lại giúp đất nước bằng việc đi khắp Việt Nam. URL: <https://kenh14.vn/ban-tung-giup-dat-nuoc-bang-viec-o-nha-bay-gio-ban-lai-giup-dat-nuoc-bang-viec-di-khap-vietnam-20200505041937261.chn>. [You used to help the country by staying at home, now you can help the country by going around Vietnam. (In Vietnamese).]
18. Du lịch Việt Nam đạt kỳ tích vàng tăng trưởng trong năm 2019. Báo Công Thương điện tử. URL: <https://congthuong.vn/du-lich-viet-nam-dat-ky-tich-vang-tang-truong-trong-nam-2019-131098.html>. [Vietnam's tourism has achieved a golden feat of growth in 2019. Industry and Trade Newspaper. (In Vietnamese).]
19. Du lịch Việt Nam nỗ lực vượt qua cơn khủng hoảng COVID-19. Vietnamnet. URL: <https://vietnamnet.vn/vn/kinh-doanh/dau-tu/du-lich-viet-nam-no-luc-vuot-qua-con-khung-hoang-covid-19-616531.html>. [Vietnam tourism strives to overcome the COVID-19 crisis. (In Vietnamese).]
20. Số liệu thống kê. Khách quốc tế đến Việt Nam tháng 12 và cả năm 2019. Tổng Cục Du lịch Việt Nam. URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/statistic/international?txtkey=&year=2019&period=t12>.

[Statistics. International visitors to Vietnam in December and the whole of 2019. Vietnam National Administration of Tourism. (In Vietnamese).]

21. Số liệu thống kê. Tổng thu từ khách du lịch giai đoạn 2008-2018. Tổng Cục Du lịch Việt Nam. URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/statistic/receipts>. [Statistics. Total revenue from tourists during 1990-2018. Vietnam National Administration of Tourism. (In Vietnamese).]

Specificities of the tourism sector of the Socialist Republic of Vietnam at the present stage

Anton Sergeevich Shakhigulin

*Master of Economics, Faculty of Oriental Studies, Saint-Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*

The article examines the state of the tourism industry in the Socialist Republic of Vietnam at the present stage.

Author emphasizes the important role of the ASEAN's regional association in the international tourism relations system. The most widespread types of tourism in Vietnam are identified. The data on inbound tourism to Vietnam over the past few years is systematized and analyzed according to the most important indicators, which are: number of inbound tourist arrivals and income from tourism. Article gives an assessment of Vietnam's tourism infrastructure, which includes: tourist accommodation, transport infrastructure, the number of travel companies and guides accredited to them. The strengths and weaknesses of the Vietnamese tourism sector are identified. The Travel & Tourism Competitiveness Index of the Socialist Republic of Vietnam is compared with The Travel & Tourism Competitiveness Indexes of the other ASEAN's countries.

Key words: *Tourism, Vietnam, Tourism in Vietnam, ASEAN, Inbound tourism, Tourist infrastructure, Travel & Tourism Competitiveness Index.*

JEL codes: *L83, N75, O53.*

ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ / INNOVATION AND TECHNOLOGY

**Методологические основы применения результатов проекта
«Цифровая Земля» для решения задач народного хозяйства**

**Виктор Иванович Меденников¹,
Елена Викторовна Бутрова²**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-010-00619 "Разработка методологии применения результатов проекта «Цифровая Земля» для решения задач народного хозяйства и модель прогноза экономического эффекта их применения в контексте цифровизации России".

В статье рассматриваются тенденции развития технологий дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) в контексте развития цифровизации мировой экономики, на основании чего предложены методологические основы применения результатов проекта «Цифровая Земля» для решения задач народного хозяйства. Показано, что совершенствование информационно-коммуникационных технологий, электронно-оптической съемочной аппаратуры, формирование глобальных систем позиционирования дают возможность решать широкий круг задач в интересах многих отраслей, что требует в свою очередь привлечения существенно большего объема необходимой информации, как непосредственной отраслевой, так и информации из смежных отраслей. Значительный объем совместно используемой информации выдвигает ряд основных методологических условий, присущих цифровой экономике — требование интеграции как информационных отраслевых систем, так и информационных ресурсов на основе комплексного подхода. В работе приведены исследования по интеграции данных дистанционного зондирования Земли в растениеводстве с формированием единой ее онтологической модели для всего сельского хозяйства и смежных отраслей, использующих данные ДЗЗ. Рассмотрены причины отсутствия перехода к интеграционным технологиям ДЗЗ, как в отрасли, так и в стране.

Ключевые слова: дистанционное зондирование Земли, методология, интеграция, Цифровая Земля, модель.

JEL коды: E42, N15.

¹ Меденников Виктор Иванович — доктор технических наук, ведущий научный сотрудник, Вычислительный центр им. А. А. Дородницына, ФИЦ ИУ РАН, г. Москва, Россия.

² Елена Викторовна Бутрова — кандидат технических наук, доцент кафедры прикладной экономики экономического факультета РУДН, Москва, Россия.

Введение

За прошедшие десятилетия в техническом и прикладном плане применение данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) достигло небывалого прогресса. Особенно это мы видим в последние годы, когда наблюдается качественный скачок: количество съемок, прежде всего с помощью оптико-электронной аппаратуры и программного обеспечения для обработки снимков, растет столь стремительно, что потенциальным пользователям трудно остановиться в выборе временной точки начала использования технологий ДЗЗ, будучи уверенными в появлении в ближайшем будущем более совершенных и дешевых технологий. Совершенствование этих технологий привело к активному внедрению данных ДЗЗ во многие отрасли человеческой деятельности со значительным расширением круга решаемых задач — от мониторинговых до автоматического принятия решений на основе искусственного интеллекта (Носенко & Лошкарев, 2019; Сыздыков, 2020).

Такая появившаяся возможность требует также и привлечения существенно большего объема необходимой информации, как непосредственно отраслевой, так и из смежных отраслей, что создает значительный объем ее пересечения. А для этого необходимо выполнить основное требование цифровой экономики — интеграцию как информационных отраслевых систем, так и пересекающихся информационных ресурсов на основе некоторых выработанных цифровых стандартов в результате либо рыночного взаимодействия экономических агентов, либо решений государственных органов.

Поскольку данные ДЗЗ начали активно применяться во многих отраслях экономики, таких как картография, экология, лесное и сельское хозяйство, обустройство земель, геология, логистика, строительство, трубопроводные системы, погода и климат, океанология и т.°д., то они должны постепенно приобрести статус инфраструктурных технологий общего назначения, идею которых впервые выдвинул Пол Дэвид (David, 1990). Таким образом, технологии ДЗЗ должны сыграть в мировом развитии ключевую роль, аналогично роли железных дорог, электрических сетей, телеграфной и телефонной связи. Поэтому в работе рассматриваются методологические основы применения результатов проекта «Цифровая Земля» в контексте движения технологий ДЗЗ к статусу инфраструктурных технологий общего назначения для решения задач народного хозяйства (Проект «Цифровая Земля», 2020).

Применение ДЗЗ в различных отраслях экономики

Как уже отмечалось выше, основное требование цифровой экономики — интеграция как информационных систем (ИС), так и информации, используемой для решения ее задач. Данный процесс реализуется более быстрыми темпами в отраслях с незначительной долей материально-технических ресурсов и более структурированной информацией, например, в логистике (Взгляд в будущее, 2019; Логистика будущего, 2019), в государственных услугах, в банковской деятельности, в сфере связи и т. д. Это неизбежно произойдет и в технологиях ДЗЗ, данные которых необходимы потребителям по всей цепочке их использования. Для чего рассмотрим лишь те данные ДЗЗ в различных отраслях страны, которые используются в сельском хозяйстве с целью оценки уровня интеграции этих данных, поскольку в этой отрасли технологии ДЗЗ предполагают наибольшее развитие в силу пространственного

характера основной ее деятельности (Сутырина, 2013; Умное фермерство, 2020; Малышева, 2012).

2.1. *ДЗЗ в аграрной картографии.* Инвентаризация и картирование полей, мониторинг границ рабочих участков полей, решение задач установления границ землепользований и определение их площадей для последующей разработки систем ведения сельского хозяйства.

2.2. *ДЗЗ в метеорологии и климатологии в интересах сельского хозяйства.* Именно в этом направлении данные ДЗЗ начали применять первыми. На ранних этапах данные ДЗЗ использовались исключительно в этих целях на базе метеорологических спутников. Снимки из космоса дают картину строения облачного покрова и циркуляцию воздушных масс в нем с отображением территориального теплового баланса, изменения водяного состава в виде пара, температуры в атмосфере, состояния озонового слоя и массы других показателей (Ereshko, Kokuytseva, 2017).

2.3. *ДЗЗ в гидрологии.* Технологии ДЗЗ в этом случае остаются основой для мониторинга половодья и паводка; процессов снеготаяния, водосборов, водозаборов; контроля испарений, осадков, качества и запасов воды в почве и снеге; дают возможность прогнозировать гидрологические ситуации и т. д.

2.4. *ДЗЗ в лесном хозяйстве.* Технологии ДЗЗ в этой отрасли пересекаются с сельским хозяйством при мониторинге лесных массивов лесопосадок, раннего обнаружения пожаров, вредителей, заболеваний деревьев. Кроме того, в силу того, что растительные объекты в этих отраслях являются основными, то интеграция их может быть по инструментарию автоматизированного дешифрирования снимков растительного покрова на основе различных вегетационных индексов, например, наиболее известного индекса *NDVI*, отражающего количество активной биомассы.

2.5. *ДЗЗ в охране окружающей среды.* Поскольку антропогенный характер неблагоприятного воздействия людей на природу, на сельскохозяйственные угодья хорошо отслеживается на снимках ДЗЗ, то такая информация позволяет организовать соответствующий мониторинг, прогноз развития экологической ситуации с последующим принятием решения по минимизации последствий негативного воздействия.

2.6. *ДЗЗ при чрезвычайных ситуациях.* Технологии ДЗЗ в этом случае остаются основой для оперативного мониторинга, прогноза и оценки последствий чрезвычайных ситуаций при наводнениях, землетрясениях, что позволит принять более грамотное решение по борьбе с последствиями этих бедствий.

Необходимость интеграции данных ДЗЗ различных отраслей экономики

Проанализируем, как используются рассмотренные выше отраслевые данные ДЗЗ в задачах сельского хозяйства. На рис. 1 представлена единая онтологическая информационная модель растениеводства на основе интеграции 240 функциональных задач только в растениеводстве, полученная в результате реализации проекта «Электронизация сельского хозяйства», аналогичного современному проекту по цифровой экономике, объединенными усилиями ведущих НИИ РАСХН (Меденников, 2018).

Так, метеорологические данные ДЗЗ представлены в 168 атрибутах раздела «Атмосфера» и в 46 — «Агрометеорологическая характеристика поля». На сегодняшний день метеорологические данные получают не только из космоса и с летательных аппаратов, но и от автоматических метеостанций, устанавливаемых на полях с набором

специализированных датчиков, позволяющих измерять такие параметры: направление и скорость ветра; температуру и влажность воздуха; количество осадков; точку росы; солнечную радиацию; коэффициенты испарения. ДЗЗ в аграрной картографии отражается в разделе «Земля», в котором в подразделе «Поле» имеется 29 атрибутов и в подразделе «Участок» — 43 атрибута.

Рис. 1. Укрупненная концептуальная схема растениеводства.

Источник: Меденников, 2018.

Гидрологические данные ДЗЗ имеют пересечение с атрибутами разделов «Атмосфера» и «Земля». Самые распространенные датчики в сельском хозяйстве — это сенсоры влажности почвы, их применяют сельхозпроизводители, которые выращивают культуры на орошении. Датчик влажности не только покажет запас продуктивной влаги, но и даст необходимую информацию для управления ирригацией и т. д. Остальные отрасли в той или иной мере также имеют пересечения в части атрибутов с этими же разделами.

Анализ проблем интеграции данных ДЗЗ

Большой интерес к точному земледелию (ТЧЗ) на основе технологий ДЗЗ в развитых странах продиктован все более усложняющимися и дорогими традиционными технологиями повышения эффективности и качества продукции сельского хозяйства, подобно возрастанию уровня сложности майнинга каждого нового биткоина (Бутрова и др., 2019). Так, предсказывается снижение до 20% на гектар топлива, семян, удобрений (Точное земледелие, 2020). В России же предел традиционных факторов повышения экономических показателей еще не скоро будет достигнут. Поэтому цифровизация отрасли рассматривается как один из ряда других факторов: выведение более продуктивных сортов растений, изобретение более энергоэффективной сельскохозяйственной техники, создание оптимальной агротехнологической системы ведения сельского хозяйства, появление эффективных средств защиты и питания растений.

По этой причине во время совещания В. В. Путина по проблемам сельского хозяйства, состоявшегося 25.05.2020 г., не прозвучало даже упоминания о цифровизации отрасли. Сегодня в АПК, как и во всей национальной экономике, доминирует «позадачный» метод разработки и внедрения программного обеспечения, когда у различных производителей приобретаются отдельные, так называемые «готовые» программные комплексы, не связанные ни функционально, ни информационно.

На основании указанных причин Минсельхоз в концепцию национальной платформы «Цифровое сельское хозяйство», разработанную в 2019 г., заложил вновь «позадачный» подход в виде перечня подплатформ, состав которых и определяет саму платформу: подплатформа сбора статистических данных агропромышленного комплекса, подплатформа обеспечения информационной поддержки и предоставления услуг, подплатформа цифрового землепользования и землеустройства, подплатформа хранения и распространения информационных материалов, подплатформа прослеживаемости продукции АПК, подплатформа агрометеопрогнозирования, сервис многофакторного оперативного мониторинга, диагностики и упреждающего моделирования развития болезней сельскохозяйственных культур.

Выводы

Переход к интеграции информационных ресурсов ДЗЗ в интересах сельского хозяйства и смежных отраслей на основе комплексного подхода создаст условия для превращения ДЗЗ в систему научно-обоснованных инфраструктурных технологий для всей страны с существенным повышением эффективности их использования.

Список литературы

1. David P. A. (1990) The dynamo and the computer: an historical perspective on the modern productivity paradox, *The American Economic Review*, American Economic Association. Vol. 80(2). Pp. 355–361.
2. Ereshko A. F., Kokuytseva T. V. (2017) Computable models of the cooperation of digital economies / *Proceedings of 2017 10th International Conference Management of Large-Scale System Development, MLSD 2017 10*. 2017. P. 810–617.
3. Бутрова Е. В., Меденников В. И., Кокуйцева Т. В., Ковков Д. В. (2019) Теоретические основы применения геоинформационных систем в сельском хозяйстве // *Вопросы электромеханики. Труды ВНИИЭМ*. Т. 171. № 4. С. 53–64. [Butrova E. V., Medennikov V. I., Kokuitseva T. V., Kovkov D. V. (2019) Theoretical bases of application of geoinformation systems in agriculture // *Questions of electromechanics. Proceedings of VNIIEМ*. Vol. 171. No. 4. Pp. 53–64. (In Russian).]
4. Взгляд в будущее: логистика 2013–2050 (2019) URL: <http://brainteam.ru/vzglyad-v-budushhee-logistika-2013-2050/>. [Looking to the future: logistics 2013–2050 (2019). (In Russian).]
5. Логистика будущего: мечты или реальность? (2019) URL: https://new-retail.ru/business/logistika_budushchego_mechty_ili_realnost9611/. [Logistics of the future: dreams or reality? (In Russian).]

6. Малышева Н. В. (2012) Автоматизированное дешифрирование аэрокосмических изображений лесных насаждений. М.: МГУЛ, 154 с. [Malysheva N. V. (2012) Automated decoding of aerospace images of forest plantations, Moscow: MGUL, 154 p. (In Russian).]
7. Меденников В. И. (2018) Единое информационное Интернет-пространство АПК на основе идей А.И. Китова и В.М. Глушкова об ОГАС. Цифровая экономика. № 3. С. 69–74. [Medennikov V. I. (2018). Unified information Internet space of the agro-industrial complex based on the ideas of A. I. Kitov and V. M. Glushkov about OGAS. Digital economy, No. 3, Pp. 69–74. (In Russian).]
8. Носенко Ю. И., Лошкарев П. А. (2019) ЕТРИС ДЗЗ — проблемы, решения, перспективы (Часть 1). URL: <https://geomatica.ru/clauses/304/> [Nosenko Yu. I., Loshkarev P. A. (2019) ETRIS remote sensing-problems, solutions, prospects (Part 1). (In Russian).]
9. Проект «Цифровая Земля» (2020) URL: <https://www.rosocosmos.ru/23571/> [The Project «Digital Earth». (In Russian).]
10. Сутырина Е. Н. (2013) Дистанционное зондирование земли. Иркутск, изд-во ИГУ. [Sutyryna E. N. (2013) Remote sensing of the earth. Irkutsk, publishing house of Irkutsk state University. (In Russian).]
11. Сыздыков Б. Ш. (2020) Интеграция сельского хозяйства в цифровую индустрию: зарубежный опыт и Казахстан. URL: <http://www.rusnauka.com/pdf/251762.pdf> [Syzdykov B. Sh. (2020) Integration of agriculture into the digital industry: foreign experience and Kazakhstan. (In Russian).]
12. Точное земледелие: принцип работы и перспективы (2020). URL: <https://сельхозпортал.рф/articles/tochnoe-zemledelie/> [Precision farming: principle of operation and prospects (2020). (In Russian).]
13. Умное фермерство: Обзор ведущих производителей и технологий (2020). URL: <http://geoline-tech.com/smartfarm/> [Smart farming: Overview of leading manufacturers and technologies (2020). (In Russian).]
14. Шкваря Л. В. (2013) Индонезия и космос // Азия и Африка сегодня. № 9 (674). С. 45–48. [Shkvarya L. V. (2013) Indonesia and the cosmos // Asia and Africa today. No. 9 (674). Pp. 45–48. (In Russian).]

Methodological basis for applying the results of the Digital Earth project to solve the problems of the national economy

Viktor Ivanovich Medennikov,

*Computer Center of A.A. Dorodnitsyn of FRC «Computer Science and Control» of RAS,
Moscow, Russia*

Elena Viktorovna Butrova,

*PhD (Technical Sciences), associate Professor, Department of applied Economics, faculty of
Economics, RUDN University, Moscow, Russia.*

The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of the scientific project No. 19-010-00619 "Development of a methodology for applying the results of the Digital Earth project to solve problems of the national economy and a model for predicting the economic effect of their application in the context of digitalization of Russia".

The article examines the trends in the development of remote sensing technologies in the context of the development of digitalization of the world economy, on the basis of which the methodological basis for applying the results of the Digital Earth project to solve the problems of the national economy is proposed. It is shown that the improvement of information and communication technologies, electronic-optical survey equipment, and the formation of global positioning systems make it possible to solve a wide range of tasks in the interests of many industries, which in turn requires attracting a significantly larger amount of necessary information, both direct industry and information from related industries. A significant amount of shared information puts forward a number of basic methodological conditions inherent in the digital economy-the requirement to integrate both information industry systems and information resources on the basis of an integrated approach. The paper presents research on the integration of remote sensing data In crop production with the formation of a single ontological model for the entire agriculture and related industries that use remote sensing data. The reasons for the lack of transition to integrated remote sensing technologies, both in the industry and in the country, are considered.

Keywords: remote sensing of the Earth, methodology, integration, Digital Earth, model.

JEL codes: E42, N15.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC LIFE

О Межвузовской научно-практической конференции «Глобальная нестабильность и цифровые технологии: реалии XXI века»**Татьяна Владимировна Кокуйцева¹**

«Новые идеи надо поддерживать. Немногие имеют такую смелость, но это очень драгоценное свойство людей»

К. Э. Циолковский

В Российском университете дружбы народов 27 ноября 2020 года состоялась Межвузовская научно-практическая конференция «Глобальная нестабильность и цифровые технологии: реалии XXI века».

Организатор Форума — Центр управления отраслями промышленности Российского университета дружбы народов (ЦУП РУДН), соорганизаторы — рецензируемый журнал «Россия и Азия»; Центр азиатских исследований Российского университета дружбы народов; рецензируемый журнал «Инновационная экономика».

Межвузовская научно-практическая конференция «Глобальная нестабильность и цифровые технологии: реалии XXI века» проводилась Центром управления отраслями промышленности впервые, объединяя молодых ученых, российских и зарубежных представителей научного сообщества и промышленных компаний, будущих работодателей сегодняшних студентов и аспирантов.

В настоящее время весь мир оказался на пороге глобального финансово-экономического кризиса, вызванного последствиями пандемии коронавируса. Уже сегодня, пожалуй, нет ни одной страны, компании или человека, кто не ощутил те глобальные изменения, которые происходят в финансово-экономической сфере и в научно-технической области. С одной стороны, пандемия коронавируса привела к усложнению условий ведения хозяйственной деятельности. С другой, именно благодаря ей произошел значительный скачок в цифровизации всех сфер жизни общества.

Принимая во внимание стратегическую важность развития наукоемкой промышленности для нашей страны, первая секция была посвящена вопросам управления наукоемкой промышленностью в условиях глобальной нестабильности.

¹ Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат технических наук, доцент кафедры прикладной экономики, заместитель директора Центра управления отраслями промышленности экономического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва, Россия.

Усложнение финансово-экономической ситуации обуславливает необходимость повышения внутреннего контроля и роли аудита в финансовых институтах. Именно эти вопросы стояли на повестке дня 2-й секции конференции.

Третья секция была посвящена вопросам управления инновациями и компетенциями, которые традиционно занимают центральное место в повышении конкурентоспособности на микро- и макроуровне.

Рассмотрение вопросов развития мировой экономики и цифровых технологий (4-я секция) сегодня в условиях распространения коронавируса необходимо для понимания тенденций и встраивания в уже новую систему мирового хозяйства.

В заключении Конференции были подведены итоги обсуждения и озвучены победители и лауреаты конкурса на лучшую научную работу студента, аспиранта по 3-м номинациям: Лучшее управленческое решение для наукоемкой промышленности; Лучшее управленческое решение в области финансового аудита; Лучшее научное исследование.

**ВСЕ СТАТЬИ ЖУРНАЛА «РОССИЯ И АЗИЯ» ЗА 2017–2020 гг. /
ALL ARTICLES OF THE JOURNAL "RUSSIA AND ASIA" IN 2017-2020**

Все статьи журнала «Россия и Азия» за 2017–2020 гг.

	2017. № 1	С.
1.	Интервью с Его Превосходительством доктором Ахмедом Аль Саати, Послом Королевства Бахрейн в Российской Федерации	6
2.	Шкваря Л. В. Иракский Курдистан: нефть, газ и развитие	11
3.	Стрыгин А. В. Лаос в АСЕАН: интеграционное сотрудничество и возможности развития	23
4.	Айдрус И. А. З., Чапанова М. А. Об инвестиционных фондах и венчурном капитале в контексте исламских финансов	32
5.	Савинский А. В. Внешняя торговля Китая и сотрудничество с Россией	44
6.	Русакович В. И. Экономическая интеграция стран ССАГПЗ и влияние внешнего фактора	50
7.	Передня М. С., Кузьмин Д. В. Анализ внешнеторговых отношений России и Сирии в 2007–2016 гг.	60
8.	Столярова Е. И., Кодиров А. З., Мархулия Д. Т. Структура и динамика доходов и расходов федерального бюджета РФ в 2014–2017 гг.	68
2018. № 1 (2)		
9.	Интервью с Его Превосходительством д-ром Сивиенгпхет Фетворасак, Послом Лаосской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации, для журнала «Россия и Азия».	5
10.	Родионова И. А., Кокуйцева Т. В. Позиции стран Азиатского региона и методика анализа уровня индустриального развития стран мира	10
11.	Владимиров С. Н. Трансформация внешней торговли стран Персидского залива: задачи и возможности	17
12.	Черников А. В. Автомобильная промышленность в странах Персидского залива: миф или реальность?	24
13.	Денисов Р. В. Бенчмаркетинг в Японии как фактор повышения конкурентоспособности: история и современность	30
14.	Лохмутов С. В. Промышленное развитие Бангладеш как драйвер социально-экономического прогресса	39
15.	Оздемир В. Торговые отношения России и Турции на современном этапе	46
16.	Khaled Al Sayyad. The Manifestation of QE Theory in Practice: Did it Work in Restarting the Economy as Touted?	52
2018. № 2 (3)		
17.	Интервью с Его Превосходительством Господином Амджад Оде Адайле, Послом Иорданского Хашимитского Королевства в Российской Федерации	5
18.	Шкваря Л. В. Королевство Иордания: современное социально экономическое развитие и диверсификация	10

19.	Андропова Н. Э. Развитие миграционных процессов в рамках группы БРИКС в условиях формирования новой мировой финансовой архитектуры	26
20.	Хэ Минцзюнь. Синьцзян: экономическая история, современность и борьба с международным терроризмом	37
21.	Родин С. И. Перспективы высокотехнологичного развития в странах Персидского залива и опыт для России	45
22.	Guichard J.-P. La pénétration économique et politique Russe dans les Balkans	53
23.	Антропова М. Ю., Смирнов Е. Н. Перспективы создания цифровых предприятий в мировой металлургической отрасли	69
24.	Мусаев Р. А., Магомедова Ю. Д. Исламская экономическая модель: сущность и перспективы развития в России	75
25.	Марченко О. В. О нравственности в экономике	81
26.	Шкваря Л. В. Будущее Франции и России в современном мире: диалог гражданского общества в образовании, науке, экономике, территориальном развитии	93
2018. № 3 (4)		
27.	Интервью с Его Превосходительством Господином Панкаджем Сараном, Послом Республики Индия в Российской Федерации	5
28.	Коновалова Ю. А. Индия: роль в системе международной трудовой миграции и социальные особенности	12
29.	Долгополов Д. В. Институциональные проблемы технологического развития Республики Индонезия	21
30.	Раупов К. С. Природные ресурсы Таджикистана как фактор развития конкурентоспособного экспортного потенциала	30
31.	Рассказов Д. А. Нетрадиционные драйверы формирования и развития международных финансовых центров	37
32.	Takieddine A. R. Governance and creativity in higher education: recommendations for Lebanon	43
33.	Стреналюк В. В. Объединение уникальных технологических компетенций предприятий России и арабских стран Ближнего Востока — новое направление международного инновационного развития	55
34.	Ellaithy M. S. Barriers to international trade: focus on Egypt and its trade regulations	64
35.	Русакович В. И. Ресурсное проклятие: вымысел или реалии XXI века (анализ научной литературы)	73
36.	Айдрус И. А. З. Саудовская Аравия — Россия: путь в стратегическое партнерство	
2018. № 4 (5)		
37.	Интервью с представителем регионального правительства Иракского Курдистана и Демократической партии Курдистана в России и странах СНГ, доктором экономических наук Хошави Бабаком	5
38.	Бахзад Т. С. Финансовые аспекты строительства малого бизнеса в регионе Иракский Курдистан	11
39.	Родионова И. А., Шувалова О. В. Мировая энергетика: позиции стран	16

	БРИКС	
40.	Дигилина О. Б., Миронова Т. Г. Экономика совместного потребления в России и за рубежом	33
41.	Овсянникова Т. Ю., Рабцевич О. В., Югова И. В. Рынок жилищных инвестиций: проблемы стабильной нестабильности	43
42.	Смирнова Ю. П. Перспективы развития российско-южнокорейских экономических отношений	53
43.	Монделло Ж. Денежный характер криптовалют и их перспективы в России и Франции	59
2019. № 1 (6)		
44.	Интервью с Его Превосходительством Господином Ихабом Ахмедом Талаатом Насром, Послом Арабской Республики Египет в Российской Федерации	5
45.	Марьясис Д. А. К вопросу о развитии экономики Палестины	9
46.	Слука Н. А., Ткаченко Т. Х. На пути к Pax Sinica	19
47.	Каширин А. И., Семенов А. С. Проблематика управления компетенциями в высокотехнологической отрасли	29
48.	Флоранс Энон. Новые пространства инноваций в современном городе: взаимодействие между научными исследованиями, предприятиями и территорией	35
49.	Филиппов Д. И. Финансовые инновации в условиях цифровой глобализации	51
50.	Шкваря Л. В. Сравнение экономик СССР и США в 1970–1980-х гг. Что происходило с двумя крупнейшими экономическими системами	61
2019. № 3 (7)		
51.	Интервью с Его Превосходительством доктором Риядом Хаддадом, Чрезвычайным и Полномочным Послом Сирийской Арабской Республики в Российской Федерации	5
52.	Русакович В. И., Кухтин Г. В. Сирия: экономика, социальная сфера, перспективы развития	9
53.	Тиань Ианьли. Китайско-российское торговое сотрудничество: новый импульс развитию	22
54.	Белова Л. Г. Особенности инновационного развития малых передовых стран азиатско-тихоокеанского региона — Гонконга, Тайваня и Сингапура	31
55.	Зотова А. С., Ашмарина С. И. Глобальные тенденции электронного обучения в российской системе высшего образования	46
56.	Аман М., Неновски Н. Стабильность валютного курса и бегство капитала. Теоретическая модель и эмпирическое применение к Джибути	54
57.	Кухтин Г. В. Глобальная безопасность и научно-технологический прогресс.	70
2019. № 3 (8)		
58.	Интервью президента Республики Абхазия Рауля Джумковича Хаджимба для журнала «Россия и Азия»	5
59.	Шкваря Л. В. Абхазия — страна души: социально-экономическое развитие	10
60.	Хэ Минцзюнь. Товарная торговля Китая и ЕС в 2018 году: основные тренды	22

	и результаты	
61.	Варфаловская Р. А. Япония: экономическая динамика и внешняя торговля	33
62.	Костюнина Г. М. АСЕАН: достижение целей устойчивого развития и экологическое сотрудничество	45
63.	Оберт Т. Б., Храмушина В. А. Российские компании на мировом рынке ИТ-услуг и особенности их управления	61
64.	Шмелева А. Г., Власов Г. В., Ладынин А. И., Зайцева Е. В. Имитационное моделирование макросоциальных процессов с учетом катастрофических явлений	77
2019. № 4 (9)		
65.	Глава миссии Лиги арабских государств в Москве (посол ЛАГ), его превосходительство господин Джабер Хабиб Джабер: интервью журналу «Россия и Азия»	5
66.	Абдуллаев Д. А. Российско-китайские отношения и роль нефтегазового сегмента	12
67.	Чиниев Д. Б. Цифровое государство в Таджикистане: основные этапы формирования, проблемы и возможности	25
68.	Шкваря Л. В., Соловьёва Ю. В. Страны ССАГПЗ: инновационная составляющая экономики	32
69.	Чернобровкина Н. И. Новые формы организации и практики управления университетами в России: поиск оптимальных методологических оснований	43
70.	Родионова И. А. О необходимости развития рыбного хозяйства (рыболовства и аквакультуры) в целях обеспечения продовольственной безопасности в Азии	50
71.	Молочкова М. Ф. Возможности интернационализации малого и среднего бизнеса России в условиях санкционных ограничений	63
72.	Стрыгин А. В. Генезис геополитического осмысления процессов социально-политического и социально-экономического развития современного мира	70
2020. № 1 (10)		
73.	Колонка главного редактора	5
74.	Красноярова Б. А., Кротов А. В. Потенциальные риски реализации трансконтинентальных проектов в Центральной Евразии	8
75.	Фролов А. А., Джураева З. Ф. Оценка и особенности современного этапа интеграции Республики Таджикистан в мировое хозяйство	16
76.	Овчинникова О. П., Кокуйцева Т. В. Интеграционные процессы в научно-технологической сфере ЕАЭС: проблемы и перспективы	29
77.	Родионова И. А., Силла А. Б. Бокситодобывающая промышленность мира: азиатские приоритеты развития	35
78.	Слука Н. А., Кузовлев С. С., Шашкина А. А. Имидж глобального Сингапура в Рунете	51
79.	Роланд Н. Преподавание правовой антропологии в России и Франции: сравнительный подход	59
80.	Соловьёва Ю. В. Битва гигантов и ее возможный итог	67
2020. № 2 (11)		

81.	Интервью с Его Превосходительством доктором Ахмедом Салемом Аль Вахейши, Послом Йеменской Республики в Российской Федерации	6
82.	Муха Д. В. Совершенствование инвестиционной политики Республики Беларусь в условиях глобальной нестабильности	13
83.	Сабон В. Л. Малайзия: технологии как драйвер экономических и социальных трансформаций	25
84.	Волкова Е. В. Ракетно-космическая промышленность России: тенденции и проблемы инновационного развития в контексте цифровизации	34
85.	Рязанцев С. В., Айдрус И. А. З., Асмятуллин Р. В. Роль бахрейнизации в развитии национальных человеческих ресурсов	43
86.	Русакович В. И. Индия — Катар: особенности двусторонних экономических отношений	56
87.	Овчинникова Н. Э., Овчинникова О. П., Кокуйцева Т. В. Риски и перспективы целевого сценария развития ЕАЭС	68
2020. № 3 (12)		
88.	Имашев Э. Ж. Экономико-географическая оценка перспектив кластеризации промышленности Актыбинской области Республики Казахстан.	7
89.	Кириллов В. Н., Ошкина А. Экономическое развитие Алжира: проблемы и перспективы	23
90.	Эркинов К. Э., Шувалова О. В. Изменение структуры генерирующего оборудования как следствие либерализации электроэнергетики России	30
91.	Чиниев Дж. Б. Пандемия против глобальных инвестиций: реалии 2020 года	36
92.	Салах Эль Дин М. С. Меры Египта по смягчению негативных экономических последствий для туристического сектора в условиях глобальной нестабильности	44
93.	Шеров-Игнатъев В. Г. Соглашение ЕСЭС о свободной торговле с третьими странами: смысл для России	59
94.	Чжан Ш. Китайская денежная система в эпоху Возрождения: серебряный стандарт и глобализация в эпоху династии Мин	70
95.	Родионова И. А. К 90-летию юбилею кандидата географических наук, доцента Елизаветы Дмитриевны Волковой	91
2020. № 4 (13)		
96.	Родионова И. А. Позиции Азии в мировой индустрии	
97.	Бедрина Е. Б., Альристим Мохаммед Хуссейн Ассим. Причины и факторы ресурсной зависимости Ирака и ее последствия	
98.	Красноярова Б. А., Кротов А. В., Лыткина А. В. К юбилею Туркестано-Сибирской железной дороги: история строительства и развития, современное состояние и проблемы	
99.	Потоцкая Т. И. Правовой статус Каспийского моря: экономико-географические аспекты	
100.	Хайруллин Т. Р. Дерадикализация исламизма в Арабском мире: опыт сопоставительного	

	анализа, процессы и перспективы	
101.	Филькевич И. А. Особенности поддержки национальной экономики в странах ЕАЭС в условиях коронавируса	
102.	Шахигуллин А. С. Особенности туристического сектора Социалистической Республики Вьетнам на современном этапе	
103.	Меденников В. И., Бутрова Е. В. Методологические основы применения результатов проекта «Цифровая Земля» для решения задач народного хозяйства	
104.	Кокуйцева Т. В. О Межвузовской научно-практической конференции «Глобальная нестабильность и цифровые технологии: реалии XXI века»	